

Борис Самуилович Итенберг
РОССИЯ И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

Академия Наук СССР
Институт истории СССР
М.: Наука. 1971. 202 с.

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2010

«ПАРИЖ В РУКАХ КРАСНЫХ»
Несколько слов из истории
Царь и его окружение
ПО СТРАНИЦАМ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» И «РУССКОГО ВЕСТНИКА»
В разгар событий
В поисках причин движения
«ЭРА РЕВОЛЮЦИИ УЖЕ НЕ ДОЛЖНА ВОЗВРАЩАТЬСЯ»
Из дневника А.В.Никитенко
«О бедная, несчастная Франция!»
Аристократ, богач и ученый
ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ
«На развалинах Парижа»
«Франция и французы после войны»
«НЕ ЗАПРЕТЯТ ЛИ “НЕДЕЛЮ”?»
«1789-1848-1870»
Кара последовала
ПЕТР ЛАВРОВ
Неизвестные рукописи
После Коммуны
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ РОССИИ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ
Первые вести
Влияние на революционное движение
Через десять лет
ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ
Накануне
«Толкать буржуазную революцию как можно дальше...»
Книга Лиссагарэ
«На этом фундаменте мы должны строить дальше»
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также в сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

Опубликованы в электронном виде:

Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)

Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)

М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)

Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)

А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: госполитиздат. 1956)

Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)

Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)

К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)

С.Н.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.:

Государственное военное издательство. 1935)

БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников

Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля

Леруа, В.Б.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР.

1928)И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)

Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр.

Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. и Казач. Депутатов. 1918)

Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред.

В.М.Далин)

А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)

Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)

Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)

Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)

Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР, 1961). Тт.1, 2.

И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)

П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)

План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны

Письма рабкоров Парижской коммуны (М., 1937)

Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).

«ДЕЛО КОММУНЫ

- ЭТО ДЕЛО СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ,

ДЕЛО ПОЛНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО

И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

ЭТО ДЕЛО ВСЕСВЕТНОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

И В ЭТОМ СМЫСЛЕ ОНО БЕССМЕРТНО.

В. И. Л Е Н И Н

«ПАРИЖ В РУКАХ КРАСНЫХ»

Несколько слов из истории

Царь и его окружение

ПО СТРАНИЦАМ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

И «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

В разгар событий

В поисках причин движения

«ЭРА РЕВОЛЮЦИИ УЖЕ НЕ ДОЛЖНА ВОЗВРАЩАТЬСЯ»

Из дневника А.В.Никитенко

«О бедная, несчастная Франция!»

Аристократ, богач и ученый

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

«На развалинах Парижа»

«Франция и французы после войны»

«НЕ ЗАПРЕТЯТ ЛИ "НЕДЕЛЮ"?»

«1789-1848-1870»

Кара последовала

ПЕТР ЛАВРОВ

Неизвестные рукописи

После Коммуны

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ РОССИИ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

Первые вести

Влияние на революционное движение

Через десять лет

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Накануне

«Толкать буржуазную революцию как можно дальше...»

Книга Лпсагарэ

«На этом фундаменте мы должны строить дальше»

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

«ПАРИЖ В РУКАХ КРАСНЫХ»

Сто лет назад, 18 марта 1871 г., министр иностранных дел России князь А. М. Горчаков получил от поверенного в делах в Париже Г. Н. Окунева шифрованную телеграмму: «Монмартр сегодня утром был атакован против всякого ожидания. Часть линейных войск не явилась, и большинство национальной гвардии не ответило на призыв. Восстание господствует на Монмартре, в Бельвиле и Сент-Антуанском предместье»¹. Об

дол ал в своем дневнике лаконичную, но выразительную запись: «Париж в руках красных»². Так официальная Россия узнала о возникновении Парижской Коммуны. О революции в Париже заговорила пресса: газеты и журналы стали информировать о событиях во Франции, выражать свое отношение к ним, высказывать редположения о дальнейшей судьбе восставшего народа.

Революция 18 марта привлекла внимание многих людей России. О ней судили консерваторы и либералы, революционные интеллигенты и передовые рабочие. Общественное мнение, разумеется, оказалось разноречивым — реакционеры ругали ее и клеветали на коммуаров, передовые люди восхищались самоотверженностью парижских революционеров. Парижская Коммуна оказала влияние на развитие общественного движения России. Своим революционным примером, глубокими

«Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.» М.—Л., 1933, стр. 65.

С. Д. Куниский. Русское общество и Парижская Коммуна. Отклики в России на франко-прусскую войну и Парижскую Коммуну.

социальными преобразованиями она взывала к оорье за справедливость, за коренную ломку старого, за построение нового, передового, прогрессивного.

«Россия и Парижская Коммуна» — это серия очерков, рассказывающих о том, как в различных кругах русского общества, отдельными русскими людьми, в печати была встречена и оценена революция 18 марта в Париже и какое воздействие она оказала на развитие общественной борьбы в России.

Рассматриваемая тема уже давно привлекает внимание историков³. Среди них особенно плодотворно занимался этой проблемой С. Д. Куниский. В 1962 г. вышла его книга «Русское общество и Парижская Коммуна». Нужно ли было начинать вторую на ту же тему? Да, нужно, так как содержательная работа Куниского не могла, разумеется, исчерпать все аспекты темы «Россия и Парижская Коммуна». В связи с этим возникло намерение раскрыть изучаемую проблему на основе новых материалов, осветить ранее не исследованные вопросы, расширить хронологические рамки работы. Насколько все это удалось — судить читателю.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ИЗ ИСТОРИИ

Повествование мы начнем с истории самой Парижской Коммуны. 2 декабря 1851 г. во Франции был совершен государственный переворот: президент Французской республики Луи Бонапарт распустил Законодательное собрание, а затем провозгласил себя, под именем Наполеона III, императором Франции. Так была

восстановлена в стране вторая империя. Началось время бурного расцвета биржевых махинаций и спекуляций. Обогащались банкиры и крупные предприниматели. Роскошную жизнь вели император и его окружение. В то же время разорялась мелкая буржуазия, эксплуатировались рабочие, подрывалось крестьянское хозяйство. «Вся мерзость капиталистического строя, внутренние тенденции которого получили полный простор, беспрепятственно выступила наружу», — писал К. Маркс об этом периоде французской истории⁴.

В стране нарастало широкое недовольство режимом Второй империи. Смелее начал выступать рабочий класс, активизировалась деятельность Интернационала. Тогда Наполеон III решил искать выход из революционного кризиса в победоносной войне.

19 июля 1870 г. французский император в ответ на вызывающие действия канцлера Бисмарка, стремившегося объединить все немецкие княжества, объявил Пруссии войну. Эта война была воспринята с негодованием передовыми рабочими, членами Интернационала. Маркс по поручению Генерального совета Международного товарищества рабочих составил воззвание, в котором показал истинный смысл франко-прусской войны. «Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая», — цитировал Маркс воззвание одной из парижских секций Интернационала. Он писал далее, что финал ясен: «похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже»⁵.

Маркс считал, что в сложившихся условиях нужно призывать к интернациональному сплочению трудящихся: «Английский рабочий класс протягивает руку дружбы французским и немецким рабочим. Он глубоко убежден, что, как бы ни кончилась предстоящая отвратительная война, союз рабочих всех стран в конце концов искоренит всякие войны»⁶.

Между тем французская армия терпела одно поражение за другим. В начале августа немцы захватили часть Эльзаса и Лотарингии. 7 августа об этом узнали

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 600.

Там же, стр. 3.

⁶ Там же, стр. 5.

³ Различные аспекты этой темы исследованы в следующих работах: Б. М. Волин. Парижская Коммуна по донесениям царского посла. М., 1920; М. Балабанов. Россия и европейские революции в прошлом, вып. III. Парижская Коммуна. Киев, 1925; Ц. Фридлянд. Царская дипломатия и Парижская Коммуна. — В кн.: «Парижская Коммуна». Сб. статей. М.—Л., 1932; Ш. БасилаЯ. К вопросу об отношении царского правительства к Парижской Коммун*. Сухуми, 1954; З. С. Ефимова. Русская демократическая печать о Парижской Коммуне. — В кн.: «Парижская Коммуна 1871 г.», т. II, М., 1961, гл. 27; С. Д. Куниский. Русское общество и Парижская Коммуна. М., 1962; И. С. Книженик-Ветров. Русские деятелицы первого Интернационала и Парижской Коммуны. М.—Л., 1964. Д. С. Гутман. И. С. Тургенев о франко-прусской войне и Парижской Коммуне. — «Новая и новейшая история», 1969, № 2.

в Париже. Начались стихийные демонстрации. Раздавались требования свержения императора и провозглашения республики.

1 сентября на фронте произошла катастрофа: в сражении у Седана были разгромлены 100 тыс. французских войск Мак-Магона. По распоряжению находившегося в крепостной башне Седана Наполеона III был выброшен белый флаг. На другой день — подписана позорная капитуляция: 83 тыс. пленных солдат, офицеров, генералов во главе с императором Франции; 3 тыс. убитых, 14 тыс. раненых и 3 тыс. солдат, разоруженных на бельгийской границе. На этот раз часы империи были сочтены. О разгроме под Седаном узнали в Париже вечером 3 сентября. Столица Франции всколыхнулась. Сразу начались манифестации. Улицы стали оглашаться лозунгами: «Низложение! Да здравствует Республика!»⁷.

На следующий день движение против империи достигло апогея. Под напором стихийного народного возмущения император Франции Наполеон III был низложен, к власти пришла буржуазия, создавшая «правительство национальной обороны» во главе с генералом Трошю. Так 4 сентября во Франции победила буржуазная республика.

Война же в это время продолжалась. Прусские войска осадили Париж. Нависла угроза окончательного разгрома Франции. Генеральный совет Интернационала начал кампанию против захвата Эльзаса и Лотарингии Пруссией. «Правительство национальной обороны» вступило с Бисмарком в тайные переговоры о перемирии, но народ Франции был готов продолжать борьбу против захватчиков. На защиту республики, за свободу своей Родины поднялись рабочие, интеллигенция, учащиеся, мелкая буржуазия.

Правительство Трошю боялось, что народ возглавит социальное движение, направит свои силы против буржуазии. «Вынужденное выбирать», — писал Маркс, — между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной

измены»⁸. Капитулируя перед Бисмарком, это правительство предавало интересы французской нации, делало все, чтобы не допустить в стране классовой борьбы.

Такая политика привела к самостоятельным действиям рабочих и ремесленников, которые решили организовать в двадцати округах Парижа «республиканские комитеты бдительности». Во главе них находился Центральный комитет двадцати округов, членами которого были многие члены Интернационала — Варлен, Дюваль, Малон, Тейс и др.

31 октября 1870 г. в 8 часов утра ЦК двадцати округов собрался на чрезвычайное заседание. На нем было решено направиться в ратушу, потребовать свержения правительства Трошю и призвать народ к созданию Парижской Коммуны. В 4 часа дня народные массы Парижа при активном участии бланкистов, во главе которых находился Флуранс, захватили ратушу и провозгласили новое правительство. В ответ на это Трошю собрал военные силы и подавил движение.

Безуспешной оказалась и вторая попытка бланкистов поднять восстание 22 января 1871 г. Широкие народные массы еще не были подготовлены к зрелым революционным действиям.

Революционные выступления в Париже сопровождались дальнейшими неудачами на фронтах. 28 января 1871 г. «правительство национальной измены» капитулировало и подписало с Пруссией перемирие. После этого в Бордо собралось Национальное собрание и избрало главой правительства Тьера. Основной своей задачей Тьер поставил подписание мира с пруссаками, чтобы затем бросить все силы на борьбу с «красными».

Наступление нового правительства на революционный Париж не заставило себя долго ждать. 15 февраля было издано постановление, которое лишало пособия основную массу национальных гвардейцев. Затем правительство отменило отсрочки квартирной платы, закрыло ряд демократических газет, арестовало видных революционеров. Но все это не сломило воли трудового Парижа. В начале марта сформировался Центральный комитет национальной гвардии, возглавивший револю-

⁷ «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I. Под ред. Э. А. Желубовской, А. З. Мапфреда, А. И. Молока, Ф. В. Потемкина. М., 1961, стр. 130.

ционное движение в городе. По национальной гвардии и решило нанести удар правительство Тьера.

16 марта из Версаля в Париж прибыл Тьер и непосредственно взялся за подготовку контрреволюционного заговора: разоружение национальной гвардии, арест ее членов и видных деятелей Интернационала. В ночь на 18 марта войска Тьера двинулись в районы Монмартра и Бельвиля, намереваясь захватить артиллерию национальной гвардии. Эта попытка провалилась.

В шестом часу утра на Монмартре раздался колокольный звон. На защиту революционного Парижа выступили рабочие и ремесленники. Они вливались в ряды национальных гвардейцев. Солдаты версальского правительства отказались стрелять в народ.

После 10 часов утра к Тьеру стали поступать телеграммы, свидетельствующие о провале контрреволюционного переворота.

10 часов 30 минут: «Очень плохие известия с Монмартра... Войска отказываются действовать».

10 часов 50 минут: у Люксембургского дворца — «солдаты здесь разоружены и братаются с восставшими».

13 часов: «В XI округе все потеряно. Восставшие хозяйничают там... Состояние возвращающихся с площади Бастилии солдат плачевное, они держат ружья прикладами вверх и т. п.»⁹.

Тьер и его министры бежали в Версаль. Туда же началось отступление и правительственных войск.

К вечеру члены ЦК национальной гвардии, ставшие во главе восстания, заняли ратушу и водрузили над ней красное знамя.

Оказавшись у власти, Центральный комитет поспешил (и это было ошибкой) приступить к выборам в Совет Коммуны. Выборы состоялись 26 марта, а 28 марта на площади у ратуши была торжественно провозглашена Парижская Коммуна. Из 86 членов Коммуны 65 человек были революционерами. Из них 26 — рабочих; остальные — представители интеллигенции. Разнообразен был политический состав Коммуны: бланкистов — 18 человек; прудонистов — 13; левых прудо-

нистов — 10; неоякобинцев — 19. Из 65 членов Коммуны 33 входили в состав секций Интернационала.

Вечером 28 марта состоялось первое заседание Коммуны. На нем были приняты постановление о несоместимости мандата члена Коммуны с депутатством Бордоского национального собрания и заявление, что национальная гвардия и ее Центральный комитет «оказали великие услуги Парижу и Республике». В бурных спорах протекало обсуждение вопроса о роли Коммуны в социальном движении. Наконец, усталые члены Коммуны приняли порядок следующего дня заседания. «На старой башне,— пишет историк Коммуны и ее участник Лиссагарэ,— часы бьют полночь. Собрание закрывается при криках: „Да здравствует Республика! Да здравствует Коммуна!“ Секретари, Ферре и Рауль Риго, собирают разбросанные заметки, из которых они должны составить протокол. Гвардия почетного двора кричит: „Да здравствует Коммуна!“ при проходе депутатов. Париж засыпает при замирающих звуках музыки, первый раз после 18 марта гаснут огни в ратуше, и часовым не дается боевого пароля»¹⁰.

Революция победила. Но ее первые шаги не всегда сопровождались зрелыми и продуманными действиями. Маркс считал, что Центральный комитет национальной гвардии, боясь начать гражданскую войну, совершил «огромную ошибку» — «вопреки советам своих наиболее энергичных членов не двинулся сразу же на Версаль...»¹¹.

Отказ от наступления на Версаль был связан еще и с тем, что среди членов Коммуны были сторонники коммуналистического устройства Парижа. Они находились под влиянием мелкобуржуазной теории Прудона, проповедующей федерализм, стремились к автономии Парижа.

Несмотря на наличие федералистических настроений, Коммуна своими действиями проявила себя как первый опыт диктатуры пролетариата. Это было первое рабочее правительство, которое, захватив власть, сломало старый государственный аппарат и создало новое государственное управление. «Коммуна,— писал Ленин,— первая попытка пролетарской революции *разбить* бур-

⁹ Э Лиссагарэ. История Коммуны 1871 года. СПб., 1906, стр. 141. А. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 576.

⁹ «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I, стр. 292,

жуазную государственную машину и „открытая наковняк“ политическая форма, которую можно и должно заменить разбитое»¹².

Отбросив принцип федерализма, Коммуна осуществила централизующие государственные мероприятия. Были приняты декреты об уничтожении постоянной армии, о ликвидации бюрократического аппарата, об отделении церкви от государства и т. д.

Широка и многообразна была деятельность Коммуны. Она протекала в сжатые сроки, в труднейших условиях окруженного города. Поэтому Парижская Коммуна не могла до конца раскрыть свои возможности, осуществить все, что было задумано. Ее ошибки, внутренняя борьба, нерешительность, слабость военного руководства, быстро сказались. Уже в начале апреля войска Тьера начали атаковать отдельные участки обороны. 2 апреля версальцы бросили свои силы против северо-западной части обороны города и захватили выгодные позиции для дальнейшего наступления. Рано утром 3 апреля командование Коммуны, не имея обоснованного плана, начало наступление с целью захвата Версаля. Поход этот оказался неудачным. Были убиты и пленены тысячи отважных коммунаров.

6 апреля комендантом парижского укрепленного района был назначен бывший офицер русской армии, польский революционер Ярослав Домбровский. После провозглашения 4 сентября 1870 г. республики находившийся в Париже Ярослав Домбровский был брошен в тюрьму, но благодаря стараниям Д. Гарибальди освобожден. Свершилась революция 18 марта. Домбровский был пригласен на военный совет ЦК национальной гвардии. Обсуждался вопрос о военных действиях. С большим пониманием обстановки и прозорливостью Домбровский заявил: «Надо сегодня вечером созвать национальную гвардию, атаковать Версаль, взять в плен правительство и Национальное собрание, как не обладающее доверием страны, провести новые выборы в Учредительное собрание!» Только немногие поддержали это разумное предложение. Тогда Домбровский возмущенно продолжал: «Вы близоруки, вы видите не дальше, чем на два шага впереди себя ...Раньше или поз-

же, а бороться вам придется, но тогда уже будет поздно!» Если же вы сейчас нападете на Версаль, вы будете хозяевами положения. По примеру своих монмартрских товарищей версальские солдаты откажутся в вас стрелять»¹³. Все же призыву Домбровского не вняли...

После назначения Домбровского комендантом укрепленного района Парижа его популярность быстро росла. Смелый и отважный генерал значительно укрепил оборону Парижа, хотя силы коммунаров, артиллерийский парк, транспортные средства во многом уступали противнику.

Версальцы, отвоевывая пункт за пунктом, методически сжимали кольцо обороны Парижа. К середине апреля Тьер договорился с Бисмарком о проходе версальских войск через немецкие линии к северу от Парижа.

Особенно ожесточенные бои происходили на западном участке фронта. Несмотря на самоотверженные действия войск Домбровского, ему к 19 апреля пришлось отвести остатки своих батальонов за Сену. К середине мая версальцы подошли вплотную к западным окраинам Парижа. В конце апреля их артиллерия подавила огнем южный форт Исси, оборона которого продолжалась до 8 мая.

21 мая версальцы через ворота Сен-Клу ворвались в Париж. Началось жестокое время «майской недели». На следующий день в городе уже находилось около 100 тыс. неприятельских войск. Тревога, поднятая в кварталах, призывала к баррикадной борьбе. Борьба разгорелась смелая и самоотверженная, но она была стихийной и слабо организованной. Явно не хватало централизованного руководства. Кварталы Парижа защищались автономно.

К концу 22 мая версальцам удалось захватить четвертую часть города. Затем наступила кратковременная передышка. Коммунары начали массовое строительство баррикад. Работали все: мужчины, женщины, дети. В ночь с 22 на 23 мая они готовились к решительному сражению. Главный удар был направлен на высоты Монматра. К середине дня 23 мая версальцам удалось окружить и захватить эти высоты. При их защи-

¹² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, стр. 56.

те был смертельно ранен Домбровский. Борьба же прб-должалась. Революционный Париж не сдавался.

Луи Эжен Варлен ... Он становится командиром 193-го батальона национальной гвардии, а затем и членом ее Центрального комитета. Французские рабочие единодушно избирают его в Совет Коммуны. В Коммуне Варлен активно работает в финансовой и производственной комиссиях. Когда же версальцы про-рвались в город, он возглавил оборону VI округа. 23 мая Варлен геройски защищал баррикаду на перекрестке Круа-Руж. Затем он упорно сражался с врагами на улице Вавен, на другом берегу Сены, отстаивая XI округ. 28 мая в три часа дня измученный Варлен обес-силенно опустился на скамью около сквера на улице Лафайет. Его узнали... Со связанными за спиной ру-ками его привели на вершину Монмартра. Герой Ком-муны был расстрелян недалеко от дома № 6 по улице Розье.

ЦК национальной гвардии принял решение: «Гражданину Раулю Риго, командиру батальона V легиона национальной гвардии, поручается наблюдение за городом Парижем и за безопасностью Республики»¹⁴. Он проявил себя стойким революционером, беспощадным к врагам революции. 26 апреля он назначается прокурором Коммуны. Когда представители «меньшинства» Коммуны демонстративно покинули заседание, Риго заявил, что, если они в ближайшие дни не явятся на заседание, их нужно всех арестовать. Угроза подействовала — меньшинство включилось в работу... 24 мая Рауль Риго погиб от версальской пули.

В комиссии общей безопасности вместе с Раулем Риго работал Теофиль Шарль Ферре, решительно разоблачавший происки контрреволюции. Ферре мужественно сражался в последние майские дни. После гибели Риго он продолжал защищать дело Коммуны...

7 августа 1871 г. третий военный трибунал судил Ферре и его товарищей. Свою последнюю речь он закончил словами: «Член Парижской Коммуны, я нахожусь в руках моих победителей. Они хотят моей головы — пусть берут ее. Никогда я не захочу спасти свою

жизнь подлостью. Свободным я жил, свободным хочу умереть...»¹⁵.

революционер из Венгрии Лео Франкель возглавил в Коммуне комиссию труда и обмена, энергично взялся за организацию производства. По его настоянию были приняты декреты о мастерских, покинутых хозяевами, о запрещении ночного труда булочников, об отмене произвольных штрафов. Не только административной деятельностью занимался Франкель. Он, как и другие члены Коммуны, сражался на баррикадах, был дважды ранен. Версальцам не удалось схватить отважного коммунара. Франкель перебрался в Лондон, где вошел в Генеральный совет I Интернационала...

В Парижской Коммуне участвовали и русские революционеры: Е. Л. Томановская (Елизавета Дмитриева) . В. Корвин-Круковская (Жаклар)¹⁶, М. П. Сажин, В. А. Потапенко, П. Л. Лавров.

Елизавета Лукинична Томановская в декабре 1870 г. была направлена от имени русской секции I Интернационала в Лондон к Марксу и стала другом его семьи. После провозглашения Коммуны она покинула Лондон и приехала в Париж. Под именем Елизаветы Дмитриевой Томановская возглавила Центральный комитет союза женщин. Из окруженного Парижа она стремилась информировать членов Генерального совета Интернационала о делах Коммуны. 24 апреля 1871 г. Томановская писала в Лондон члену Генерального совета Герману Юнгу: «Как вы можете оставаться там в бездействии, в то время как Париж на краю гибели? Необходимо во что бы то ни стало агитировать в провинции, чтобы она пришла нам на помощь. Парижское население (известная часть его) героически сражается, но мы никогда не думали, что окажемся настолько изолированными. Тем не менее мы до сих пор сохранили все наши позиции. Домбровский сражается хорошо, и Париж действительно революционно настроен»¹⁷.

¹⁵ Там же.

¹⁶ О Томановской и Корвин-Круковской подробнее см.: *И. С. Книжнич-Петров*. Русские деятельницы первого Интернационала и Парижской Коммуны.

«К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» М., 1967,

¹⁴ *А. Я. Лурье*. Указ. соч., стр. 181.

Во время «майской недели» Томановская (Дмитриева) мужественно сражалась на баррикадах. Участник Коммуны Луи Барон 23 мая занес в свой дневник, что на рассвете отряд воинственных женщин во главе с Дмитриевой самоотверженно защищал территорию Коммуны. Историк Коммуны Л. Дюбрейль писал: «На площади Бланш батальон женщин под командой героической Луизы Мишель и русской Дмитриевой, уже накануне сражавшейся в Батиньоле, обнаружил чудеса храбрости. Когда позицию уже невозможно было удерживать, батальон отбежал на несколько сотен метров далее, на площадь Пигаль, где вновь боролся с неприятелем; и так, отступая с одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на следующей...»¹⁸.

В 1869 г. приехала в Париж Анна Васильевна Корвин-Круковская. Она стала женой Шарля Виктора Жаклара (бланкиста, впоследствии сторонника К. Маркса и Ф. Энгельса). В 1870 г. супруги переехали в Женеву, где Анна Васильевна сблизилась с участниками Русской секции I Интернационала. В начале сентября 1870 г. они уже в Лионе, где была провозглашена Коммуна. После ее падения Жаклары переехали в революционный Париж. Ш. Жаклар становится членом ЦК национальной гвардии, командиром 158-го батальона. Анна Васильевна во время Коммуны была членом комитета бдительности, выпускала революционные афиши, ухаживала за ранеными коммунарами, выступала в женских клубах. Она вместе с Андре Лео руководила прудонистской газетой «La Sociale». Пала Коммуна, но Жакларам удалось перебраться в Швейцарию. Летом 1874 г. они с годовалым сыном приехали в Россию...

В 1870 г. Михаил Петрович Сажин в Женеве сблизился с Бакуниным. Затем Сажин стал одним из организаторов русской колонии в Цюрихе. Узнав 22 марта 1871 г. о революции в Париже, он покинул Цюрих и приехал в столицу Франции. В Батиньоле вместе с другими участниками Коммуны Сажин строил баррикады, сражался против версальцев. 2 июня он с Лионского вокзала выехал обратно в Цюрих.

Валериан Андреевич Потапенко родился в Варшавской губернии, в русской помещицкой семье. В 1868 г.

№ Л. Дюбрейль. Коммуна 1871 года. СПб., 1908, стр. 179.

он приехал в Париж. Во время франко-прусской войны вступил в национальную гвардию. Когда была провозглашена Парижская Коммуна, Потапенко стал адъютантом генерала Домбровского, сражался вместе с ним против войск Тьера. После гибели Домбровского он скрывался у парижского рабочего Э. Гобера, затем попытался возвратиться в Россию. Попытка оказалась неудачной: в декабре 1871 г. Потапенко был арестован на границе и как коммунар приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь...

Интересно сложилась в революционном Париже жизнь Лаврова. О нем подробно пойдет речь впереди..

Мы несколько отвлеклись от главного. Париж между тем продолжал героически защищаться. Особенно трагическими оказались последние дни «майской недели»! 25 мая в Бельвиле руководители обороны опубликовали последнее воззвание. 26 мая пали баррикады Бастилии и Сент-Антуанского предместья. Последние бои происходили на кладбище Пер-Лашез. Около 200 смельчаков защищали этот последний рубеж. 28 мая явился последним днем Коммуны...

ЦАРЬ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Перенесемся теперь из Парижа обратно в столицу Российской империи и продолжим повествование о том, как царь и его окружение относились к Парижской Коммуне. Вести об этой революции поступали со всех сторон.

7(19) марта в Петербурге было получено сообщение из Брюсселя. Посланник А. Д. Блудов с негодованием информировал о событиях, происшедших в Париже. Он предупреждал, что поражение национальной гвардии на Монмартре представляется более серьезным, чем это оценивается в прессе. Париж «находится в состоянии полной анархии». Версальское собрание состоит из непримиримых партий, которые лишь «в важнейших случаях» действуют заодно под руководством Тьера. Но при первом поражении «политическое стадо» окажется в разброде. Резюмируя сказанное, Блудов приходит к неутешительному, полному пессимизма, выводу: «Кавардак

политический, кавардак моральный, наконец, кавардак материальный»¹⁹.

За этим сообщением из Брюсселя последовала телеграмма Г. Н. Окунева из Версаля: «Со вчерашнего дня в Париже господствует восстание. Войска братались с мятежниками. Национальная гвардия осталась пассивной. Установлен революционный комитет под управлением Асси из Интернационала. Правительство удалилось в Версаль, предложило дипломатическому корпусу следовать за ним. Я последовал приглашению»²⁰.

Так поступившие сведения давали возможность царскому правительству уточнить положение дел в Париже. Выяснилось, что не просто «анархия» и «кавардак» господствуют в столице Франции, а победившее восстание, революционный комитет, управляемый Интернационалом. Родившаяся версия об Интернационале как организаторе революции 18 марта оказалась живучей. Перебравшийся из Парижа в Версаль русский поверенный в дальнейшем значительно подкрепил ее. Он сообщил в Петербург, что заседающий в ратуше повстанческий комитет, которым руководит Асси, по-видимому, весь принадлежит к Международному товариществу рабочих, что «агенты Интернационала уже, кажется», отравились в различные города для установления связи с местными комитетами, что совершенно дезорганизованной оказалась армия, так как она была «обработана Интернационалом»²¹.

В это время министр иностранных дел версальского правительства Жюль Фавр через французского поверенного в Петербурге Франсуа Габриака стремился убедить правительство России, что мятеж в Париже не получит распространения, так как его население начинает понимать характер совершенной ошибки; «бунтовщики» вынуждены будут «вернуться к порядку». «Скажите князю Горчакову, — писал Жюль Фавр Габриаку, — что мы победим бурю и что нашими усилиями будет восстановлено правление порядка и мира»²².

Когда же эти попытки министра иностранных дел не дали надлежащего эффекта, за дело взялся глава

¹⁹ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.», стр. 66.

²⁰ Там же, стр. 66—67.

²¹ Там же, стр. 68, 70.

²² Там же, стр. 73.

версальского правительства. Тьер решил удостоить беседы Окунева. Ее содержание было доложено царю, который сделал весьма выразительные пометы на представленном ему тексте этой беседы. Прежде всего Тьер выразил уверенность «в благоприятном конечном исходе кризиса, переживаемого в настоящее время Францией». Александр II не разделял такого оптимизма: «Очень боюсь, что он заблуждается». Затем русскому поверенному были изложены мотивы переезда правительства в Версаль, в результате чего, по словам Тьера, удалось сберечь армию. Подчеркнув слова «он сберег армию», царь сделал язвительную помету на полях: «Которая пока что по частям переходит на сторону повстанцев!» Расказал Тьер и о своем решении действовать против Парижа «суровыми мерами». «До сих пор мы этого не видели», — заметил император²³.

Лаконичные пометы царя на документе красноречиво раскрывают отношение самодержавного правительства к революции 18 марта. Позицию Александра II тезисно можно выразить примерно так: в Париже произошло серьезное социальное движение, с которым версальское правительство само сделать ничего не может.

Кто же может помочь? Окунев полагал, что единственная надежда на немецкие войска. Если бы они вошли в Париж и там разоружили национальную гвардию, то солдаты Бисмарка стали бы «истинными спасителями страны, так они дали бы ей возможность восстановиться в условиях относительного спокойствия». В ответ на такое откровенное признание Александр II сделал полную лицемерия помету: «Это было бы уже полным унижением для этой несчастной Франции...»²⁴.

Между тем в Петербург поступали все новые и новые сведения об укреплении революционной власти Парижа. 16(28) марта Окунев телеграфировал, что представители «повстанческого комитета прошли значительным большинством на выборах в Парижскую Коммуну»²⁵.

На другой день в Льеже было составлено секретное донесение, направленное в Россию через брюссель-

²³ Там же, стр. 76—77.

²⁴ Там же, стр. 79.

²⁵ Там же, стр. 80.

ское посольство, из него стали известны подробности событий, о которых телеграфировал Окунев. Правительство в Версале оказалось перед совершившимся фактом — выборы 26 марта поставили Париж «в распоряжение Интернационала и людей беспорядка». Если Тьер не начнет атаку Парижа, то его правительство «может оказаться захваченным победоносным восстанием, которое разрастается с каждым днем и угрожает двинуться на Версаль и выгнать собрание и правительство». В настоящий момент дело усугубляется тем, что в стране нет людей, которые могли бы справиться с восставшими. Правда, в Версале говорят об аннулировании выборов 26 марта и о назначении новых выборов. Но кто это сможет осуществить? Намерения правительства «останутся такой же мертвой буквой, как и положение с осадой департаментов Сены и Уазы»²⁶.

Одним из главных виновников случившегося является, по мнению автора донесения, Тьер. «Когда, — указывается в документе, — имеют мужество при таком страшном кризисе, как нынешний французский, стать во главе дел страны, нужно также иметь мужество сопротивления и действия вовремя. Г-н Тьер доказал, что он не имеет ни того, ни другого. Покинув Бордо, он должен был перенести правительство Национального собрания в Париж, не теряя ни минуты и личным присутствием в столице задушить восстание в зародыше, а для того, чтобы отнять всякий предлог для его возобновления, пойти на искренние и широкие уступки парижскому населению в отношении его коммунальной автономии»²⁷.

Тьеру, следовательно, нужно было, с одной стороны, сразу подавить революционное движение в Париже, с другой — пойти на некоторые уступки в вопросе коммунальной автономии столицы Франции. Этого не было сделано, и революция продолжала набирать силы.

20 марта (1 апреля) 1871 г. министерство иностранных дел получило из брюссельского посольства второе «секретное донесение», в котором содержится попытка проследить возможные последствия восстания в Париже.

Наиболее вероятным исходом в создавшемся положении явится «сражение между войсками Центрального комитета и армией исполнительной власти». Этот путь чреват серьезными трудностями. Вследствие нерешительности и бездеятельности Тьера мятеж «маленькой группки смутьянов», не имеющих сил, разросся «до размеров колоссального восстания». Восставшие в результате выборов 26 марта теперь царствуют и управляют в Париже, они имеют определенную программу, которая представляется автору «донесения» по существу справедливой, — программу освобождения коммуны от «произвольной опеки государства». Казалось, что эта программа ограничится муниципальной реформой. Но восставшие скользят по наклонной плоскости, их действия носят отчаянный и упорный характер, а это может привести к победе над разложившимися версальскими войсками. Что тогда? Тогда нужно будет опасаться, что «отражение поражения правительства немедленно даст себя чувствовать во всех городах новыми восстаниями, которые на этот раз могут быть решительными. Словом, победоносное парижское восстание может превратиться в новую революцию во всей стране». Если же восстание в Париже будет подавлено, наступит реакция; Тьера свергнут, власть захватит какой-нибудь второй Кавеньяк. Это, в свою очередь, едва ли благоприятно будет встречено Францией, родившейся после революции 1848 г. Скорее всего стране еще долго придется, «подобно Сизифу, катать камни монархии и республики, пока последняя не окажется наконец окончательно утвержденной и укрепившейся»²⁸.

Между тем версальцам удалось задушить Коммуну. Придворные круги такой исход дела вполне устраивал. 10(22) мая 1871 г. князь Горчаков встретился с поверенным в делах Франции маркизом Габриаком и выразил ему свое глубокое удовлетворение вступлением версальских войск в Париж, высказав надежду, что враждующие партии объединятся вокруг правительства и восстановят порядок во Франции.

Через день Александру II была доложена телеграмма из Версаля: «Армия господствует над площадями оандомской, Согласия, над Тюильри и ратушей...».

²⁶ «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.», стр. 80.

²⁷ Там же.

²⁸ же, стр. 89.

(16)28 мая в 10 часов 25 минут вечера русский поверенный Окунев телеграфировал из Версаля Горчакову: «Воскресенье. Взяты Бютт-Шомон и Бельвиль, что кладет конец парижскому восстанию»²⁹.

Когда версальское правительство полностью захватило Париж, Александр II дал получасовую аудиенцию маркизу Габриаку. Он принял его очень благожелательно и сердечно. О своем визите к царю французский поверенный сообщил шифрованной депешой в Версаль: «Воздав дань восхищения нашей армии, дух и дисциплина которой представляются ему снова превосходными, император сказал мне, что он имеет только одно искреннее желание—видеть правительство укрепившимся и дающим наконец солидные гарантии поддержанию порядка. „Франция не может на меня жаловаться,—сказал мне его величество,—с тех пор, как она имеет нормальное правительство. У меня только одно желание — поддерживать с ним наилучшие отношения...“»³⁰.

ПО СТРАНИЦАМ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» И «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

Газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник», редактируемые М. Н. Катковым, выражали самые реакционные настроения в печати. Они требовали «твердой власти», ожесточенно боролись против всего передового и прогрессивного, яростно выступали против освободительного движения. Эти органы имели широкую сеть заграничных корреспондентов, были хорошо информированы о всех событиях европейской жизни, пристально следили за развитием революционного движения и оперативно высказывали свое отношение к нему. Провозглашение республики, победа Парижской Коммуны, мощное народное движение вызвали глубокую ненависть к передовой Франции со стороны «Московских ведомостей» и «Русского вестника». Перелистаем их страницы, вчитаемся в тексты, определим особенности и основную тенденцию реакционной печати.

В РАЗГАР СОБЫТИЙ

4 сентября 1870 г. — республика во Франции. «Московские ведомости» сразу отнеслись к ней с явной враждебностью. В корреспонденции «Из Парижа», подписанной инициалом «Г», эта враждебность проявилась со всей определенностью: перед республиканцами «можно было бы преклониться», если бы захват ими власти принес стране «новую силу», которая помогла бы противодействовать неприятельскому вторжению. Этого, однако, не произойдет, так как республиканцев «не сов-

^a «Царская дипломатия и Парижская Коммуна 1871 г.», стр. 158, 165.

³⁰ Там же, стр. 167.

сем охотно» терпят в Париже, в провинции же они вызывают к себе «решительную антипатию». Все это приведет к тому, что «если не случится какого-нибудь чуда», то через месяц пруссаки будут господствовать во Франции. И тогда «эта горделивая, но — увы! — опрометчивая нация принуждена будет подчиниться воле сурового и высокомерного победителя. Страшная кара, далеко превосходящая меру ошибок и заблуждений, которыми навлекла ее на себя злополучная Франция!»¹.

Так «Московские ведомости» подвели читателя к выводу: приход к власти республиканцев ничего доброго не обещает, он приведет к захвату Пруссией Франции. Эта антиреспубликанская идея последовательно проходит почти во всех² материалах газеты. Она со всей определенностью проявляется в статье возвратившегося из Франции Е. Богдановича. Республика, по его мнению, не была провозглашена, «она провозгласилась сама собою», взамен прежней власти, которая «отвалилась, как отваливается с дерева перезревший плод». Богданович был в Париже на площади Согласия, народная толпа увлекла его через Сену к Законодательному собранию. Это мощное народное движение вызвало не радость и оптимизм, а страх перед случившимся. По выражению корреспондента, там стоял стон «Vive la republique!» «Этот стон оскорбленного, униженного, над пропастью очнувшегося двухмиллионного населения был страшен»³.

После объявления об отречении «случайной и губительной для Франции династии» в Париже восстановился

¹ «Московские ведомости», 5 сентября 1870 г., № 191.

² Исключение составляет информация из Парижа, появившаяся в середине октября: «Когда месяц тому назад рухнула империя, **искупая свои** двадцатилетние преступления бесславным падением и неслыханным в истории позором, она не оставила в Париже *ни одного* солдата для его защиты!!

В продолжение одного месяца временное правительство организовало, как бы волшебством, в Париже и на укреплениях полумиллионную армию из национальной гвардии и из подвижной гвардии Парижа и департаментов» (там же, 13 октября 1870 г., № 219).

Вполне понятно, что приведенный текст не отражал мнения «Московских ведомостей». Это была некоторая вольность, которую позволила допустить себе влиятельная реакционная газета, сыграть, так сказать, в либерализм.

³ «Московские ведомости», 17 октября 1870 г., № 223.

рядок. Порядок этот не сулил ничего хорошего, «Франция гибнет. Париж гибнет»,—делал вывод Богда-

нович. Так ли уж безнадежно положение Франции? Через два месяца после статьи Богдановича «Московские ведомости» возвратились к этому вопросу. Казалось, судьба Франции решена — империя разбита и уничтожена. Между тем разбита была не Франция, а империя Наполеона III. Позорно пала официальная Франция, но оставался народ и земля, которую он начал защищать: «Победоносным армиям пришлось начинать сызнова, и борьба с народом оказывается несравненно труднее, чем с регулярными войсками»⁵. Война приняла затяжной характер. Так «народная сила» разрушила планы завоевателей.

Может показаться, что орган Каткова приветствует падение наполеоновской Франции и возлагает надежды на республиканское правление, на народные силы. В действительности дело обстояло не так. Идеологи российского самодержавия очень часто проповедовали свои взгляды от имени народа. Думается, что и в данном случае обращение к народу свидетельствовало не о поддержке республики, а представляло обычный для реакционной прессы демагогический прием.

Наступил конец 1870 — начало 1871 г. Из осажденного Парижа по воздушной почте продолжали поступать корреспонденции, подписанные инициалом «Г». В них сообщалось о холодах, о трудных бытовых условиях, об усилении народного брожения, о «красных» пропагандистах, предлагающих учредить «общину» как «панацею против всех зол»...⁶

Газета известила о перемирии, подписанном в Версале, которое сопровождалось, по словам корреспондента же. Такая позиция нашла подтверждение и в дальнейшем: «Несомненно,— отмечал в августе 1871 г. „Русский вестник“,— что при том положении, в котором находилась Франция, революция 4 сентября была делом безумия, самого вопиющего, и впоследствии с трудом можно будет понять, что нашлась партия столь невежественная, непредусмотрительная и самоуверенная, которая решилась его выполнить» («Русский вестник», т. 94, № 8, 1871 г., 5 с.Р" ' Статья Г- Де-Моллиари «После разгрома»).

«Московские ведомости», 15 декабря 1870 г., № 270.

ам же, 1 января 1871 г., № 1.

Та, «довольно сильными волнениями». На Монмартрском бульваре, на площади городской думы, в районе Бельвиля собирались сходки народа, на них высказывалось недовольство этим перемирием «в выражениях более чем энергических»⁷. В корреспонденции рисовалась и картина капитуляции французской армии: «Длинные вереницы истомленных и покрытых грязью солдат запрудили все улицы телегами и корзинами с багажом... Унижение, гнев, отчаяние изображались на подвижных физиономиях толпы, смотревшей на эту похоронную процессию. Давно ли Франция была великою нацией, давно ли она заставляла трепетать Европу и проводила свои победоносные легионы по всем столицам? Измученные и безоружные солдаты, беспорядок, деморализация, отчаяние,— вот все что осталось от военной Франции. Вот конец великой эпопеи! Восстанет ли когда-нибудь Франция от такого удара? Кто знает?»⁸.

Перемирие позволило избрать Национальное собрание. 8 февраля состоялись выборы, а через неделю корреспондент «Г.» сообщил об их результатах. С озабоченностью информировал он, что в списке депутатов «преобладает бесспорно» «красный оттенок», что Луи Блан получил 216 тыс. голосов — «заклятый социалист, ужас буржуазии 1848 года, становится кандидатом 1871 года»⁹. В результате выборов социалисты имеют в Париже от 50 до 60 тыс. голосов из 545 тыс., внесенных в выборные списки. Это, правда, немного. Дело же заключается в том, что Международное товарищество рабочих сумело «водворить» между социалистами «самую строгую дисциплину» и они «подают голоса как один человек». Такие действия свидетельствуют о раздражении народа: «Масса населения недовольна образом действий правительства, и вот почему мелкая буржуазия, не говоря уже о некоторой части достаточной буржуазии, зсею массой примкнула к рабочим для избрания кандидатов, которые слывят наиболее враждебными правительству, каковы Гамбетта, Делеклюз, Рошфор, Феликс Пи а»¹⁰.

⁷ «Московские ведомости», 9 февраля 1871 г., № 29,

⁸ Там же.

⁹ Там же, 17 февраля 1871 г., № 36.

¹⁰ Там же.

С ненавистью и озлоблением отнеслись «Московские ведомости» к революции 18 марта. Газета стремилась документально развенчать Коммуну. Для этого в начале корреспонденции рассказывалось о событиях в Париже, цитировались документы, а потом давалась оценка происходившему. Вот «Последняя почта». Сообщение о том, как в ночь с 17 на 18 марта народ и национальная гвардия одержали победу на Монмартре¹¹. Затем газета оповестила читателей о том, что ЦК национальной гвардии, «распоряжающийся действиями парижских инсургентов», занял городскую думу и издал прокламацию: «Граждане! Народ парижский свергнул с себя иго, которое хотели наложить на него... На этот раз братья, служащие в армии, не хотели поднять своей руки на святой кивот наших вольностей. Благодарим всех. Вы и Франция полагаете основание признанной республики, единственного правительства, которое замкнет навсегда эру чужеземных вторжений и междоусобных войн. Осадное положение снято. Парижский народ созван в комиссии для произведения общинных выборов. Безопасность всех граждан обеспечена содействием национальной гвардии. Городская дума, 19 марта 1871.

Центральный комитет национальной гвардии: Асси, Бельвер, Ферра, Бабьек, Моро, Дюпон, Варлен, Бурсье, Мортье, Гуиз, Валетт, Журд, Руссо, Люлье, Бланш, Гролар, Барон, Жерем, Гольз, Пужере»¹².

После публикации этого текста газета отметила, что упомянутые члены ЦК национальной гвардии являются людьми, совершенно неизвестными. Исключение составляет Асси — один из вождей «Международной ассоциации рабочих во Франции», в прошлом «зачинщик» стачек в Крезе. Уже этот лаконичный комментарий свидетельствовал о недружелюбном отношении к происходящему в Париже. В дальнейшем это недружелюбие переросло в глубокую вражду к народному движению. «Московские ведомости» усердно подбирали выдержки из европейской прессы, в которых содержалась клевета на Коммуну:

«День 18 марта будет одним из самых мрачных Дней в нашей горестной истории...».

¹¹ Там же, 12 марта 1871 г., № 54.
¹² Там же, 13 марта 1871 г., № 55.

«Вся Франция единодушно покроем позором виновников этих убийств и зачинщиков этого ненавистного мятежа...»¹³.

«...Совершилась передача (провозглашение Коммуны.—*Б. И.*) Парижа в руки сорока человек, из коих одни неисправимые заговорщики и полуграмотные подражатели вожак 1793 года, другие — члены Международной ассоциации, лозунг которой есть борьба против всякой социальной организации»¹⁴.

Газета приводила иногда из буржуазной прессы и более спокойные оценки Коммуны. Так, по душе редакции пришла корреспонденция из «Times», в которой оценивались партийные группировки революции 18 марта: одна партия выражала «преобладание пролетариата над богатыми классами, рабочего над хозяином, труда над капиталом»; другая — провозглашала «всесветную республику», основанную на конфедерации свободных коммун¹⁵.

Показательно, что парижский корреспондент «Московских ведомостей», публиковавший свои статьи под инициалом «Г», иногда давал более или менее правдивую информацию. Характерна в этом отношении заметка «Из Парижа, 30(18) марта. Что вам сказать о наружном виде Парижа? Вот два дня как я возвратился, и масса населения, по-видимому, довольно спокойна, всякий по обыкновению занимается своим делом, и даже не видать сходбищ на бульварах. Привыкнуть можно ко всему, даже к Коммуне. А между тем красное знамя развевается на всех общественных зданиях; громадная баррикада, за которой виднеются совершенно новые пушки, преграждает движение между Вандомской площадью и улицей Мира; батальоны национальгардов Коммуны проходят по улицам, таща за собой пушки, играют сбор, бьют в набат, словом шум страшный. Вот в каком мы положении. Очевидно, что этот кризис слишком силен, а потому и не может быть продолжителем; но никто не в состоянии разгадать, какой будет его исход»¹⁶.

Прошло более месяца после победы революции 18 марта, и «Московские ведомости» решили высказать свое общее суждение о происшедшем. Газета сочла нужным определить прежде всего стремления и цели коммунаров. При этом она руководствовалась не текстами документов и практическими делами участников революции, а лишь желанием-любими средствами очернить и скомпрометировать Парижскую Коммуну. «Московские ведомости» признавали, что цели Коммуны выражены в ее программных и других официальных заявлениях, но этому, дескать, верить нельзя: «...Как ни туманно излагались эти заявления, как ни покрывались они громкими фразами, нетрудно усмотреть из них, что в сущности корифеи революции добивались подчинить себе всю Францию для производства над нею социальных опытов»¹⁷.

Под «социальными опытами» газета разумела программу Коммуны от 19 апреля, в которой говорилось, что гражданская война ведется за «общинные права» Парижа. В ней отмечалось, что Коммуна «не имеет намерения налагать свою волю или свое господство на остальную нацию и не претендует на диктаторство, что было бы положительным оскорблением независимости и верховенства других коммун»¹⁸. Все эти положения программы, проникнутые глубокой революционной нравственностью, были процитированы газетой. Однако «Московские ведомости» пришли к неожиданному выводу: «Но провозглашение федерации свободных коммун представлялось только для вида как принцип, открывающий якобы новую эру государственного переустройства на началах федерализма. Уже одно то было несогласно со свободой других общин Франции, что программа Коммуны, предрешая волю нации, требовала признания и упрочения республики и приглашала французский народ положить конец кровавому столкновению, помогши парижским федералистам сокрушить версальское собрание».

Первые практические шаги Коммуны показали ее гуманность, снисходительное отношение к врагам револю-

¹³ «Московские ведомости», 14 марта 1871 г., № 56.

¹⁴ Там же, 23 марта 1871 г., № 63.

¹⁵ Там же, 25 марта 1871 г., № 65.

¹⁶ Второе прибавление к № 66 «Московских ведомостей», 30 марта 1871 г.

¹⁷ «Московские ведомости», 25 апреля 1871 г., № 87.

¹⁸ Там же.
Там же.

ции. Между тем «Московские ведомости», бесцеремонно искажая правду, отмечали, что Коммуна не уважала законов, «не позволяла сходов», без суда производила аресты, «запретила и обирала церкви». Не обращая внимания на то, что банк остался в руках версальцев, газета утверждала, что Коммуна «взыскивала поборы с французского банка и забирала кассы разных компаний»²⁰.

Наступил май. Сжималось кольцо войск Тьера вокруг революционного Парижа. Самоотверженно защищались коммунары. «Московские ведомости» об этом не писали. Писали же они о том, что восстание в Париже «приближается к своему концу» не потому только, что версальские войска одерживают победы, а в результате «полнейшего разлада между многочисленными властями», распоряжающимися в городе. Больше того, газета извещала, что политика Коммуны возбудила ненависть «к двигателям восстания даже со стороны их наиболее усердных приверженцев»²¹.

К середине мая клевета на коммунаров продолжала усиливаться. Их обвиняли в том, что они поджигают памятники национальной культуры, разрушают дома, своими поступками олицетворяют «дикое варварство». Опорочив таким путем в глазах читателей Парижскую Коммуну, газета вопрошала: «Уронят ли последние события кредит всесветной революции и социальных бредней в глазах тех увлеченных или обманутых людей, которые искренно считали Коммуну провозвестницей золотого века, где не будет ни бедных, ни богатых, ни глупых, ни умных? Послужит ли страшный пережитый Францией кошмар памятным уроком для всей этой страны?»²².

Уже сама постановка такого вопроса должна была убедить российского обывателя в том, что разгром восставшего Парижа развеет всякие «социальные бредни», развенчает идею возможности коренных революционных преобразований.

Наступали последние трагические дни Коммуны. «Московские ведомости» приводили материалы об этих

нях из европейской прессы; гибель революционного Парижа вызывала удовлетворение. Иногда, правда, на границы газеты проскальзывали документы, рисующие произм и самоотверженность коммунаров. 23 мая «Московские ведомости» сообщали: «Вот последняя афиша, развешанная на стенах Парижа от имени Центрального комитета: „Солдаты версальской армии, мы отцы семейств, мы сражаемся, чтобы воспрепятствовать нашим детям подчиниться когда-нибудь военному деспотизму, которому вы подчинены ныне...“»²³.

Подобного рода информация об отдельных документах Коммуны терялась в многочисленных проклятиях, бросаемых газетой в адрес революционного Парижа, в клеветнических измышлениях по поводу участников этой самоотверженной борьбы.

Следовательно, в разгар революционной борьбы «Московские ведомости» грубо искажали сущность революции 18 марта 1871 г., пытались доказать, что социальные движения, республиканское правление погубили Францию. Эти первые суждения о Парижской Коммуне получили дальнейшее развитие.

В ПОИСКАХ ПРИЧИН ДВИЖЕНИЯ

После поражения Коммуны в реакционной печати стал рассматриваться новый сюжет: Интернационал и революция 18 марта в Париже. Уже 30 мая «Московские ведомости» рассказали читателям об «открытой переписке» между членами Международной ассоциации рабочих, из которой якобы выясняется, что «все совершившееся в столице Франции есть дело этой ассоциации и выполнено было по предписаниям, полученным из Лондона и Берлина». В том же номере газеты отмечалось: бельгийская секция Интернационала приняла на митинге манифест, в котором торжественно превозносится Парижская Коммуна, «временно побежденная, но оказавшая величайшую услугу всему человечеству»; Далее приводилась и другая цитата из манифеста: «Те, кто сражались за Коммуну, имеют право на уважение и сочувствие всех благородных людей»²⁴. Затем «Мос-

²⁰ «Московские ведомости», 25 апреля 1871 г., № 87.

²¹ Там же, 8 мая 1871 г., № 97.

²² Там же, 14 мая 1871 г., № 102.

²³ г.

²⁴ Там же, 23 мая 1871 г., № 109.

• Там же, 30 мая 1871 г., № П5.

ковские ведомости» оповестили своих читателей о том, что парижский корреспондент «Times» имел возможность видеть подробный отчет Международной ассоциации, из которого следовало, что в этом обществе более 2 млн. 500 тыс. человек. Ассоциация оказывает под держку многочисленным тайным обществам, рассеянным по всей Европе. А вот еще одна сенсация: во главе находящегося в Лондоне Центрального комитета Международной ассоциации стоит «один немец, задумавший осуществить в Берлине, в определенной и осязательной форме, теории Бабефа, Якоби, Прудона и других»²⁵.

Прокатившиеся по Европе демонстрации сочувствия Парижской Коммуне не ускользнули от внимания «Московских ведомостей». Информировать об этом значило, по мнению газеты, лишний раз доказывать, что Интернационал раньше подготовил революцию в Париже, а затем организовал движение в знак солидарности с ней. Этим, пожалуй, объясняется некоторая документальность информации. Со ссылкой на «Daily News» отмечалось, что в Клеркенвельсгрине был митинг рабочих, призвавший к организации демонстрации в Гайдпарке. Митинг этот, как и все демонстрации в пользу Коммуны, был устроен членами Международной ассоциации. Приводилась в «Московских ведомостях» и выдержка из швейцарской газеты «Tagwacht»: «Коммуна пала как мученик, но пусть буржуазия не думает, что она уничтожила революцию. Армия ее торжествует теперь на развалинах социальной республики и дымящихся пожарах Парижа, но напрасно думают, что это будет продолжительно; все что было до сих пор, есть только первый небольшой „опыт“; настоящий штурм впереди, представителям насилия, несправедливости и безнравственности дан только небольшой отдых»²⁶.

Рассуждения «Московских ведомостей» о Парижской Коммуне как результате деятельности Интернационала преследовали цель доказать, что революция 18 марта не была закономерным явлением, вызванным ходом исторического процесса, а возникла благодаря злонамеренным действиям членов Международного товарищества рабочих. Не было бы Интернационала, не воз-

никла бы и Коммуна. Теперь революцию подавили, хотя остались симптомы новых социальных переворотов. Остались потому, что продолжает существовать Интернационал, продолжает торжествовать «армия революции» — поэтому нужно быть начеку.

Разумеется, такая концепция возникновения Коммуны не могла исчерпать всей проблемы. «Московские ведомости» обратились к прошлому Франции. Здесь, по мнению газеты, и таилась бацилла основного недуга — Великая французская революция конца XVIII в. Парижская Коммуна явилась последней поверкой «великой революции, которая сорвала Францию с исторической почвы». «Сорвавшаяся» тогда с «исторической почвы», Франция бурно продолжала свой путь от одной революции к другой. «Дантон, Робеспьер, Наполеон, — вот поколение, которое принадлежало еще к другой эпохе: это творцы революции. Февральские герои и Луи Наполеон — вот ее дети. Гнусные трусы и убийцы белльвийские — вот ее внуки. Далее идти некуда. Великая революция разрушила все исторические основы государства; февральская революция расштатала основы общества и сделала необходимостью Наполеона III»²⁷.

15 июня 1871 г. «Московские ведомости» опубликовали разделы «Доклада комиссии о причинах парижского восстания», составленного по поручению Национального собрания. В этом докладе отмечалось, что социалистические теории, оставшиеся ранее «в области утопии», теперь стали достоянием революционеров. Начиная с 1793 г. у них возникло два направления: яacobинское и социалистическое. В результате террора яacobинцы были побеждены. Дело революции продолжали «теоретики социалисты»: «Тогда выступил на сцену Бабеф, прямой родоначальник Коммуны 1871 года, и в пресловутом *Манифесте Равных* мы находим большую часть идей, которые применила к делу Парижская Коммуна»²⁸.

187? ^{сентя}брьской книжке «Русского вестника» за 1871 г. в статье «Уроки истории» взгляды на причины возникновения революции 18 марта высказал Ев. Феоктистов. Большое место в этой статье занимает интере-

²⁵ «Московские ведомости», 30 мая 1871 г., № 115.

²⁶ Там же, 6 июня 1871 г., № 121.

сам же, 20 марта 1871 г., № 61.

*ам же, 15 июня 1871 г., № 128.

сующая нас проблема — революция 1789 г. и Парижская Коммуна. Автор начинает с утверждения, что до последнего времени общественность Франции была убеждена, что революция конца XVIII в. «воскресила» страну к новой жизни, поставила ее «на недостижимую высоту» и обеспечила «благотворное политическое и гражданское развитие». На Пруссию же французская общественность смотрела «свысока»: средневековые пережитки и «божественное происхождение» власти делали эту страну консервативной. Между тем «консервативная» Пруссия разгромила революционную Францию. Замечательно и то, что «подобный разгром постигает ее уже не впервые после революции: она была завоевана теперь, точно так же как была завоевана в 1815 году»²⁹.

В чем же дело? Не доказывает ли восьмидесятилетие, прошедшее после Французской революции конца XVIII в., что, «хотя старый порядок вещей сопряжен был с возмутительными злоупотреблениями, было в нем нечто недостающее новой Франции, и что безусловный разрыв с прошедшим не пошел ей впрок»?³⁰ Феоктистов полагал далее, что весь организм страны заражен «опасной болезнью», что во всех сферах духовной жизни обнаруживается «несостоятельность», что три четверти века борьбы за политическую свободу, сопровождавшейся кровавыми жертвами, приводили якобы лишь к горькому разочарованию. Короче, Франция XVIII в. (до революции 1789 г.) стояла значительно выше, чем Франция современная. «Если бы,— продолжает автор,— революция 1789 года была действительно благотворным событием для французского народа, то он вышел бы из нее с богатым запасом сил для всестороннего развития, но именно этого-то мы и не видим. Переворот, предпринятый во имя свободы, равенства и братства, до такой степени изнурил нацию, что в ней как бы замерло одушевление ко всяким благородным и высоким интересам»³¹.

Таким образом, все беды Франции происходили из-за революций. Начало этим бедам было положено в 1789 г.— с этого времени «все, что было худшего в ис-

торическом развитии» страны, «породило» Парижскую Коммуну. Следовательно, современные события во Франции окончательно, по мнению Феоктистова, доказали пагубное влияние Великой французской революции; «Теперь сказано последнее слово громадного переворота, возникшего в 1789 году, и французское общество может судить, имело ли оно право видеть в нем зарю возрождения, а не начало упадка»³².

Так реакционный журналист в поисках истоков Парижской Коммуны «расправился» с Великой французской революцией. Феоктистов «расправился» с этой революцией, забывая о том, что она решительно смела отживший феодальный порядок во Франции, привела к победе буржуазные силы общества, переродила и обновила хозяйственную основу страны, оказала прогрессивное влияние на страны Европы и Америки.

Великая французская революция послужила основой для целого ряда социальных переворотов во Франции, в том числе и для Парижской Коммуны 1871 г. Это была, так сказать, причина стратегического масштаба. Между тем были и другие причины, позволившие революционерам победить 18 марта в Париже. Их выяснению и посвятили «Московские ведомости» редакционную статью от 25 апреля 1871 г.

Восстание овладело Парижем «лишь благодаря ошибкам и слабости правительства». Первый ошибкой явилось то (в этом «покаялся Жюль Фавр»), что при капитуляции Парижа национальной гвардии сохранили оружие. Правительство же должно было помнить, что еще 31 октября 1870 г. «красные» пытались завладеть властью. «Можно было заранее предвидеть повторение этой попытки и принять против нее меры...»³³,— назидательно вешали «Московские ведомости». Движение удалось и потому, что представители «крайних партий» (социалисты, члены Международной ассоциации рабочих) воспользовались враждой между городским (особенно парижским) и сельским населением. Революция в Париже не победила бы, если бы власть находилась в руках крепкого и умного правительства:

²⁹ «Русский вестник», т. 95, № 9, 1871 г., стр. 8.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 36.

*Там же, стр. 73.
Там же, 25 апреля 1871 г., № 87.

«Сильная власть легко могла бы в это время предупредить восстание твердыми мерами, обещав в то же время общий для всей Франции либеральный муниципальный закон»³⁴.

Много грубых политических ошибок совершил Наполеон III и его правительство; неспособным оказалось и высшее командование Франции. Наполеон III вверг страну в войну, «к которой она не была готова и которая была благовременнее для ее врагов, нежели для нее». Терпели поражения войска маршала Мак-Магона; маршал Базен прижал свои армии к Мецу, в то время как ему было необходимо «опрометью удалиться отсюда»³⁵. Так писали «Московские ведомости» в октябре.

Спустя почти год «Русский вестник» в этом же духе оценивал причины разгрома Франции: «...Наполеон III не обладал ни одним из военных качеств своего дяди и не имел около себя ни одного настоящего полководца. Потеряны были две недели, то есть ровно столько времени, сколько нужно было Пруссии, чтобы снарядить и привести в порядок все орудия своей грозной военной машины, и первые битвы начала августа доказали самым непрерываемым и поразительным образом, в какую бездну ринулась Франция»³⁶.

В эту «бездну», следовательно, толкнул Францию наполеоновский режим, явившийся, по мнению «Московских ведомостей», порождением революционных потрясений. Редакционная статья газеты указывала, что «в политическом мире» не всегда получается «на деле то, что намечено». Вот что получилось во Франции: «Франция в своих периодических революциях и диктатурах, ставшая игрищем всех партий, Франция, предававшая судьбы свои в руки авантюристов и около двух десятилетий лежавшая у ног человека, который начал Булонью и кончил Седаном...»³⁷.

В тон этой оценке звучали слова «Русского вестника»: «Наполеон III пал, и, вероятно, позор, которым он

покрыл себя, заслонит путь к престолу и ему и его потомству»³⁸.

Г. де-Молинари в уже упомянутой статье «После разгрома» писал, что революцию 18 марта вызвали разнообразные причины — нравственные, политические и экономические. Население Парижа, измученное осадой, было глубоко уязвлено капитуляцией, занятием пруссаками Елисейских полей. Народ был раздражен монархическим произволом, угрозой прекратить выплату жалования национальной гвардии, жесткими законами «о сроках векселей и квартирах». Все эти причины и привели к революции в Париже. А могло бы все сложиться иначе: «Устраните все эти случайные причины, и допуская, что якобинцы и социалисты попытались бы произвести движение, чтобы захватить власть и осуществить свои утопии, они не нашли бы и тысячи человек, которые пожелали бы последовать за ними»³⁹.

Коммуна побеждена, но опасности, происходящие от «красной республики», остаются — продолжают действовать ее приверженцы всех оттенков, которые могут воспользоваться недовольством в армии. И все же сами по себе якобинцы и социалисты после поражения Коммуны большой опасности не представляют. История революций конца XVIII в. и 1848 г. во Франции учат другому — они оканчивались «военными пронунсиаментами». «И действительно, — заключает автор, — что же такое было 18 брюмера, как не военное пронунсиамента, в котором гренадеры итальянской армии выбросили в окна депутатов республики в пользу простого генерала? Что такое было 2 декабря, как не другое пронунсиамента армии, сосредоточенной в Соторийском лагере, в пользу наследника — человека 18 брюмера, против депутатов второй республики? Итак, что же удивительного?»

³⁴ «Московские ведомости», 25 апреля 1871 г., К° 87.
³⁵ Там же, 9 октября 1870 г., № 216.
³⁶ «Русский вестник», т. 94, № 8, 1871 г., стр. 476. Статья Г. де-Молинари «После разгрома».
³⁷ «Московские ведомости», 21 ноября 1870 г., № 251,
³⁸ «Русский вестник», т. 92, № 2, 1871 г., стр. 828. Ев. Феоктистов в статье «Уроки истории» охарактеризовал пагубные стороны наполеоновского режима словами английского писателя Г. Лабушера: «Правительство Наполеона во Франции было отрицанием бога на земле. Его советниками были бесчестные люди, вечно интриговавшие друг против друга и соединявшиеся лишь для одной общей цели — наживаться на счет страны. Двор его был настоящим эльдорадо для прислужников и паразитов, для сводников и распутников» (там же, т. 95, № 9, 1871 г., стр. 7).
Гам же, т. 94, № 8, 1871 г., стр. 502.

тельного, если и третья республика окончится, как обе ее предшественницы?»⁴⁰

Франко-прусская война и последовавшие затем революционные события побудили катковскую прессу заняться и внешнеполитическим аспектом проблемы. После седанского разгрома и провозглашения 4 сентября 1870 г. республики во Франции в «Московских ведомостях» стали проскальзывать призывы к европейским державам — нельзя допускать усиления Пруссии, нельзя соглашаться с разгромом Франции, нужно что-то предпринять. Парижский корреспондент «Московских ведомостей» довольно эмоционально выразил эту мысль: «Скажем прямо, как нам это ни тяжело: участь Франции в руках победителей при Седане. Допустит ли Европа, чтоб они употребили во зло свою победу? Допустят ли Англия, Россия, Австрия и Италия раздробление Франции? Допустят ли они, чтобы Пруссия оторвала у нее Лотарингию и Эльзас, разоренные и окровавленные? Допустят ли они ее до разорения непомерными контрибуциями и до неслыханного позора — выдать свой панцирный флот? Нет, это невозможно. Как ни велики ошибки и заблуждения Франции, она не заслужила такой прибавочной кары к опустошениям иноземного нашествия. Между цивилизованными нациями существует материальная и нравственная солидарность, вследствие коей они все заинтересованы тем, чтобы не допускать беспощадного победителя раздавить одну из них. Да придет же Европа на помощь нашей бедной Франции!»⁴¹.

Когда же в Париже победила Коммуна, «Московские ведомости» и «Русский вестник» стали апеллировать к европейским странам в иной связи: то, что произошло во Франции, может повториться в других государствах. Вначале это было высказано в неопределенной форме: «Европа с недоумением смотрит на события во Франции, и у всякого на устах один и тот же вопрос: чем это может кончиться?»⁴².

Затем «Русский вестник» решил поведать о том, «чем это может кончиться». Журнал напомнил, что на поли-

тическую арену выступил пролетариат, у которого звонкий голос и «соблазнительное учение». Там, где правительство начинало «колебаться и делать уступки пролетариям», наступает разложение государства — пример тому Франция. Но сила пролетариата велика и в других странах: «Англия озабочена им весьма серьезно, в Германии он начинает волновать умы. Вот почему вопрос, куда пойдет Европа, а за ней и Россия, весьма уместен, только не в применении в той или другой системе воспитания, а в отношении к той сумме здравых сил и нравственной стойкости, которые каждое государство сумеет противопоставить напору пролетариата во всех государственных и общественных вопросах»⁴³.

«Куда пойдет Европа, а за ней и Россия?...» Озабоченность за судьбу России вызывалась важными обстоятельствами: в начале 1870-х годов на страницах печати развернулась острая полемика между сторонниками классического и реального образования. Либерально-демократическая общественность выступала за реальное образование в гимназиях, доступное широкому кругу лиц. Реакционные круги русского общества выступали за классическое образование для избранных. Для доказательства своей правоты они и стремились напугать общественное мнение примером Парижской Коммуны.

В этой связи возник вопрос: почему все же пролетариат одержал победу в столице Франции, а не где-либо в другой стране? Ответить на него взялся Ев. Феоктистов в уже упоминавшейся статье «Уроки истории». Он признал существование мнения, которое стремится снять ответственность с Франции за «неслыханную революцию» в Париже. Сторонники такого мнения считают, что революционное движение — один «из симптомов тяжкого недуга, который терзает не одну только Францию, но почти всю Европу»⁴⁴. «Свиристует», например, пролетариат в Англии, готовый ежеминутно «потрясти» основы социального строя этой страны. В Германии возникли союзы рабочих, вступившие в борьбу за улучшение благосостояния пролетариата. В Вене⁴⁵ других крупных центрах Европы собираются митинги рабочих, которые выражают свое глубокое сочувствие

⁴⁰ «Русский вестник», т. 94, № 8, 1871 г., стр. 506.

⁴¹ «Московские ведомости», 5 сентября 1870 г., № 191.

⁴² Там же, 20 марта 1871 г., № 61.

44 *«Русский вестник», т. 92, № 3—4, 1871 г., стр. 728.
там же, т. 95, № 9, 1871 г., стр. 12.

Парижской Коммуне. Зло, следовательно, распространено повсюду. Почему все же оно «проявилось с разрушительной силой» именно в Париже? «Потому,— отвечает Феокистов,— что на французской почве обстоятельства оказались благоприятными для врагов общественного спокойствия, потому, что страна, подавленная и разоренная войной, не успела поставить отпора их варварским замыслам»⁴⁵. В других же странах «анархистские элементы» встречают «твердый отпор» «здоровых» сил общества. Франция же такими силами не обладает, и в этом состоит ее «величайшее несчастье».

Следовательно, для предотвращения революционных потрясений нужна сильная власть, способная на «твердый отпор». Может ли республиканская власть проявить такую «твердость», да и целесообразно ли вообще восстанавливать республику во Франции? В ответ на возможность укрепления в стране республиканского строя «Московские ведомости» заявляли, что «в прочность республики во Франции никто не верит», что в Европе нет страны «менее республиканской, чем Франция», что республика там являлась только предлогом «к захвату власти». А вот что вызывало у «Московских ведомостей» наибольшую ненависть: «Вся энергия республиканских движений в этой стране зависела от примеси социалистических стремлений, коими проникались массы рабочих в больших городах»⁴⁶. С «чистой» республикой еще можно было мириться, но когда в нее попадают социалистические «примеси», которыми прониклись рабочие, с этим русская реакционная газета мириться не могла.

По какому же пути пойдет Франция? Путь еще окончательно не определен. Во всяком случае, республики в стране не будет: «По-видимому, французская нация расположена теперь возвратиться на свою историческую почву, от которой она была оторвана бурями революции. Другой исход есть диктатура, хотя восстановление империи в настоящую минуту кажется всего менее сбыточным. Законная монархия или диктатура, вот дилемма, которая рано или поздно предстоит Франции»⁴⁷.

Так определили перспективы Франции реакционеры России. Обратимся теперь к либералам.

⁴⁵ «Русский вестник», т. 95, № 9, 1871 г., стр. 12.

⁴⁶ «Московские ведомости», 11 июня 1871 г., № 125.

⁴⁷ Там же.

«ЭРА РЕВОЛЮЦИИ УЖЕ НЕ ДОЛЖНА ВОЗВРАЩАТЬСЯ»

Всех либералов объединяло одно: они были противниками революционной борьбы, выступали за ограничение самодержавия путем мирной, реформаторской деятельности. Но они различно оценивали отдельные аспекты социального движения; одни были более радикально настроены, другие — менее, одни стояли на левом фланге российского либерализма, другие — на правом. Начнем с правого...

ИЗ ДНЕВНИКА А. В. НИКИТЕНКО

Профессор словесности Петербургского университета, академик, долгие годы служивший в учреждениях цензуры и министерстве народного просвещения, находившийся в высших правительственных сферах,— таков Александр Васильевич Никитенко. Это был либерал, во многом оппозиционно настроенный, с годами утрачивавший свои бывшие сравнительно радикальные воззрения. Никитенко — автор знаменитого дневника, который он вел на протяжении пятидесяти лет: с середины 20-х до середины 70-х годов XIX в. Дневник содержит размышления его автора о государственном устройстве России, о политике самодержавия, о важнейших событиях Европы.

В 40-х годах взгляды Никитенко не были лишены некоторой радикальности. 1848 г. Революция в Европе.

5 апреля в дневник заносятся его впечатления: «Народы Европы до того созрели, что порешили жить самостоятельно, для самих себя. Франция, по обыкнове-

нию, подала пример. За ней последовали Германия и Италия. Авторитет лиц уничтожен, и на место его водворен авторитет человечности, законности и права. Холопы нравственные и политические возмущены. Они называют это безначалием, своевольным ниспровержением освященного преданием порядка. Но ведь порядок, по их мнению, в том, чтобы масса людей пребывала в скотской неподвижности и страдала ради величия и слагополучия немногих. Оно, может быть, и верно для некоторых обществ... азиатских. Но народы Европы приобрели себе право — и приобрели не дешевой ценой — право быть тем, чем они хотят быть»¹.

Так революция в Европе послужила поводом для размышлений относительно николаевской России (Никитенко осторожен: он говорит о «некоторых обществах... азиатских»), в которой прислужники самодержавия — «политические холопы» стремятся к тому, чтобы народ находился «в скотской неподвижности», чтобы человечность и законность не получили распространения в обществе.

В конце 1848 г. Никитенко вновь обращается к революционным событиям в Европе, для того чтобы высказать свое отношение к происходящему в России. Но в условиях жандармской страны он предпочитает писать иносказательно: вместо «Россия» — «Сандвичевы острова». «События на Западе вызвали страшный переполох на Сандвичевых островах. Варварство торжествует там свою дикую победу над умом человеческим, который начинал мыслить, над образованием, которое начинало оперяться», — записал Никитенко 2 декабря. Далее он возмущается тем, что в стране признается хорошим только то, «что приказано», что облеченный властью произвол находится в апогее, что события на Западе, связанные с необходимостью организации лучшего общества, «признаются за повод не думать ни о каком улучшении». «Поэтому, — продолжает Никитенко, — на Сандвичевых островах всякое попользование мыслить, всякий благородный порыв, как бы он ни был скромн, клеймятся и обрекаются гонению и гибели»².

А судьба революции в Европе? С горечью отмечается в дневнике, что силой подавлено движение в Париже, в Вене, во Франкфурте и Берлине, что события оказались неблагоприятными «для успехов человечества» Запись 5 декабря заканчивается вопросом: «Но неужели ж тем и кончится?»³

Прошло более двадцати лет, и Никитенко возвратился к поставленному вопросу. Он еще не утратил оппозиционности по отношению к царскому самодержавию. «Бюрократическая администрация в союзе с верховным деспотизмом всегда парализовала у нас дух народа и его деятельность», — записал он 26 января 1870 г.⁴ 16 февраля Никитенко занес в свой дневник: «У нас есть целые полки чиновников, а нет ни одного государственного человека»⁵. А вот еще одна запись, от 20 марта: «Настоящий глубокий смысл движения нашей интеллигенции в настоящее время есть без сомнения вопиющая необходимость ограничения правительственного произвола и утверждения законности как в умах, так и на деле»⁶.

А как в это время относился Никитенко к революционному движению на Западе, где Франция вновь «по обыкновению подала пример»? Перелистаем дневниковые записи. 29 июня Никитенко отмечает, что готова вспыхнуть война между Францией и Пруссией, что Бисмарк очень силен. В начале июля — заметки о начале войны, о том, что в высших сферах России проявляются симпатии к Пруссии, а пресса склоняется на сторону французов. Упоминается и о первых поражениях французской армии. 28 июля Никитенко отмечает, что успехи Пруссии могут привести к падению Наполеона. «Тогда Франция, — записывает он, — конечно провозгласит у себя республику. Будет ли соседство такой республики полезно и приятно для quasi-конституционной, в сущности же деспотической державы, как Пруссия? Едва ли. В массах Германии социализм и демократизм пустили глубокие корни, и кто знает, как далеко время, когда этих Габсбургов и Гогенцоллернов постигнет та же

¹ А. В. Никитенко. Дневник, т. 1. 1826—1857 гг. М., 1955, стр. 310.

² Там же, стр. 315.

³ Там же, стр. 316.

⁴ Там же, т. 3. 1866—1877 гг. М., 1956, стр. 166.

⁵ Там же, стр. 169.

⁶ Там же, стр. 173.

участь, которая, очевидно, уже висит над головою Наполеона и его династии»⁷.

Дневниковые записи, относящиеся к началу августа, раскрывают отношение Никитенко к событиям во Франции. При этом определяется тенденция автора дневника: он признает прогрессивность политических успехов французской нации и выражает свое отрицательное отношение к наполеоновскому деспотизму. Конечно, в деспотизме Наполеона III он видел многие черты деспотизма Николая I, высказывания о которых приводили. Поэтому Никитенко так обстоятельно останавливается на оценке деспотизма. Он писал, что Наполеоны дважды приподняли Францию на своих руках «для того, чтобы ввергнуть ее в пропасть»⁸. Ненависть к наполеоновскому режиму усиливается у Никитенко после событий 4 сентября 1870 г., о которых он скупно отметил: «Во Франции республика». Итак, во Франции произошла революция. В 1848 г. Никитенко, как мы видели, отнесся к революционным событиям в Европе более или менее лояльно. А теперь он считает, что произошли «грозные и плачевные обстоятельства», которые разоблачили роковую личность Наполеона III и показали, что император заботился не о Франции, а только о своем владычестве над страной и о своих династических интересах и этим «довел до полного упадка громадные силы благородной нации»⁹.

Так в результате деспотизма Наполеона и его нерадивой политики Бисмарк стремится выжать из Франции «весь сок и ее душу». Тяжелые мысли обуревают Никитенко. Он пытается понять причины появления и господства личного деспотизма политических деятелей. Размышляя над этим, он записывает 19 сентября: «Ну из-за чего горячиться? Род человеческий управляется так, как он того заслуживает. Не будь глупцов, негодяев и эгоистов, не было бы ни Наполеонов III, ни Бисмарков»¹⁰.

Провозглашение республики во Франции отразилось на взаимоотношениях русской общественности с прави-

льственными кругами. Пресса выражала свои симпатии Франции, а самодержавная верхушка России предпочла перед Пруссией. Деспотический строй не мог попустить такого разлада, не мог смириться с тем, что на страницах ряда газет раздавалась критика в адрес свергнутого императора Наполеона III, высказывалось Лояльное отношение к республиканскому строю и поносились правительство Бисмарка. Решено было принять меры о «подтянутии» печати. В этой связи Никитенко 3 октября заносит в свой дневник: «В продолжение моей жизни я видел много запретительных мер против печати, но ни одна не достигла своей цели, то есть не останавливала потока мыслей, а только извращала его и заставляла уходить вглубь, чтобы затем снова вырваться из-под земли уже бурливым ключом в каком-нибудь темном углу»¹¹.

Приближался конец 1870 г. Республиканская Франция продолжала безуспешно обороняться от войск Бисмарка. Деспотизм грозил захватить центр Европы, подавить все прогрессивное, живое и развивающееся. У Никитенко возникают ассоциации: деспотизм Бисмарка и деспотизм Александра II представляются ему как антитеза республиканской Франции, как антитеза свободе. «Вопрос Бисмарка и вопрос Франции — это вопрос деспотизма и свободы. И мы, старые представители деспотизма, тут кстати приложились к Пруссии», — записал он 1 декабря¹². Дневниковые записи убедительно передают трезов старого либерала за судьбы Европы, которой грозит «призрак феодального средневекового консерватизма». Они свидетельствуют о том, как много размышлял их автор о роли политических деятелей, о смене одной деспотии другой. «Почему, — вопрошал Никитенко, — Гогенцоллерны будут лучше для человечества, чем Наполеоны? Эти похищали власть и думали поддерживать ее железом и кровью, а те разве иначе достигают ее? Власть — все власть: один возносится на высоту, другой старается его низвергнуть с нее, чтобы самому занять его место, а иные глубокие мыслители видят в этом великие идеи и громадные успехи прогресса — в будущем»¹³.

⁷ А. В. Никитенко. Дневник, т. 3, стр. 178.

⁸ Там же, стр. 178—179.

⁹ Там же, стр. 180.

¹⁰ Там же, стр. 181.

¹¹ Там же, стр. 184.

Там же, стр. 190.

Там же, стр. 191.

Эти наблюдения Никитенко относятся не только к Гогенцоллернам и Наполеонам. Они навязаны и европейской и русской действительностью. Борьба за власть! Как глубоко она проникла в историю России, как часто приходилось быть свидетелем этой борьбы и самому автору! Не случайно Никитенко вслед за приведенной цитатой отмечает в своем дневнике: «Шувалов работает неутомимо: он непрерывно высылает то того, то другого в отдаленные губернии, забирает людей и сажает их в кутузку — все это секретно. Все в страхе; шпионов несть числа»¹⁴. Так укреплял свою власть шеф жандармов Российской империи. За его действиями продолжал следить Никитенко и в дальнейшем. В августе 1872 г. он записывает, что Шувалов стал во главе реакции, подчинив своему влиянию министров внутренних дел и народного просвещения, что этот придворный знает, как «построить здание своего возвышения и первенства». Но отсутствие государственного ума у Шувалова должно привести его к печальным последствиям: «Он, кажется, многим позаимствовался у Наполеона III, не заняв только урока из его судьбы и поражения Франции»¹⁵.

Возвратимся, однако, к событиям кануна Парижской Коммуны. Усиление социальной борьбы во Франции приводило Никитенко к дальнейшим размышлениям над тем, кто виновен в разгаре этого революционного движения. Но ничего принципиально нового не выражали дневниковые записи. Опять во всем виноват Наполеон III. В записи от 14 января 1871 г. мы читаем: «В качестве противника связанных с радикальными переворотами кровавых поражений я иногда видел в Наполеоне III, если и зло, то зло, необходимое для отвращения другого, большего зла — кровавых анархических оргий. Каюсь, я жестоко ошибался. Видно, плохо клин клином выбивается. Этот человек своим грубым эгоизмом погубил Францию»¹⁶. Правда, в дневнике содержатся размышления о том, как объясняют падение Франции немецкие философы: «Францию, скажут, развратили идеи, а она развратила мир. Назначение Пруссии —

звратить его разуму и здравым понятиям, конечно ^{во}е иначе, как посредством крови, железа и казарменной дисциплины»¹⁷.

В конце января Никитенко приходит к окончательному выводу, что Франция гибнет «благодаря Наполеону», что в стране не достает «великого духа», моральной силы, единства. Патриотизм и свобода оказываются несостоятельными перед напором материальной силы, сорокамилионный народ Франции «не может соединиться» и отстоять свою честь. Нет единства народа — в этом основная причина падения великой нации. Мысль о разобщенности французского общества заставляет думающего либерала обратить свой взор на Россию. Насколько един народ его страны, способен ли он противостоять социальным потрясениям? Вероятно, в этой связи Никитенко записал 31 января: «...Народ наш всегда разделялся и всегда, или еще по крайней мере очень долго, будет разделяться на народ собственно и на чиновничество, или бюрократию, которая и будет стоять во главе его, потому что она непосредственно связана с самодержавием»¹⁸. Через день он вновь возвращается к этому сюжету — с горечью думает о том, что Бисмарк теперь будет беспрепятственно властвовать, проводить политику угнетения и воспрещения, содействуя этим якобы «благу народов».

«Но разве возможно благо на этом основании? Вот и у нас бюрократия бьется из всех сил, чтобы задушить участие народа в собственных делах при самом его рождении, обещая царю спокойное возлежание на его прерогативах, народу — безмятежное пребывание во сне, которое она считает величайшим благом»¹⁹.

Казалось, что Никитенко ратует за самостоятельность народа, за его активное участие в политической жизни страны. Но это пустые слова представителя российского либерализма, в действительности больше всего боявшегося народа, его активных политических действий. Истинное отношение Никитенко к народу проявилось особенно наглядно после провозглашения Парижской Коммуны. 27 марта он пишет в дневнике, что ему страш-

¹⁴ А. В. Никитенко. Дневник, т. 3, стр. 191.

¹⁵ Там же, стр. 249.

¹⁶ Там же, стр. 194.

¹⁷ Там же, стр. 195.

Там же, стр. 197.

Там же.

но за Францию, в которой происходит борьба политических партий, активно действуют социалисты, коммунисты, конституционалисты, легитимисты, орлеанисты, империалисты, «но нет французов».

Деятельность Коммуны, направленная на слом старой государственной машины и создание нового государства, выводит из равновесия автора дневника. «Парижская Коммуна требует совершенной перестройки, или, лучше сказать, замены государства конфедерацией общин, то есть... полного осуществления социалистических теорий. Государство, по мнению этих великих реформаторов и учителей, отжило, и начинается жизнь общин. А что же вы сделаете из государств, и больших ныне существующих государств, которых все-таки немало найдется на белом свете? Как, что? Мы их разрушим: для этого-то и следует учредить всемирную революцию, а затем что будет — не наше дело. Едва ли в истории человечества было другое подобное безумие»²⁰.

Так деятельность Парижской Коммуны окончательно сняла с Никитенко его видимую оппозиционность и фронтдерство. Его оценка Коммуны в сущности не отличается от взглядов крайних реакционеров на революцию 18 марта 1871 г. В середине мая почтенный академик отмечает в своем дневнике, что Коммуна перестала существовать, что версальцы вошли в Париж. Он пересказывает клеветнические измышления реакционной прессы о «диких злодействах» коммунаров в Париже. «Проклятая Коммуна совсем скомпрометировала дело свободы. Не было и не будет большего торжества деспотизма, как то, которое она ему доставила своими отвратительными оргиями»²¹.

«О БЕДНАЯ, НЕСЧАСТНАЯ ФРАНЦИЯ!»

Судьба крепко связала Ивана Сергеевича Тургенева с Францией. Он любил эту страну, там жила Полина Виардо — его близкий друг, там долго жил и он, лишь эпизодически навещаясь в Россию. Правда, в 1863 г. и он и П. Виардо покинули Париж и переехали в южную Германию, в курортный город Баден-Баден.

²⁰ А. В. Никитенко. Дневник, т. 3, стр. 203.

²¹ Там же, стр. 207.

Еще в конце 1847 г., находясь в Париже в канун революции, Тургенев глубоко заинтересовался историческим прошлым французского народа. Как только вышел второй том семитомного труда Жюль Мишле «История французской революции», Тургенев взялся за его изучение. Он с большим интересом читал о событиях, происходивших во Франции с октября 1789 г. до бегства короля в Варенн (21 июня 1791 г.). 26 ноября (8 декабря) 1847 г. в письме к П. Виардо он так изложил свои впечатления: «Вот еще хороший, отличный труд и слава богу, не литературный второй том „Французской революции“ Мишле. Это идет от сердца, тут есть и кровь, и внутренний жар; тут человек из народа обращается к народу,— это прекрасный ум и благородное сердце. Второй том несравненно выше первого. Совершенно обратное явление с книгой Луи Блана»²².

Тургенев был знаком и с трудами А. Тьера «История французской революции с 1789 г. до 18 брюмера» и «История консульства и империи во Франции»²³. Великая французская революция с ее накалом революционных страстей была, вероятно, изучена Тургеневым и оставила след в его памяти. Прошло более тридцати лет, и об этой революции он вспомнил в России.

В 1879 г. в Петербурге на квартире Глеба Успенского группа литераторов (Наумов, Златовратский, Кривенко, Русанов) встретила с И. С. Тургеневым. И. С. Русанов задал вопрос Тургеневу: «...Не думаете ли вы, что у нас на носу революция? Разве нет большого сходства у теперешней России и дореволюционной Франции?» На это Тургенев ответил: в то время во Франции все мыслящие люди приходили к выводу, что старый строй должен быть заменен новым. «То ли же самое в теперешней пореформенной России?... А пока нет общего могучего течения, в котором сливались бы отдельные оппозиционные ручьи, о революции, мне кажется, рановато гово-

²² И. С. Тургенев. Письма, т. I. М.—Л., 1961, стр. 445. К этому времени Тургенев, следовательно, уже познакомился с двухтомным исследованием Луи Блана «История французской революции», вышедшим в 1847 г.

²³ По воспоминаниям Батиста Фори, «изучив у Тьера все походы Наполеона, он (Тургенев.— Б. И.) знал их досконально и часто говорил со мной о них» («Литературное наследство», т. 76. И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967, стр. 491).

реть"... И сейчас же прибавил :„Впрочем, мне кажется, что в последние два года в России настроение бодрее как будто, увеличивается интерес к общественным делам..."»²⁴.

Вполне понятно, что современные события во Франции еще в большей степени интересовали и волновали русского писателя, чем революция конца XVIII в.

Тургенев был очевидцем разгрома французской армии. Из Баден-Бадена он выехал в карете к замку Ибург, находящемуся на одной из самых крайних (к Рейну) вершин Шварцвальда. За несколько минут до прибытия туда Тургенева канонада прекратилась. Из замка была видна долина Эльзаса. Стало ясно, что армия французов разбита и отступает. Возвратившись на другой день в Баден-Баден, писатель узнал подробности: войска Мак-Магона потерпели крупное поражение. Сложные чувства охватили Тургенева. С одной стороны, он хотел свержения Наполеоновской империи, с другой — тяжело переживал поражение французского народа.

Свои настроения Тургенев ярко выразил в письме П. В. Анненкову от 27 июля (8 августа) 1870 г. Он писал, что такого развития событий никто не ожидал. Падение империи Наполеона III открывает возможность «спасения цивилизации» и свободного развития Европы. При этом имелась в виду долгая и упорная борьба... «И вдруг!». «Говоря без шуток, — писал Тургенев, — искренно люблю и уважаю французский народ, признаю его великую и славную роль в прошедшем, не сомневаюсь в его будущем значении; многие из моих лучших друзей, самые мне близкие люди — французы; — и потому подозревать меня в преднамеренной и несправедливой враждебности к их родине Вы, конечно, не станете. Но едва ли не настал их черед получить такой же урок, какой получили пруссаки под Иеной, австрийцы над Садовой — и зачем таить правду, и мы под Севастополем — дай-то бог, чтобы они также умели воспользоваться им, извлечь сладкий плод из горького корня! Пора, давно пора им оглянуться на самих себя, внутри

²⁴ Н. С. Русанов. Из литературных воспоминаний. — В кн.: «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников». М. — Л. 1930, стр. 275—276.

страны, увидеть свои язвы и стараться укрывать их — пора положить конец тому безнравственному факту, который царит у них вот уже скоро двадцать лет..!»²⁵

Между тем Париж вызывал особую тревогу: как отзовется столица на столь бесславные результаты. И все это после «такого фанфаронства», после многочисленных угроз, раздававшихся в адрес противника со страниц французских газет. «Поживем — увидим», — заканчивал Тургенев свое письмо²⁶.

Прошло менее двух недель после окружения армии Базена в Меце, и Тургенев предсказал судьбу Парижа: «Весьма вероятно, что в Париже вспыхнет — если уже не вспыхнула — революция... Наполеон едва ли удержится»²⁷ — Он, кроме того, пишет в «Санкт-Петербургские ведомости»: «Что происходит в Париже? Журналы вам уже, вероятно, сообщили сведения о начавшихся там волнениях... Но что будет дальше, когда истина все более и более будет разоблачаться перед глазами французов? Безнравственное правительство кончило тем, что привело чужестранцев в пределы родины, разоривши страну, разорило армию и, нанеся глубокие раны благосостоянию, свободе, достоинству Франции, наносит теперь чуть не смертельный удар ее самолюбию! Неужели это правительство может еще уцелеть? Неужели оно не будет сметено бурей?»²⁸

В своих последующих корреспонденциях Тургенев нарисовал перед русским читателем яркую картину нарастания народного гнева. «Оскорбленная до последних нервов своего народного самолюбия», Франция требовала решительного боя с пруссаками. Писатель мечтал, что патриотизм и энтузиазм французского народа позволит ему вести самоотверженную борьбу, хотя «шансы пока на стороне немцев». Он возмущался тем,

²⁵ И. С. Тургенев. Письма, т. VIII. М.—Л., 1964, стр. 263. Отрывки из этого письма вошли в текст корреспонденции Тургенева о франко-прусской войне, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях», 27 июля (8 августа) 1870 г., № 216 (И. С. Тургенев. Собр.

²⁶ w^ov¹² томах т. п. м. 1956 стр. 357—361).

г? у^c-мУРгев. Письма, т. VIII, стр. 264.

*ам же, стр. 268; письмо Тургенева М. А. Милотиной от 8(20) 28 ?, *Уста¹⁸⁷⁰ 1870 г., Баден-Баден.

"* Л. Тургенев. Собр. соч. в 12 томах, т. 11, стр. 362. «Санкт-Петербургские ведомости», 8(20) августа 1870 г., № 216.

что народу Франции не говорят правду о войне, не говорят о той угрозе, которая нависла над страной²⁹.

Естественно, что провозглашение во Франции республики не было неожиданностью для Тургенева. Он считал это вполне оправданным и закономерным: французы не могли после капитуляции при Седане оставаться равнодушными к существующему режиму — «наполеоновская династия сама себя зарезала навеки». Но, сбросив правительство империи, нужно было выбрать другую форму правления. «За какую форму могли они ухватиться, как не за республику?» — писал Тургенев³⁰.

Итак, империя пала, установилась республика. Изменилось и отношение писателя к противнику Франции: «Теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце особенно не лежит». Прусский король не может «переварить» республику. Тургенев с негодованием думает о распространяемом слухе, «будто бы король Вильгельм намерен по взятии Парижа снова восстановить Наполеона». Если это произойдет — Франция согласится из рук врага принять Бонапартов, то тогда эта страна должна быть выброшена из ума «всякого порядочного человека»³¹.

Во всяком случае, отношение Германии к провозглашению республики во Франции глубоко интересовало Тургенева. Он отмечал прежде всего, что на этот раз восстановление республики во Франции не возбудило в Германии «и тени того сочувствия», каким была в свое время встречена республика 1848 г. Немцы считают, что республика не получит поддержки у французского народа и долго не продержится. Такая неопределенность затрудняет заключение мира и заставляет предпринять

действенные меры для «скорейшего взятия Парижа». Затем — мир, аннексия Эльзаса и Лотарингии... Последняя представляется Тургеневу несправедливой: немцам-победителям было бы «достойно» отказаться от этого захвата. Ну, а что будет с Францией? Ее будущее «зависит теперь от парижан». Испытывая определенные симпатии к немцам, писатель вместе с тем желал их поражения под Парижем: «Не взяв Парижа, они не подвергнутся соблазну сделать ту попытку реставрации императорского режима, о которой уже толкуют некоторые ультраусердные и патриотические газеты; они не испортят лучшего дела своих рук, они не нанесут Франции самой кровавой обиды, которую когда-либо претерпевал побежденный народ...»³²

В своей последней корреспонденции, написанной в Баден-Бадене 18(30) сентября, Тургенев утверждал, что борьба не кончилась, что ярость народа, «решимость отчаянно драться до конца» могут спасти Францию. Вот корреспондент беседует с французом из Дижона, который полон оптимизма: он верит, что если Париж сможет продержаться три-четыре месяца, если французы проявят стойкость, если даже само падение Парижа «не смутит» нацию, то «дело может быть еще выиграно». Тем более, что армия противника будет «таять, как воск», а средства Франции «неистошимо»³³.

Следовательно, республика во Франции была принята Тургеневым вполне благожелательно. Дальнейшее же развитие революционных событий в Париже, подъем общественной борьбы во всей стране насторожили писателя. Это уже не соответствовало его либеральным воззрениям. В движение все активнее втягивались широкие народные массы, а революционность народа его пугала. «Дела во Франции,— писал он в декабре,— принимают такой оборот, что, пожалуй, в будущем году Европа вся загорится со всех концов. Что станет тогда с цивилизацией и свободой?»³⁴.

Ни о Тургеневе Собр. соч. т. 11, стр. 373; корреспонденция №265 Санкт-Петербургских ведомостях, 26 сентября 1870 г.,

34 Там же, стр. 376-

«С. Тургенев. Письма, т. VIII, стр. 316—317; письмо Тургенева Милотиной от 2 (14) декабря 1870 г., Лондон.

²⁹ И. С. Тургенев. Собр. соч. в 12 томах, т. 11, стр. 363—367. «Санкт-Петербургские ведомости», 11(23) августа 1870 г., № 219.

³⁰ И. С. Тургенев. Письма, т. VIII, стр. 277—278; письмо Тургенева Анненкову от 3(15) сентября 1870 г., Баден-Баден.

³¹ Там же, стр. 278. Ненависть к захватчикам выразил Тургенев в письме П. Виардо от 18(6) февраля 1871 г. из Кельна: «Здесь считают, что французы не примут условий Бисмарка, и готовятся к окончательному их разгрому. Откуда взялась эта бесчисленная орда? На вокзале я видел множество солдат, спящих на тюфяках, сидящих, стоящих... Все они дюжие, откормленные, розовые, словно кровь французам, которую они собираются пролить, заранее окрашивает им щеки...» (И. С. Тургенев. Письма, т. IX. М.—Л., 1965, стр. 363).

Действительно, в будущем году Европа «загорелась», Загорелся Париж, там была провозглашена Коммуна.

Парижская Коммуна застала Тургенева в России. Он был свидетелем восприятия событий во Франции в различных сферах русского общества. О своих впечатлениях он подробно рассказывал в письмах П. Виардо. Он писал о том, что в столице Российской империи сочувствуют Франции и «очень вооружены против Германии». Правда, там «немного смущены» тем, что французы проявили себя «так мало» талантливыми; это вызывает тревогу за будущее их страны. Вместе с тем, по мнению Тургенева, даже в высших сферах надеются на успех «умеренной республики» и выражают удовлетворение политикой Тьера, визит которого в Петербург произвел благоприятное впечатление³⁵.

Особенно дружелюбное отношение к республиканской Франции проявляла широкая общественность. 27 (ст. ст.) февраля в Петербурге в клубе художников состоялось литературно-музыкальное утро в пользу французских раненых, на котором присутствовал Тургенев. Всякий раз, когда в зале звучала «Марсельеза» или декламировалось стихотворение, посвященное республике, раздавался «взрыв неистовых рукоплесканий, крики „Да здравствует Франция!“»³⁶

В Петербурге Тургенев с нетерпением ждал последних известий из Франции. Что делается в Париже? Вот, пожалуй, главное, что в тот момент беспокоило писателя. Узнав о революции 18 марта, Тургенев из Москвы в письме П. Виардо так описывает свои первые впечатления: «Нашел я здесь ужасные последние телеграммы из Парижа о победе Монмартрских инсургентов. О бедная, несчастная Франция! В какую бездну она упала и как она выберется оттуда..!»³⁷

³⁵ И. С. Тургенев. Письма, т. IX, стр. 17; письмо Тургенева из Петербурга П. Виардо от 13 (25) февраля 1871 г. Через 6 дней он писал ей же: «Здесь очень довольны тем, что подписан мир; очень жалеют Францию, но надеются, что она проявит гибкость и энергию в своем возрождении» (там же, стр. 365; письмо от 19 февраля (3 марта) 1871 г.).

³⁶ Там же, т. IX, стр. 369; письмо Тургенева из Петербурга П. Виардо от 27 февраля (11 марта) 1871 г. См. «Санкт-Петербургские ведомости», 1(13) марта 1871 г., № 60.

³⁷ И. С. Тургенев. Письма, т. IX, стр. 43; письмо Тургенева из Москвы П. Виардо от 8(20) марта 1871 г.

В дальнейшем писатель, прочитывая в основном русские легальные газеты, знакомясь с оценкой происходящего в официальной прессе и размышляя над бурным революционным взрывом, разразившимся 18 марта, приходил в отчаяние. Это настроение выразил он в другом письме Виардо: «Милая, любимая m-me Виардо. Не могу не сказать вам, что эти ужасные известия из Парижа захватывают меня целиком и повергают в отчаяние. Это совсем точно императорский преторианский Рим, погибающий от анархии, и крик Горация: „Quo, quo, sceleris ruitis?“ — беспрестанно звенит у меня в ушах.

Последние события в особенности прискорбны тем, что они насильно разбивают симпатии, которые в Европе питали к Франции (в данный момент я только это и вижу вокруг себя), и чудесно играют в руку врагам свободы. „Вот видите,— восклицают они,— вот видите, к чему приводят эти достославные принципы 1789 года!“ и пр. и пр. Это торжество июньского восстания 48-го года — и что же будет с Францией? Неужто же нацию, которую мы все так любили и которой мы стольким обязаны, ждет участь Польши или Мексики..?»³⁸

Внимательно следит Тургенев за событиями в Париже и из Лондона. Кажется, что он стал несколько спокойнее относиться к происходящему. В апреле писатель полагает, что «Коммуна восторжествует»; причиной этого является глубокая оскорбленность Парижа «во всех своих чувствах, тщеславии и т. д.».

Подобно другим либералам, он оценивает Коммуну как борьбу Парижа с провинцией³⁹, по-прежнему, не одобряет деятельности коммунаров и хотел бы восстановления буржуазной республики. «Вчера вечером пришло известие, что правительственные войска наконец вошли в Париж», — с облегчением отмечает Тургенев в одном из писем⁴⁰.

Выступая против Парижской Коммуны, Тургенев вместе с тем был возмущен кровавой расправой над коммунарами. В письме из Лондона П. В. Анненкову пи-

³⁸ Там же, стр. 50; письмо Тургенева из Москвы П. Виардо от 39 1²(25) марта 1871 г.

³⁹ Там же, стр. 68—69; письмо Тургенева из Лондона И. И. Маслову 40 у¹² О⁴) апреля 1871 г.

⁴⁰ Там же, стр. 94; письмо Тургенева из Лондона М. В. Авдееву от 0 (22) мая 1871 г.

сатель с негодованием рассказывал: «Не знаю, получаете ли Вы... „Daily News“? Там есть страшные корреспонденции. Напр.: сегодня один турист рассказывает, как он попал в число тех нескольких тысяч инсургентов, из которых маркиз де Галифе — по произволу, по вдохновению — выбрал 82-х и приказал их расстрелять тут же... Чем этот мерзавец, продавший Наполеону свою жену, лучше Рауля Риго..?»⁴¹

Реакция победила. Коммуну потопили в крови. Центром политической жизни Франции стало Национальное собрание. Из Баден-Бадена следит Тургенев за дальнейшим развитием событий. Он возмущается тем, что в Национальном собрании рассуждают о партиях, о форме правления, но забывают о главном: «Позор иноземного нашествия должен бы быть днем и ночью их единственной заботой, невыносимо жечь, как прикосновение раскаленного железа к их подошвам, их сердцу, их душе...»⁴²

12(24) ноября 1871 г. Тургенев прибыл в Париж. Еще далеко не установился государственный порядок побежденной страны. Трудно было сказать, насколько прочны позиции республики. Республика, по выражению Тургенева, «кряхтит» и «очень хворает». Он даже считает, что она едва ли продержится. В правительстве нет сильной личности: «Тьер оказывается тряпкой и старым рутинером, каким он и был всегда»⁴³.

Через год Тургенев с удовлетворением сообщает С. К. Кавелиной: «Республика здесь упрочена — в этом нет сомнения, а этого пока довольно»⁴⁴.

АРИСТОКРАТ, БОГАЧ И УЧЕНЫЙ

Григорий Николаевич Вырубов — аристократ, богач и ученый, пытавшийся начать свою карьеру в Московском университете. В 1864 г. 22-летним молодым человеком он покидает Россию и поселяется в Париже, где

устанавливает связи в научных сферах, совершенствует ^{сво}и знания в области химии, минералогии, медицины. На парижской квартире Вырубова собираются позитивисты, читают рефераты, обсуждают прочитанное, спорят...

В 1865 г. Вырубов сближается с Герценом. С тех пор между двумя русскими эмигрантами установились контакты, сопровождавшиеся острыми спорами относительно социального развития Франции и России.

Затем Вырубов познакомился с М. А. Бакуниным, который в июне 1866 г. писал об этом Герцену: «Он (Вырубов.— *Б. И.*), кажется, порядочный человек. Напоминает мне своею контовскою доктриною мою юность, когда я горячку порол во имя Гегеля, так же как он порет ее теперь во имя позитивизма»⁴⁵.

В 1867 г. Вырубов совместно с видным французским философом Эмилем Литтре начинает издавать в Париже журнал «Позитивная философия». К этому времени интересы Вырубова в основном были связаны с Францией. В одном из писем в Россию своему другу ботанику А. Н. Петунникову Вырубов сообщил, что как ни грустно, но он «положительно офранцузился» и понимает стремления и потребности французского общества лучше, чем русского. «Здесь,— отмечал он,— я могу иметь влияние, пропагандировать; в России ни то, ни другое не возможно для меня иначе как в кругу двух, трех приятелей, которые и без меня прекрасно обойдутся»⁴⁶.

Вырубов действительно включился в общественную деятельность. В сентябре 1867 г. он принимает участие в буржуазно-демократическом конгрессе Лиги мира и свободы, состоявшемся в Женеве. Эта организация возникла в связи с нависшей с конца 1866 г. угрозой войны между Францией и Пруссией. Тогда немецкие и французские рабочие обменялись воззваниями о необходимости объединить усилия народов против войны.

Конгресс действовал в буржуазно-пацифистском духе, требуя упразднения постоянных армий, отказа от военных действий, создания федерации Свободных штатов Европы.

⁴¹ *И. С. Тургенев. Письма*, т. IX, стр. 101; письмо Тургенева П. В. Анненкову от 27 мая (8 июня) 1871 г.

⁴² Там же, стр. 389—390; письмо Тургенева Жюлю Этцелю от 17(29) августа 1871 г.

⁴³ Там же, стр. 200, 343; письма Тургенева А. А. Фету от 24 ноября (6 декабря) и В. В. Стасову от 28 ноября (10 декабря) 1871 г.

⁴⁴ Там же, стр. 343; письмо от 2(14) октября 1872 г.

«Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и И. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 273.

ЦГАЛИ, ф. Г. Н. Вырубова (№ 1036), оп. 1, д. 10, лл. 12—13.

После окончания конгресса Вырубов считал, что его организаторы имели цель «сблизить демократию всех европейских стран и сговориться о той дороге, по которой следует идти в борьбе с деспотизмом и централизацией». Но эта, по его мнению, прекрасная цель не отвечает развитию событий: «Какие могут быть общие интересы демократии Германии, ищущей единства *a tout prix*, и демократии Франции, которой это единство надоело, как горькая редька...?»⁴⁷

Так Вырубов уже после Женевского конгресса Лиги мира и свободы высказал свое отрицательное отношение к деспотизму и централизации Франции, хотя не допускал, разумеется, и мысли о том, что пролетариат Франции и Германии может объединить свои силы в борьбе с эксплуататорами.

Осенью 1868 г. Вырубов выступил на Бернском конгрессе Лиги мира и свободы с речью, в которой заявил, что религиозный вопрос является самым современным, и требовал проведения мер, которые избавили бы человечество от религиозных учений⁴⁸. Однако его взгляды не получили поддержки, и Вырубов порвал с Лигой мира и свободы.

О социальных воззрениях Вырубова в конце 1860-х годов мы можем судить по его спорам с А. И. Герценом. Мы, к сожалению, почти не располагаем письмами Вырубова к Герцену⁴⁹. Но и ответы последнего многое проясняют во взглядах Вырубова. Вместе с тем они дают возможность определить точку зрения Герцена на состояние французского общества в канун Парижской Коммуны.

Осенью 1867 г. Вырубов в письме Герцену высказал свое мнение на ход истории. Он сказал, что «вожаками (движения.— Б. Я.) остались Франция и Англия». С этим не мог согласиться Герцен, считавший, что быстро двигается Пруссия: «Теперь праздник в немецкой слобо-

де - колбасократия. Франция — твердый и мощный оплот всякого консерватизма»⁵⁰.

В январе 1869 г. Вырубов навещил Герцена в Ницце. Дружеский визит вылился в горячий спор о России и Франции⁵¹. Вырубов упрекал Герцена, что последний ненавидит Францию. Герцен в письме от 10 марта (26) февраля 1869 г. отвечал, что это неверно. «Если б моя борьба,— писал он,— мое ремесло жизни было в Париже, я не задумался бы ни на минуту и переселился бы туда — я с поля битвы или опасности по слабости нерв никогда не уходил. Но добровольно, без пользы, нанять квартиру возле полицейской секальни — и слушать, как секут других,— не хочу»⁵².

В конце 1860-х годов происходило дальнейшее углубление кризиса второй империи во Франции. Ухудшилось экономическое положение страны, усилилось стачечное движение; в начале ноября 1867 г. в Париже произошли массовые демонстрации рабочих и демократической буржуазии в знак протеста против нападения французских войск на гарибальдийцев у Ментаны. Во второй половине 1868 г. в различных районах Парижа происходили публичные собрания, в которых участвовали многие будущие члены Парижской Коммуны: Варлен, Флуранс, Риго, Ферре, Брион и др.⁵³

Непосредственно наблюдавший подъем общественной борьбы в столице Франции, Герцен предсказывал дальнейшее расширение социального движения в стране. «Посмотрели бы вы,— писал он в августе 1869 г. в статье „К старому товарищу“,— что делается теперь в просяпающем Париже. Как тесны грани, в которых бьется движенье...»⁵⁴ Через два месяца в письме Огареву от 21(9) октября он еще усиленнее передает атмосферу предреволюционного Парижа и рассказывает о своеобразной позиции в то время Вырубова. «Здесь хаос,— пишет Герцен,— и мы бродим на вулкане. Жалею, что

⁴⁷ ЦГАЛИ, ф. Г. Н. Вырубова, оп. 1, д. 10, л. 93. «Воспоминания о почившем друге А. Н. Петунникова».

⁴⁸ См. франц. «Колокол», № 13, от 15 октября 1868 г.

⁴⁹ Опубликовано лишь два письма Г. Н. Вырубова Герцену («Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 55—60).

⁵⁰ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XXIX, кн. 1. М., 1963, стр. 230; письмо Герцена Г. Н. Вырубову от 12 ноября (31 октября) 1867 г.

⁵¹ См. письмо Н. А. Тучковой-Огаревой А. И. Герцену от 16 (4) января 1869 г. (А. И. Герцен. Собр. соч., т. XXX, кн. 1. М., 1964, стр. 15).

Там же, стр. 55.

⁵² «Парижская Коммуна 1871 г.», т. I. М., 1961, стр. 62—63. А. И. Герцен. Собр. соч., т. XX, кн. 2. М., 1960, стр. 591.

всех впечатлений не передашь — эта страница парижской жизни стоит томов. Положение гораздо больше натянуто, чем издали кажется... И в этом пекле, в этой электрической атмосфере, близкой к грозе, глаз приятно останавливается на нетающей, светлой, ледяной фигуре Вырубова, который обо всем рассудил, привел в порядок, радуется прогрессу — не печалится регрессу»⁵⁵.

Такое отношение Вырубова к назреванию революционных событий во Франции подтверждается и воспоминаниями П. Д. Боборыкина, находившегося тогда в Париже. Мемуарист рассказывает, что Герцен, глубоко интересовавшийся политической жизнью Парижа, был удивлен поведением Вырубова, который считал, что «эра революции уже не должна возвращаться», и поэтому весьма равнодушно относился к социальному движению. «Помилуйте! — говорил мне Герцен своим горячим, прониновенным тоном, — это не молодой человек, а мудрой баба какая-то!», — вспоминал Боборыкин⁵⁶.

Франко-прусская война заставила Вырубова еще раз оценить возможность Франции, высказать свое отношение к правительству страны, которую он так любил. Сразу же выяснилось много неожиданностей, которых не предвидел холодный разум одержимого позитивиста. Он прежде всего не ожидал разгрома Франции. «Пруссаки идут на Париж! Пруссаки почти в Париже! Возможно ли было предположить это?» — писал Вырубов 17 августа 1870 г. Петунникову⁵⁷.

В эти дни Вырубов записался в национальную гвардию. Он считал, что укрепления Парижа надежны, но ошибочная политика правительства ведет к тому, что такая защита становится невозможной — боясь революции, оно отказывается вооружить национальную гвардию. В руководстве военными действиями господствует неразбериха. «Страшно подумать, — заключает свое письмо Вырубов, — до какого положения доведена несчастная Франция двадцатилетним царствованием, надеюсь, последнего из Бонапартов»⁵⁸.

Суждения о судьбе Франции Вырубов высказывал не только в узком кругу своих друзей и знакомых. С 1869 г. на страницах либеральной газеты «Санкт-Петербургские ведомости» стали появляться его очерки «Из парижской жизни», в которых он достаточно подробно выразил свое отношение к событиям, происходящим в столице Франции. Начнем рассмотрение этих корреспонденции с третьего очерка, озаглавленного «Французские демократы». В нем Вырубов стремится убедить читателей в том, что прошла «эпоха насильственных революций», революции теперь сделались ненужными, так как народ «получил возможность мирным путем достигать осуществления своих желаний». Этот мирный путь заключается в системе народных выборов — «всеобщей подаче голосов», в результате чего приходится «подчиняться народной воле»⁵⁹.

Ну, а как в Париже, разве не назревает революционная борьба? «Если в Париже, — отвечает Вырубов, — вследствие весьма понятного, но отчасти вредного нетерпения, без уличной драки, вероятно, не обойдется, то можно сказать наверное, что настоящей революции, такой революции, которая глубоко потрясает все живые силы страны, во Франции больше не будет»⁶⁰. А вообще-то, народ Франции — за республику, но против социализма. Демократы поняли, «что время социализма еще не пришло». Однако у них нет продуманной программы действий. Между тем события назревают: удастся ли демократам в ближайшее время «произвести переворот и заменить вторую империю третьей республикой?»⁶¹.

Ответ на поставленный вопрос Вырубов дал тогда, когда на него ответила уже сама история, — 4 сентября 1870 г. произошла революция. Теперь корреспонденту «Санкт-Петербургских ведомостей» оставалось лишь подвести итоги. 7 сентября он пишет из Парижа: «Империя пала, пала сама собой, без внешнего усилия, пала под тяжестью всеобщего презрения. Республика провозглашена, правительство перенесено из Тюильри в ратушу.

⁵⁵ А. И. Герцен. Собр. соч., т. XXX, кн. 1, стр. 222—223.

⁵⁶ П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. 2. М., 1965, стр. 93.

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. Г. Н. Вырубова, оп. I, д. 10, л. ПО.

⁵⁸ Там же, л. 112.

⁵⁹ «Санкт-Петербургские ведомости», 6(18) февраля 1870 г., № 37. во корреспонденция написана в Париже 15(27) января 1870 г.

Первая часть моих предсказаний сбылась не только потому, что республиканское правительство заменило империю и заменило без уличной драки, но и потому, что семена раздора уже посеяны и что даже в эту трагическую минуту, почти под пушками неприятеля, накаплиется туча, которая рано или поздно разразится междоусобной войной. Посмотрим, исполнится ли мое пророчество до конца»⁶².

Высказанное «пророчество», как мы видим, противоречит утверждению самого же Вырубова о том, что прошла «эпоха насильственных революций». Как же она прошла, если вновь готова «разразиться междоусобная война»? О «пророчестве» мы еще будем иметь возможность поговорить. Сейчас же продолжим рассмотрение того, как Вырубов оценивал революцию 4 сентября. Этому он посвятил написанную 29 октября (10 ноября) специальную корреспонденцию «На другой день после революции»⁶³. В ней автор решил обстоятельно изложить свою концепцию, лишь тезисно выраженную ранее. Республика во Франции родилась неожиданно при «трагических обстоятельствах». Она возникла в то время, когда массы народа долго спали «глубоким сном». Корреспондент петербургской газеты вступает в полемику с теми, кто иначе понимает эту революцию. «Люди,— пишет он,— провозгласившие республику, говорят теперь, что они не могли остановить народную волну... Народной волны никакой не было, кроме очень незначительной толпы, которая вломилась в законодательный корпус»⁶⁴.

По мнению Вырубова, 4 сентября 1870 г. открыло собой новый тип революции, принципиально отличный от революций 1830 и 1848 гг.,—нет страшных крово-

пролитии и отчаянной борьбы. 1870 г. явился, таким образом, началом нового типа политического переворота — «революции в новом смысле, в смысле *эволюции*, без всякого кровопролития, без баррикад, даже без ружей». Так была «доказана» безнасильственная революция, против которой, как мы отмечали, остроумно выступил Герцен. Между тем Вырубов был неумолим: «Я сказал уже давно, что период насильственных переворотов кончен во Франции. 4 сентября оправдало мои предсказания, представив первый пример переворота *естественного*»⁶⁵.

Раз возможен такой «естественный переворот», то напрашивается вопрос: зачем нужна кровопролитная революционная борьба? Париж, дескать, теперь понял, что она не нужна, что те же результаты достигаются мирными средствами, что «рано или поздно» империя падет сама собою, «как падает с дерева переспелый плод»⁶⁶.

Следовательно, «естественный переворот» совершается в тот момент, когда существующий порядок становится невозможным для большинства народа. Это, так сказать, своеобразное выражение количественного строения народа, равноценное всеобщему голосованию. В рассматриваемых условиях тайные общества, мятежи и заговоры представляются «почти смешными анахронизмами». Франция, таким образом, положила почин нового типа революции и показала пример остальным странам Европы⁶⁷.

Следовательно, Вырубов в канун величайшей революции — Парижской Коммуны, «предсказал», что насильственные революции являются пройденным этапом в истории. Последуем, однако, за нашим корреспондентом и проследим, каким путем он будет выбираться из столь затруднительного положения.

Отрицательно относясь к монархическому устройству, Вырубов не считал совершенным и республиканский строй во Франции, так как единая централизованная республика представлялась ему пародией на монархию.

⁶² «Санкт-Петербургские ведомости», 11 (23) сентября 1870 г., № 250. Много лет спустя Вырубов в том же духе оценивал падение империи: «Пала империя не от внешнего усилия, не на баррикадах, не под гром пушек и ружейных выстрелов, а под тяжестью всеобщего презрения... Военные и штатские, богатые и бедные, буржуазия и рабочие — все в один голос кричали: „Да здравствует республика!“» *Г. Н. Вырубов. Военные воспоминания.* — «Вестник Европы», 1911, январь, стр. 13).

⁶³ «Санкт-Петербургские ведомости», 16 (28) февраля 1871 г., № 47. Статья попала в редакцию газеты спустя 3Уг месяца после ее написания.

** Там -же.

⁶⁵ Там же.

Там же.

⁶⁷ Из числа этих стран Вырубов исключает Англию, «которая идет рядом мирных переворотов; но в Англии нет всеобщего голосования, в ней *народ* не играет никакой роли...» («Санкт-Петербургские ведомости», 16(28) февраля 1871 г., № 47).

По его мнению, при наличии всеобщего голосования, когда народ становится «верховным владыкой», нужна политическая децентрализация республиканской власти. Центральная власть решает только наиболее крупные вопросы, касающиеся всех областей страны. Идеалом для Вырубова являются Швейцария и Соединенные Штаты, где «всеобщее голосование действует правильно, без всяких потрясений и революций»⁶⁸. Следовательно, современная политика должна быть направлена к организации децентрализованной республики. В тех случаях, когда в стране не понимают этого, происходят революционные потрясения. Так подходит Вырубов к причинам возникновения Парижской Коммуны.

Коммуна возникла, по его мнению, как итог ошибочных действий правительства, «гнилого режима второй империи, причувившей к чрезмерной централизации, забравшей все в свои руки и отучившей средние классы от всякой общественной деятельности»⁶⁹.

Провозглашение Коммуны вынудило Вырубова определить свою позицию в осажденном Париже. Он был противником Коммуны, но вместе с тем считал невозможным стать на сторону версальского правительства, в которое вошли «все дрянные осколки старых партий». Не хотел Вырубов и бездействовать во время этого «извержения народного вулкана»⁷⁰: посвятил себя деятельности в международной организации «Красного креста», лечил больных и раненых враждующих сторон. Работая дежурным хирургом, он оперировал днем и ночью. «Верить ли,— писал Вырубов в июле 1871 г. Петунникову,— что в продолжение двух месяцев я ни разу не разделся на ночь и иногда за 4 ночи подряд вовсе не ложился?»⁷¹.

Вырубов, как отмечалось, был принципиальным противником Коммуны, он упрекал ее в некомпетентности в административных и военных делах. Среди коммунаров он не видел выдающихся людей, хотя характеризовал многих из них как людей честных и доброжела-

тельных. С барским презрением он говорил о ряде членов Коммуны как о «дрянных личностях», которые «обыкновенно всплывают в смутные дни из глубины народных масс»⁷²,

Как быть с тезисом Вырубова о «насильственной» революции? Непокоримо затвердив, что насильственная революция — явление пройденное, Вырубов, естественно, должен был доказать, что Парижская Коммуна вовсе не революционный переворот. И он начал это «доказывать»⁷³. Общее впечатление о Коммуне представляет Вырубов нарочито таким: да, дескать, в Коммуне было «несколько работников», «из рабочего люда» состояли батальоны национальной гвардии. Следовательно, «это революция социализма». Среди офицеров было «три-четыре» поляка, несколько гарибальдийцев и один немец. Следовательно, «это революция международная». В Коммуне много говорилось о «братстве народа», о «благе трудящихся». На самом же деле это была «одна лишь внешняя сторона» явления; существо же его заключалось в другом.

В чем особенность и сила возникшей революции? Вот основной вопрос, ответ на который и решил сформулировать Вырубов. «Сила революции 18 марта,— пишет он,— была вовсе не в энтузиазме радикального меньшинства, а в сочувствии, в молчаливом согласии консервативного большинства. Это согласие, и только оно одно, сделало революцию и Коммуну возможными. Без участия, хотя и пассивного, партии порядка, в Париже могли, конечно, быть (и вероятно были бы) возмущения, вроде тех, которые два раза произошли прошедшей зимой, но немыслим был громадный переворот, державший в почтении в продолжение двух месяцев стотысячную армию»⁷⁴.

Таким образом, революция 18 марта — результат согласия «консервативного большинства». Все остальное, по схеме Вырубова, никакого отношения к происхождению революции не имеет. Почему вдруг «консерва-

⁶⁸ ЦГАЛИ, ф. Г. Н. Вырубова, оп. 1, д. 10, лл. 149—160.

⁶⁹ Г. Вырубов. Воспоминания. Между двумя войнами (1870—1877).— «Вестник Европы», 1914 г., январь, стр. 181.

⁷⁰ Там же, стр. 182.

⁷¹ ЦГАЛИ, ф. Г. Н. Вырубова, оп. 1, д. 10, л. 117.

⁷² А. Вырубов. Воспоминания.— «Вестник Европы», 1914 г., январь, стр. 182.

⁷³ Этому была посвящена специальная статья «Из парижской жизни» («Санкт-Петербургские ведомости», 10 (22) августа 1871 г., Там же.

тивное большинство» с молчаливым сочувствием отнеслось к революционному перевороту? Дело, оказывается, в том, что буржуазия добивалась муниципальных прав для Парижа как важного торгового и промышленного центра. В этом она была сильно заинтересована и полагала, что «Коммуна, установившись и окрепнув, исполнит это давнишнее желание»⁷⁵.

Обстоятельства, однако, сложились так, что вождениям французской буржуазии не суждено было осуществиться. Взяв власть, радикалы могли установить правильную городскую администрацию, укрепить «общинную автономию» или возвратиться «к отжившим призракам 93 года, подновленным социалистической краской»⁷⁶. После некоторых колебаний «крайнее меньшинство» выбрало второй путь, а большинство, как «всегда случается в революционных кризисах», по инерции пошло за ним.

Совершившимся Вырубов оказался очень недоволен: «Путь был выбран ложный, безумный, бессмысленный. Ожидания, возлагаемые на коммунальное движение, не оправдались; Коммуна не исполнила своих собственных обещаний, изложенных, между прочим, в первом манифесте. Это была, конечно, колоссальная ошибка, но следует прибавить — для объяснения исторических фактов — ошибка эта лежала в самих обстоятельствах, в самом характере всего окружающего. Люди, захватившие власть и игравшие роль, были теоретики»; практическим тактом они не располагали, «никакой определенной программы» не имели⁷⁷.

В итоге Коммуна «определенной программы» не имела, очень слабым оказалось и влияние Международного товарищества рабочих, многие участники революции, принадлежавшие к рабочим, «отличались крайней умеренностью». Все «уродливости» Коммуны отомрут, останется лишь главное — коммунальное движение найдет себе «определенное место в ряду многочисленных революций, совершившихся уже во Франции». Основой этого движения является децентрализация, положившая

начало «нового фазиса в истории французской цивилизации»⁷⁸.

Разгром Коммуны, зверства версальцев вызвали возмущение Вырубова. «Настала,— писал он,— последняя "кровавая неделя", неделя уличной резни, грандиозных пожаров, массового расстреливания без суда, без различия пола и возраста. Те, которые обвиняли коммунаров во всяких ужасах, должны были сознаться, что версальцы еще хуже, еще преступнее»⁷⁹.

После падения Коммуны Литтре и Вырубов готовили очередной номер журнала «Позитивная философия», в котором должно было быть высказано отношение к революции 18 марта 1871 г. Редакторы расходились в ее оценке. Старик Литтре одобрял жестокие меры правительства Тьера против Коммуны. Вырубов не был сторонником революционного Парижа, но был «решительно против Версаля»⁸⁰. Тогда договорились, что каждый самостоятельно напишет статью и выскажет свое мнение о Коммуне. Рукописи были взаимно прочитаны. Статья Литтре вызвала резкий протест Вырубова, который считал, что ее «надо было вычеркнуть целиком». Этого сделано не было — рукопись без изменений пошла в набор. Статья Вырубова, по просьбе Литтре, была несколько смягчена автором. Через несколько дней, уже в корректуре, во фразе «События, которые... кончились отчаянной и геройской защитой кладбища Pègre lachaise» было опущено слово «геройской»⁸¹. «Этого,— вспоминал Вырубов,— я допустить не мог и на последней странице следующего номера поместил крупным шрифтом заметку, в которой заявил, что желаю восстановить вычеркнутое слово, „потому что оно выражает действительность". В самом деле, разве не герои эти люди, которые, расстреляв последние свои патроны, скрестя руки, спокойно ждали смерти и были убиты все до последнего?... Мы с Литтре едва не поссорились; уладила дело старуха, вдова О. Конта, необыкновенно умная

⁷⁸ т
Там же.

* с т р В у " В о с п о м и н а н и я _ В е с т м т м Европы», 1914, январь,

2 Там же, стр. 195.

' Там же, стр. 196.

⁷⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 10(22) августа 1871 г., № 218.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

женщина, перед которой Литтре привык преклоняться; как истая парижанка она стала на мою сторону»⁸².

Итак, общим для либералов было отрицательное отношение к деспотизму и централизации. Это и привело русских либералов к критике наполеоновского режима, к признанию необходимости республиканского правления (последнее, правда, не относилось к Никитенко) и эволюционного развития общественной жизни.

Среди людей либерального образа мышления находились и такие, которые несколько смелее оценивали социальную борьбу и в какой-то мере признавали прогрессивное значение новейших учений социализма. К этим людям можно отнести публициста П. Д. Боборыкина и журналиста Е. И. Утина.

В 1871 г. в двух толстых журналах — «Отечественных записках» и «Вестнике Европы» — появились путевые очерки о Франции. Они много рассказывали о Париже накануне, во время и после Коммуны. Эти публикации привлекли тогда внимание передовой общественности России сочувственным отношением к борьбе трудящихся за свое освобождение, пафосом поисков путей для воцарения правды и справедливости. Авторами этих очерков были публицист П. Д. Боборыкин и журналист Е. И. Утин.

«НА РАЗВАЛИНАХ ПАРИЖА»

Писатель и публицист Петр Дмитриевич Боборыкин, начавший свое творчество как противник «Современника», сторонник «антинигилистической» направленности в литературе, вскоре превратился в передового публициста, во многом сочувственно относящегося к международному социалистическому движению. Годами находясь за границей, в совершенстве владея всеми европейскими языками (недаром от своих товарищей-журналистов он получил прозвище «наш многоязычный брат»), Боборыкин давал необычайно ценную и яркую информацию. Среди многочисленных сюжетов европейской жизни, интересовавших писателя, все большее место с 1860-х годов начинает занимать рабочий вопрос, когда Боборыкин под влиянием европейской действительности стал пристально вглядываться в социальные контрасты, обращать внимание на тяжелое положение

рабочего класса, его нужды и стремления. Переломным в этом отношении явилось пребывание писателя в 1868 г. в Англии.

Впоследствии он свидетельствовал в своих воспоминаниях, что именно с того времени у него пробудился интерес «к рабочему вопросу, к борьбе труда с капиталом»¹.

Осенью 1868 г. Боборыкин в качестве корреспондента «Голоса» присутствует на III, Брюссельском, конгрессе Интернационала и помещает в газете ряд обширных во многом объективных информации о его деятельности. Мы узнаем из них, что на заседании 11 сентября немецкие представители рекомендовали всем рабочим изучать «Капитал» Маркса, что В. Либкнехт «публично изобличил буржуазных экономистов в желании умышленно хранить молчание о книге Маркса, которую им нельзя опровергнуть»².

Не поняв революционно-политической сущности Международного товарищества рабочих, корреспондент вместе с тем с большим сочувствием отнесся к нуждам европейских рабочих, к передовым их представителям, которые стали народными трибунами: «Они вышли из мастерских. Они учились на медные деньги, в часы, свободные от тачания панталон и пилиния металлов, как Авраам Линкольн и Андру Джонсон. Пошлите их в любое представительное собрание, состоящее из припомаженных и высокоприличных джентельменов, они окажутся не только не глупее их, но заявят и большую практическую и весьма значительную теоретическую начитанность»³.

Этот конгресс оказал влияние на дальнейшее развитие социально-экономических воззрений Боборыкина. «Из съездов, бывших в последние годы второй империи,— свидетельствовал он,— самым содержательным и *вещим для меня* был конгресс недавно перед тем созданного по инициативе Карла Маркса „Международного общества рабочих“»⁴.

¹ П. Д. Боборыкин, Воспоминания, т. 1. М., 1966, стр. 504.

² «Голос», 2(14) декабря 1868 г., № 333.

³ Там же, 5 (17) февраля 1869 г., № 36. Подробнее см.: Б. Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964, стр. 75—79.

⁴ П. Д. Боборыкин. Указ. соч., т. 2. М., 1965, стр. 20.

В сентябре 1869 г. в Базеле собирается IV конгресс Интернационала. На этот раз Боборыкин присутствует на нем в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей». Информация Боборыкина о Базельском конгрессе не была такой оптимистичной, как о Брюссельском. Корреспондент недоволен тем, что на конгрессе недостаточно представителей от рабочих, мало зрителей, нет былого энтузиазма... Между тем и в этой информации содержится ряд интересных подробностей. Говорится о том, что развернулась борьба вокруг вопроса о политических свободах. В ответ на выступления сторонников Бакунина Либкнехт заявил: «Рекомендовать неучастие в политическом движении, это значит становиться на точке реакции. Те, кто его проповедают, быть может бессознательно делают сообщения абсолютизма». Подробно рассказывается о роли Международного товарищества рабочих в укреплении солидарности рабочих и в руководстве стачечной борьбой пролетариата. «Все углы Европы отражали на себе, в разных степенях, борьбу капитала с трудом»,— пишет Боборыкин⁵. Сообщается, что упорные стачки произошли в Базеле и Женеве, Нормандии... В Германии более 150 тыс. рабочих образовали в Эйзенахе «социально-демократическую партию», принципы которой были тождественны с принципами Международного товарищества рабочих. Десятки отделений Интернационала насчитываются в Испании, Италии, Голландии. В Англии образовалась «громадная организация» «Рабочих союзов» (Trades Unions), которая на съезде в Бирмингеме пригласила войти в ее состав все рабочие общества.

В другой корреспонденции Боборыкин подробно поведал о борьбе, развернувшейся на конгрессе вокруг вопроса о собственности на землю. Статья заканчивалась сообщением о том, что было вынесено решение собрать следующий конгресс 1 сентября 1870 г. в Париже. «Эта смелая резолюция,— пишет Боборыкин,— вызвала рукоплескания. Президент Юнг сказал речь, и все разошлись при криках: „Vive la Republique democratique et Sociale universelle!“»⁶

⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 12 (24) сентября 1869 г., № 251.

⁶ Там же, 18 (30) сентября 1869 г., № 257.

Собрать очередной конгресс Интернационала в Париже не удалось. Началась франко-прусская война, затем революция — 4 сентября 1870 г. провозглашена республика. Именно к этим событиям в то время было приковано внимание Боборыкина. Его интересует назревание социальной борьбы во Франции. Наблюдения писателя в этой связи не отличались правильным пониманием причин возникновения революционного кризиса в стране, хотя они и не были лишены интереса.

Присматриваясь к политической жизни Франции второй половины 1860-х годов, Боборыкин находил, что бонапартовский режим испытывал либеральные веяния. Эти либеральные тенденции выражались в том, что в стране начала действовать республиканская оппозиция, появились новые газеты, но «прессу все еще держали в наморднике, с системой *предостережений* и фискальных мер»⁷. Оппозиционные настроения начали заметно проявляться в художественной литературе, на подмостках французских театров. Многие пьесы Дюма-отца были посвящены Великой французской революции конца XVIII в.

После революции 4 сентября 1870 г. корреспонденция Боборыкина в «Санкт-Петербургских ведомостях» идет под заглавием «На французской границе». Их тон вполне благожелателен к совершившейся революции. Чувствуется, что корреспондент за признание республики, за установление мира.

Он рад тому, что в Германии участники Интернационала откликнулись на призыв Французской республики — требуют «немедленного мира и союза с Францией». А как настроены остальные представители немецкого народа? «Надо желать, чтоб и другие в Германии заговорили в один голос с рабочими», — писал Боборыкин⁸.

⁷ П. Д. Боборыкин. Указ. соч., т. 1, стр. 414.

⁸ «Санкт-Петербургские ведомости», 7 (19) сентября 1870 г., № 246. Уместно отметить: еще до революции 4 сентября Боборыкин писал, что рабочие больших центров Германии выступают «против войны; они сносятся с парижскими рабочими и собирают митинги с мирными манифестациями. Но их пассивного протеста, увы! недостаточно для удержания всепокрушающего потока» («Санкт-Петербургские ведомости», 16 (28) июля 1870 г., № 193).

Между тем война продолжалась. Немцы подошли к Парижу. Угроза нависла над столицей Франции. Какая сила может остановить противника? «Парижане, — отмечает корреспондент, — надеются только на себя, чего бы ни добился г. Тьер»⁹. Оставлена всякая попытка дипломатических переговоров, министерский орган «Electorateur libre» поддерживает порыв французского народа в его ожесточенной решимости сражаться: «Борьба на жизнь и смерть — вот единственный клик Франции»¹⁰.

Еще одна корреспонденция «На французской границе». И опять в ней встречается интернациональное сочувствие Французской республике, переданное в рассказе Боборыкина:

«Графу Бисмарку вряд ли было особенно приятно узнать о депутации от рабочих лондонских митингов, представлявших Жюлю Фавру с адресами, где симпатия к Французской республике высказывается в самых горячих выражениях. Вручая Ж. Фавру адреса и резолюции, г. Оджер изложил ему, как с восстановлением республики изменились симпатии английского народа, бывшие до того на стороне Пруссии. „Теперь же, — сказал г. Оджер, — когда Наполеон III свергнут и Франция свободна, народ английский не видит никакой причины продолжать войну, почему и побуждает свое правительство поскорее признать Французскую республику“. Кончая свой спич, г. Оджер заявил протест демократической Англии против размежевания Франции. Жюль Фавр отвечал ему с обычным красноречием. Он закончил, напирая на следующие слова: „Я желал бы, чтоб вы могли быть не только перед вашими соотечественниками, но и перед немцами толкователем моего пламенного желания *немедленного* окончания войны: народы французский и немецкий должны жить рядом в братском согласии“»¹¹.

В январе 1871 г. Боборыкин возвратился в Петербург. В столице журналист узнает о Парижской Коммуне. Проходит весна, а летом Боборыкин вновь отправляется в Париж. Теперь Боборыкин должен был писать свои статьи из покоренного Парижа. Писать в то суро-

⁹ «Санкт-Петербургские ведомости», 8(20) сентября 1870 г., № 247. Там же.

¹¹ Там же, 17 (29) сентября 1870 г., № 256.

вое время, когда международная реакция чинила суд и расправу над коммунарами, клеветала на участников революции 18 марта, когда усилилось гонение на все передовое и прогрессивное. В этом захватившем и Россию торжествующем вое реакции всякое честное слово о Парижской Коммуне, о ее героических участниках поддерживало честь того грандиозного дела, за победу которого боролись и умирали коммунары. Нелегко было защищать честь Коммуны на страницах русской легальной печати — прямые симпатии революции всегда карались. Писать нужно было особенно тонко и умно. Так, нам думается, и написаны письма Боборыкина «На развалинах Парижа», опубликованные в «Отечественных записках». С начала первого письма выступает автор в защиту революционного Парижа. Он возмущен тем, что на Париж, как «на козла очищения», посыпались проклятия и нарекания, насмешки и плевки, остроты и «ораторские громы той скудоумной печальной ватаги, которая считает себя призванной спасти цивилизацию и установить мир»¹².

Спасти цивилизацию и установить мир «скудоумная ватага», разумеется, не может. Проблемы цивилизации и прогресса решаются в самом Париже. Решаются они в острой и кровопролитной борьбе именно в Париже: в этой своеобразной лаборатории всего мира определяются пути и судьбы человечества.

«Да! Париж — козел очищения,— пишет Боборыкин,— и лучшей роли ему не надо. Он несет на себе грехи не одной Франции, а всего мира; но он же искупает их рядом жертв, титанических усилий, порывов и упований. Миллионы таят как снег в этом горниле мировой лаборатории, потоки крови льются по его улицам, десятки тысяч человеческих жизней гибнут в водовороте исторических судеб, избравших этот муравейник своим центральным приемником!»¹³

Так представляется публицисту роль столицы Франции в мировой истории.

Париж действительно был зачинателем всего радикального и передового. Но особенно драматично сложились события в канун и во время Парижской Комму-

ны: «Все пережито им в течение одного года: лихорадка шовинизма, легкомыслие дерзости, эпидемия самообмана, пароксизмы, страх и отчаяния, томление осады, одушевление опасности, голод, холод, геройство неумелости, вспышки народного брожения, наконец, вооруженный взрыв небывалых громадных размеров, где впервые выступил работник не с пикой и ножом, а с грозной артиллерией; и опять новая вереница адских испытаний: резня, разрушения, зарево пожаров, зверство солдатчины, человеческая бойня, превышающая все, что только воображение европейца может создать в условиях возможной гуманности... Один год стоит вечности»⁴.

Париж не был единым. Он делился на «два стана», на два противоположных мира. С одной стороны — «даровые деньги, безнаказанная роскошь, изящная скука..., все самодурство буржуазной мощны и все блудодеянья международного барства». С другой — Париж «труда, мысли, научной правды, гражданской солидарности, горячих стремлений к иным общественным порядкам; немолкаемый протест тех, кто стонет и кричит под тяжелой работой, против тех, кто не знает, куда деваться от хандры пресыщения...!»¹⁵.

Эти социальные контрасты, эти противоречивые тенденции общественной жизни не могли не заявить о себе, они должны были привести к борьбе. Последуем за Боборыкиным и посмотрим, каким образом происходило назревание социального конфликта. Описание начинается с перечисления невзгод, обрушившихся на жителей столицы, которые привели к вспышкам народного брожения и, наконец, к вооруженному взрыву.

Так писатель выразил свое отношение к рабочим, свершившим революционный переворот и заявившим себя самостоятельной силой. Такая оценка роли рабочих не являлась новой для Боборыкина. Она имела уже место при описании Брюссельского конгресса Интернационала. В Париже же, как нам представляется, движение рабочих переросло в новое качество — «вооруженный взрыв». Но вот революция рабочих подавлена, и «опять новая вереница адских испытаний». Что же получается? В этом суровом и бурном, полном страданий для Пари-

¹² «Отечественные записки», 1871, № 8, стр. 287.

¹³ Там же.

⁴ Там же.

Там же, стр. 288.

жа времени Коммуна вырисовывается как закономерное историческое явление.

У читателя создается впечатление, что все находящееся вне Коммуны олицетворяет реакцию, грубую силу, измененность интересов, воплощает в себе все регрессивное и отсталое.

Журналист находится у здания французской магистратуры. На здании следы огненного разрушения. Пожар сильно похозяйничал. «Но очистил ли он,— спрашивает Боборыкин,— французскую магистратуру от заразы, которой она страдает искони?» Какая же это зараза? Отвечая на этот вопрос, корреспондент «Отечественных записок» с большой силой обличает буржуазную бюрократическую систему Франции. «Политические формы,— пишет он,— менялись каждые двадцать лет, социальные вопросы всплывали и производили громадные взрывы; а магистратура сидела и сидит по-прежнему, окаменевшая, в своей раковине, подчиняясь каждому правительству, превращаясь в банду сыщиков и карателей во имя того знамени, которое грубая сила захватила в данный момент. Пресловутый принцип несменяемости (которым так восхищаются Маниловы судебной реформы) не мешал несколько жожакам магистратуры бросаться на все, что было им отдано на растерзание правительством 2 декабря. И с какой поспешностью самые рьяные служители Фемиды — на содержании Наполеона III — бросились после 4 сентября уничтожать малейшие следы бонапартизма в своих судебных камерах и отплевываться от павшего режима»¹⁶.

Читая путевые зарисовки Боборыкина, чувствуешь симпатию к простому французскому народу, к подавленной в крови Коммуне. Он с негодованием рассказывает о грубой расправе над простым рабочим: «Блузника, бывшего до 1871 года французским гражданином и избирателем, берут за шиворот, выталкивают за ограду, валят и бьют, точно последнюю паршивую собаку»¹⁷.

Сколько писалось о разрушениях, об уничтожении коммунарами памятников национальной культуры! Вся реакционная (да и не только реакционная) пресса смаковала этот сюжет, стремясь опорочить участников ре-

волюции 18 марта. Боборыкин добирается до «Grand Hotel», где во время осады помещался госпиталь. И что же он видит? Никаких следов разрушений, все в полной сохранности. Писателю даже не верится: «Неужели — думаете вы — это тот же Париж, который прошел *медные трубы* революции 18 марта?»¹⁸

Так было далеко не везде. В своих прогулках по Парижу он увидел следы войны, следы артиллерийского обстрела, следы разрушений. Сильно пострадала Площадь Согласия. Подойдя к руинам Hotel de ville (городская ратуша), Боборыкин как бы ретроспективно представляет себе события и оценивает их: сюда каждый раз устремляется восстание и здесь же теряет свои главные позиции. Захват ратуши, заседание в ее стенах «временного правительства» было всегда традицией революционного народа. Так было и на этот раз. А ГН6-tel de ville! «Вот крик каждой торжествующей революции, и в нем заключен заранее трагический исход ее. При криках победы врывается масса в раззолоченную залу ратуши и прodelывает каждый раз ту же трагикомедию. Не усидело в этой зале и то собрание, которое по заглавию своему всего более подходило к муниципальному дому города Парижа. Ратуша была покинута Коммуной тотчас по вступлении версальских войск, и когда пламя пожирало залы, где не так давно властвовал префект Гауссман, никто уже не повелевал в палладиуме парижских восстаний»¹⁹.

Конечно, по Боборыкину, исход всякой революции трагичен. Революционное движение масс не может привести к благоразумному исходу, к установлению справедливого общественного устройства, сторонником которого как будто является писатель. Да, революция — это плохо. Но плохо и то, что народ угнетен и беден.

Сочувствие к народному бедствию особенно проявляется тогда, когда писатель подходит к описанию рабочих кварталов Парижа. Сент-Антуанское предместье... Обрушенные, старые дома: «внутренность клетушек и каморок вывалилась напоказ во всей своей мизерабельности». И дальше: «Как тут жили люди, как могли работать, как могли дышать! И где же социальному

¹⁶ «Отечественные записки», 1871, № 8, стр. 301.

¹⁷ Там же, стр. 289.

¹⁸ Там же, стр. 291.

¹⁹ Там же, стр. 298.

протесту было бродить, как не в этих ульях бедности, тесности и грязи?!»²⁰

Вот в чем дело. Для того чтобы не допустить революции, социального протеста, нужно создать нормальные жизненные условия для трудящихся. Тогда не будет революции, не будет Парижской Коммуны. Можно ли теперь сказать, что социальные потрясения не угрожают Франции? Проникая в глубь Сент-Антуанского предместья, проходя по «кривым, чадным улицам и переулкам», Боборыкин ощущает прошлую картину «кровавой бойни» и видит «приметы глухого, но рокового брожения, чреватого новыми ужасающими взрывами»²¹.

Франция, следовательно, опять переживает время «рокового брожения», которое может привести к новым революционным взрывам. Этого допустить нельзя. Нужны социальные преобразования, нужны какие-то профилактические меры. «Если Париж дела и мысли будет опять в услужении у Парижа безделья и безмыслия, новое 18 марта — не за горами!», — делает вывод Боборыкин²².

И все же, возвращаясь к прошлому, оценивая нравственную сторону борьбы коммунаров, их самоотверженность и преданность своей идее, писатель симпатизирует именно им, а не версальцам, прославившим себя кровавой, дикой расправой. Кладбище Пер-Лашез. Здесь разыгрался последний, трагедийный акт Коммуны, здесь коммунары вступили в «отчаянную защиту» своего дела: «Каждый мавзолей, каждый надгробный столб превратился в баррикаду».

А вот как описывал Боборыкин действия версальцев: «Здесь же раздавались вопли пленных, которых, как диких зверей, доканчивали ружейными залпами и полуживых бросали в ямы. Поднимаешься на кладбище и с изумлением спрашиваешь: неужели тут, на этом веселом, зеленеющем холму, где могилы смотрят так нарядно, произошли ужасы солдатской расправы, варварская, невиданная в XIX веке бойня живых людей?»²³.

Да, произошла «бойня живых людей». Реакция торжествовала. Париж изменил свой облик. Тревога прояв-

лялась в поведении парижан. На бульварах много людей, но не разливаётся обычная веселость: «Ни криков, ни смеха, ни восклицаний, ни острот, ни глупостей, ни жарких разговоров». Даже «бульварные женщины», отличающиеся обычно яркими нарядами, оделись в темные и серые платья²⁴.

Из второго письма мы узнаем, что изменился не только внешний облик Парижа. Изменилось и отношение народа, молодого поколения к политическому движению: с «теперешней массой» и с современными «вожаками» нечего и думать о том, чтобы «пересоздать нацию», «какое бы вино не получилось», оно вновь «попадает в старые мехи». Это привело к тому, что «в мыслящей молодежи» появилось равнодушное к политическим вопросам: «Она видит, что под этой шумихой копошатся мелкие себялюбивые расчеты людишек, желающих захватить власть или по крайней мере вылизывать подачку тех, кто будет ею пользоваться»²⁵.

Для доказательства того, что так именно получилось после подавления Коммуны, Боборыкин останавливает внимание читателя на Национальном собрании, заседающем в Версале. Министры там никакой политической роли не играют, «они послушные приказчики своего хозяина». Кто же хозяин? Вот его облик и характеристика: «Маленький человечек в коричневой визитке, вскарабкавшийся на временный трон Франции, правит ею посредством собственной особы, а министерство держит около себя „для близиру“. Он весь свой век выдавал себя за бойца строгого парламентаризма; но это ему несколько не мешает распоряжаться везде и во всем с полнейшим своевластием»²⁶. Так был представлен русскому читателю глава версальского правительства палач Коммуны Тьер.

Обрушивается публицист и на Национальное собрание, «на этот сброд неспособностей, попавших в депутаты в минуту общей паники». Он пишет о том, что в Париже и провинции усиливается негодование деятельностью Национального собрания. Между тем роль его давно сыграна — оно не имеет никакой законной власти

²⁰ «Отечественные записки», 1871, № 8, стр. 306.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 312.

²³ Там же, стр. 308.

²⁴ Там же, стр. 292—293.

²⁵ Там же, № 11, стр. 102.

²⁶ Там же, стр. ПО.

и должно уступить место новому учредительному собранию. «Но меровинги уйдут только тогда, когда их выгонят со скандалом», — заключает Боборыкин²⁷.

Версальское правительство, следовательно, не может представлять Францию. Нужны социальные изменения, нужны новые люди, новые правители. Кто же достоин встать во главе Франции? Конечно, не Тьер, скомпрометировавший себя. Возглавить Францию, по мнению Боборыкина, достоин Леон Гамбетта. Гамбетта понимает, что Франция во главе с Тьером будет только «номинальной республикой». Выступает он и против Коммуны. И при всем этом Боборыкин считает: «Гамбетта продолжает быть единственным крупным политическим деятелем, способным, когда он достигнет власти, ввести в учреждения и жизнь Франции все то, на что трудовая масса приобрела себе нравственное право»²⁸.

В Версале Боборыкин стал свидетелем судебной расправы над коммунарами. 7 августа 1871 г. начались заседания третьего военного трибунала. Среди подсудимых были видные деятели революции 18 марта: делегат внешних сношений Груссе, делегат общественной безопасности Ферре, делегат финансов Журд, один из основателей ЦК национальной гвардии Асси, члены Коммуны Кур бе, Вердюр, Тренке и др.

Обвинительный акт, составленный правительственным комиссаром Гаво, был едко высмеян на страницах «Отечественных записок». «Для Гаво, — писал Боборыкин, — революция 18 марта сводится к бунту, который был затеян и выполнен заговорщиками, подкапываемыми под бонапартово здание»²⁹. Таким образом, правительственный комиссар впал в «трагикомическое противоречие». Он все свалил «в одну кучу» и обвинил революционных деятелей в том, что они в прошлом вели пропаганду против бонапартовского режима. Между тем сам Гаво является комиссаром республиканского правительства, созданного в результате революции 4 сентября 1870 г., свалившего Наполеоновскую империю. «Стало быть, — подчеркивает корреспондент, — люди, представлявшие на суде версальское правительство, не

различали вовсе врагов бонапартизма от всяких других революционеров и становились защитниками второй империи, на развалинах которой засело версальское собрание»³⁰.

Но не в этом, разумеется, главная особенность версальского суда. Главное — в том, что обвинители грубо исказили сущность Парижской Коммуны. Русский публицист возмущен тем, что «самые крупные события получают в наше время опошленный вид», что «роковые социальные движения» представляются в качестве «самой грубой уголовщины». Действия коммунаров — действия искренних, преданных своему делу революционеров, действия честных людей, а не уголовных преступников. Так думает Боборыкин и доказывает это рассказом о поведении обвиняемых на суде. Пусть Ферре, полагает писатель, вел себя на процессе не всегда последовательно, но он до конца показал себя как убежденный революционер.

Особенно ярко вырисовывается образ Асси. Давая его подробную характеристику, автор, как нам думается, обобщал в его лице широкий круг участников Парижской Коммуны. Асси представляется человеком, преисполненным веры в дело, которое он отстаивал. На суде он стремился показать свою крупную роль в движении (за это Боборыкин обвиняет его в «рисовке»), «поговорить всласть о дорогих для него вопросах, связанных с революцией 18 марта...» Он доказывал, что является законным представителем в Коммуне: его избрали на свободных выборах, и поэтому он не считал преступным действовать в защиту своих избирателей. Что же касается военных действий Коммуны, то они «были вызваны нападением версальцев». Он же, «как человек специальных сведений», должен был принять на себя обязанности по заготовлению воинских снарядов, чем и занимался «с надлежавшей энергией»³¹. Рассказав все это, Боборыкин заключает: «Асси действительно работал и для простого механика выказал замечательную даровитость и годность как администратор. Он действительно сослужил службу Коммуне, насколько мог и умел»³².

²⁷ «Отечественные записки», 1871, № 11, стр. 111.

²⁸ Там же, стр. 120.

²⁹ Там же, стр. 125.

³⁰ Там же, стр. 127.

³¹ Там же, стр. 129.

Симптоматично, что высокая оценка рабочего-механика Асси как «годного» администратора не была исключением. Доброжелательно показаны и многие другие участники Коммуны, представленные на суде. О Журде: «Он желал показать всем и каждому, что финансы Коммуны попали в руки прекрасного хозяина». А вот отзыв о Паскале Груссе: «Вообще он себя показал очень умным человеком, и его внешняя порядочность выгодно оттеняла тон его поведения»³³.

Есть, правда, и отрицательные оценки. «В нем сказлся, напротив, вздорный сумасброд, честолюбивый интриган и заговорщик»³⁴. Так отозвался Боборыкин о Люлье, который в первые дни революции исполнял обязанности главнокомандующего национальной гвардии.

Завершая очерки «На развалинах Парижа», Боборыкин отдавал себе отчет в том, что Парижская Коммуна — явление важное, интересное, трудно понимаемое. Последнее слово о сущности этой революции еще не сказано. «Но прежде чем сказано будет последнее слово этой борьбы, небывалое усилие, называющееся революцией 18 марта, уже смущает умы исследователей невозможностью найти настоящий ключ к уразумению ее главного нерва. Не поищем ли и мы с вами, читатель, этого ключа...?», — вопрошал Боборыкин³⁵.

Писатель действительно не оставил этой темы. Он продолжал искать «ключ» к пониманию «главного нерва» революции 18 марта. Для «Отечественных записок» он написал статью по истории Коммуны, которую редакция из-за цензурных соображений не смогла опубликовать. Мы, к сожалению, не располагаем текстом этой работы. По воспоминаниям Боборыкина, он написал ее по книге Ланжалэ и Коррье, которые составили свой труд без «всякой литературной отделки, суховато, но дельно и в объективном, очень порядочном тоне, с явной симпатией тому, что было в идее Парижской Коммуны двигательного и справедливого»³⁶.

Студенту Петербургского университета Евгению Утину было 18 лет, когда осенью 1861 г. его вместе с другими студентами, выступившими против самодержавных порядков, заключили в Петропавловскую крепость. С годами его юношеский пыл остыл, но критическое отношение к самодержавию осталось. Окончив юридический факультет, он несколько лет провел за границей, где знакомился с политической жизнью Франции, Германии, Италии³⁷.

В те дни, когда в Париже победившая Коммуна проявляла себя как народное правительство, на страницах «Вестника Европы» начали печататься путевые очерки Е. Утина «Франция и французы после войны». В первом же очерке автор решил выяснить, «кто прав, а кто виноват» в происшедшей войне? Победа Германии отнюдь не означала нравственного преимущества немецкого народа над французским. И в Германии и во Франции не было истинной политической свободы, которая одинаково не выносит ни Бисмарков, ни Бонапартов. Правда, Германия сыграла крупную роль в исторической жизни и культурном развитии. А разве Франция «не дала миру великой революции, этой могущественной реформации в области светской жизни, в области понятий, идей, всего строя человеческого общества?»³⁸. Но во французском народе развиваются разнородные явления. С одной стороны — невежество и гнилость, которые проявляются среди сельского населения и бюрократии; с другой — то, что составляет нравственную силу Франции: рабочий класс, мелкая буржуазия, — люди так называемых либеральных профессий.

Так первые рассуждения Утина показали, что его симпатии склоняются все же на сторону Франции, потенциальные возможности которой представляются ему более перспективными. Отсюда, пожалуй, и возникло его отношение к событиям 18 марта. Чувствуется, что, когда писался первый очерк, у автора имелись уже определенные взгляды па эту революцию, хотя он их обыч-

³³ «Отечественные записки», 1871, № 11, стр. 130-131.

³⁴ Там же, стр. 129.

³⁵ Там же, стр. 134.

³⁶ П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. 2, стр. 101.

³⁷ К. Арсеньев. Евгений Исакович Утин. — «Вестник Европы», 1894, сентябрь, стр. 432.

³⁸ Там же, 1871, апрель, стр. 868.

но прямо не излагает. Делает он это чаще иносказательно, в форме диалога со своим собеседником. В сопровождении спутника Утин попадает на Монмартр в канун знаменитых событий. В уста спутника автор вкладывает такие слова: «... Мы не видим ничего дурного, чтобы пушки находились в руках национальных гвардейцев, которые ими никогда не злоупотребляют. Часто бывали примеры, что правительства, даже республиканские или вернее quasi-республиканские, к которым, конечно, принадлежит и нынешнее, направляли пушки против народа, но не было еще примера, чтобы национальная гвардия стреляла в народ. Никто не в состоянии лучше охранять порядка, чем национальная гвардия, доказательства тому все последнее время»³⁹.

Утин и сам размышляет над тем, что произошло в ночь с 17 на 18 марта. Он считает, что правительство Тьера намеренно провоцировало волнения с целью дальнейшего «водворения порядка». Ночное похищение пушек, предпринятое этим правительством, вынудило республиканскую партию «употребить силу». Такой шаг оценивается Утиным как ошибочный. Но «еще более ошиблось правительство, которое полагало, что ему будет достаточно выдвинуть войско, чтобы забрать, затем обезоружить нац. гвардию и т. д. Оно не предвидело, что войско станет брататься с народом...»⁴⁰. С сожалением рассматривает корреспондент «Вестника Европы» движение, которое «не обошлось без кровавых сцен». Вместе с тем он выражает надежду, что эти события «предупредят более ужасную гражданскую войну»⁴¹.

Как нетрудно понять, приведенные размышления Утина во многом типичны для российского либерала: боязнь революционного насилия и «ужасной» гражданской войны. Однако автор все же считает, что действия правительства Тьера привели к нежелательным последствиям; правительство допустило большую ошибку, чем республиканская партия.

В последующих очерках оценки деятельности республиканской партии, ее отношение к народу, роль народа в освободительном движении становятся центральными

проблемами. Автор рассматривает их ретроспективно: высказав свое отношение к революции 18 марта, он обращается к предшествующим событиям — к Национальному собранию, которое открылось в Бордо 12 февраля 1871 г. Из Бордо во втором очерке и ведет свое повествование Утин. Ведет он его опять с помощью своих собеседников и спутников. Они, как правило, выражали свои симпатии к простому народу Франции. Французские люди «сумели бы защитить и отстоять свою родину, если бы только их не заставляли голодать и зябнуть, если бы только им дали хлеб и обувь», говорил один из них⁴².

А вот обобщенное мнение: «Давно ли мы были еще полны надежды, говорили французы; пока оружие не было вырвано из наших рук, мы все еще надеялись, мы ждали, что народная волна все сильнее и сильнее станет подниматься; мы заглядывали в историю и в ней находили себе подкрепление; мы знали, что когда народ поднимается весь, когда он поднимается от мала до велика, то нет армий, нет силы, которая способна его побороть; но мы знали также, что народ поднимается медленно, что кровавая решимость не появляется быстро; мы знали также, что нужна громадная энергия, революционное движение, чтобы вывести его из свойственной ему апатии. Мы ждали, надеялись и вдруг роковой удар — перемирие, и еще какое перемирие: предательское, купленное страшною ценою, не только сдачею Парижа, но занятием неприятеля тех местностей, которые ему пришлось бы оспаривать еще дорогостоящею борьбою...»⁴³.

Мотив народной войны, нарастания революционной энергии масс, наконец, мотив самой революции все время находятся в центре внимания автора в третьем очерке. При этом выясняется определенная зависимость: для проведения народной войны нужны «революционные меры». По словам Утина, он со всех сторон слышал о том, что требуется откровенная революция, что без такой революции нельзя продвинуться вперед. Утин не разделял такой точки зрения и считал, что назревание революционного пути борьбы является следствием «сле-

³⁹ «Вестник Европы», 1871, апрель, стр. 875—876.

⁴⁰ Там же, стр. 879.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, май, стр. 318.

Там же, стр. 339—340.

поты Дд сих пор стоявших во главе, и в политическом и в социальном отношении, классов, не желающих дать рядом с собою почетного места рабочему городскому сословию, к которому они относятся с каким-то враждебным страхом, натянутое положение между различными элементами в государстве должно разрешиться путем тернистым — путем революции»⁴⁴.

Между тем именно за этот тернистый революционный путь выступали многие радикально настроенные французы, которые считали, что боязнь революции не позволила буржуазии своевременно «повалить империю» и этим избавиться от последней войны, принесшей такие тяжелые последствия.

Интересен в этой связи диалог, развернувшийся между автором и его анонимным оппонентом:

« — Но кто вам сказал, не мог я не возразить, что революция обратится в вашу пользу; отчего вы знаете, что эта революция не будет раздавлена и что господство тех классов, против которых вы боретесь и которые в свою очередь поддерживаются невежеством сельского населения, не укрепится еще более?»

— Если вы таким образом станете смотреть, то вы всегда будете ошибаться, было мне ответом. Смотрите шире, глубже. Спросите, на чьей стороне будущее, на чьей стороне справедливость: на той ли, которая отказывает народу в его требованиях, в его правах, в возможности самому знать, что ему нужно, и самому защищаться от всякого авантюриста, захватывающего власть, или той, которая имеет в виду только интересы привилегированных сословий и всеми силами препятствует развитию части народа, т. е. рабочему сословию, занять должное место в управлении страной и путем политических преобразований в общем строе государства достигнуть изменения своего положения в социальном отношении»⁴⁵.

Затем собеседник Утина изложил сущность требований тех, кто составляет «партию революции». Читатель «Вестника Европы» мог узнать, что эта партия стремится перенести центр тяжести управления страной из среды «привилегированных классов в среду рабочего сосло-

вия», она требует также уничтожения сословных привилегий, отделения церкви от государства, изменения системы налогов («перенести тяжесть их с бедных на богатых»), организации таких банков, при помощи которых труд мог бы стать в более независимое положение от капитала.

Как видим, рассмотренные требования отражают те мероприятия, которые уже были осуществлены революционным путем Парижской Коммуной и стали известны автору статьи. Между тем Утин акцентирует внимание на том, что все эти идеи «могут быть осуществлены без всякого насильственного переворота», как только управление переместится в среду четвертого сословия⁴⁶. Переход же власти в руки четвертого сословия приведет к тому, что законы, которые служили интересам ничтожного меньшинства, будут служить большинству населения страны.

В июльском номере «Вестника Европы» появился четвертый очерк Утина, посвященный непосредственно Национальному собранию, которое должно было решить вопрос о войне или мире между Францией и Германией. С суровым негодованием относится автор к этому собранию. На него «падает весьма крупная доля ответственности» за бедствия, причиненные гражданской войной. «Деревенское большинство» Национального собрания сделалось воплощением реакции. Заключение мира этим собранием привело к междоусобной войне. Его деятельность была преступной, так как не предупредила внутреннего кризиса в стране и не уяснила того, что для предотвращения возникновения Коммуны «нужно установить в стране искреннюю республику и что для того, чтобы не бросать людей в крайний радикализм, не нужно подчинять их крайней реакции»⁴⁷.

Следовательно, Утин выступает против *крайнего* радикализма, против революционной Коммуны. Он сторонник «искренней республики», такого республиканского правления, которое исключало бы возможность развития *крайностей* в общественной борьбе: революционного насилия и реакционных действий. Этим, пожалуй, и объясняется его отрицательное отношение к Тьеру и полное

⁴⁴ «Вестник Европы», 1871, июнь, стр. 703.

⁴⁰ Там же, стр. 704.

Там же, стр. 715.

Там же, июль, стр. 305.

расположение к Гамбетте, которому автор уделяет ряд ярких страниц своего четвертого очерка⁴⁸.

Закончились позорные заседания Национального собрания, и Утин решил отправиться в осажденный Париж. Этой поездке и посвящен последний, пятый, очерк «Франция и французы после войны».

О первых парижских впечатлениях Утин рассказал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу в письме от 9 марта 1871 г. В нем он нарисовал печальную картину осажденного города. «Бедный, бедный Париж», — свидетельствуется в письме. Особенно тяжелое впечатление оставило Сен-Клу: «Вчера я посетил новую Помпею... Куда Помпея — это нетронутый город по сравнению с Сен-Клу. Груда развалин...!»⁴⁹ Утин поведал далее редактору «Вестника Европы», что трехнедельное пребывание во Франции позволило много наблюдать, собрать интересный материал, писать же в Париже невозможно. Он просит повременить со статьей: «Пожалуйста, не помещайте ничего касательно осады Парижа и Нац. собрания»⁵⁰.

Только в декабрьском номере появился последний очерк Утина. В нем рассказывается о Париже в канун возникновения Коммуны. Кратковременное пребывание в городе и позиция автора не дали возможности ему в какой-то мере уяснить всю сложность социальных отношений в столице Франции. Да и едва ли было возможно рассказать об этом на страницах либерального органа. Предыстория Парижской Коммуны рисуется в этом очерке очень бегло. Читатель не мог получить законченного представления о назревании революции. Внешние путевые наблюдения заслоняют социальные вопросы. Все же из текста чувствуются симпатии автора к делу национального освобождения, простому народу Франции, к некоторым участникам Коммуны.

В сопровождении очередного спутника Утин осматривает Тюильри: «Народ прошел по этим комнатам, говорил мой спутник, он прошел мимо этой роскоши, мимо этого золота, и сам нищий, сам забитый и голод-

ный, он не набросился на это золото, он ни до чего не коснулся, ни к чему не притронулся. Его справедливое негодование не искало себе удовлетворения в разорении, он опасался даже одной мысли, что революцию назовут грабежом и разбоем. Народ спокойно вступил во владение тем, что ему принадлежало по праву и что отныне составляет его неотъемлемую собственность!»⁵¹

Это, казалось бы, мимоходом брошенное суждение в условиях российского деспотизма было проявлением гражданственности. Оно явилось попыткой защитить народный революционный Париж от клеветы, широко распространявшейся на страницах русской легальной печати.

При осмотре Сен-Клу Утина сопровождал член Интернационала, впоследствии член Коммуны. Имя его не названо. Автор только сообщает читателю, что этот революционер был захвачен с оружием в руках на одной из баррикад и затем расстрелян версальскими войсками. «Это был юноша, — пишет Утин, — двадцати шести лет, пылкий, страстный, горячо любивший свою родину...»⁵².

В Париже Утин встречался и с другими будущими членами Парижской Коммуны: Паскалем Груссе, Варленом, Маленом, Жоанаром. Эти люди «пользовались большим влиянием среди рабочих классов», но они тогда не знали, отмечается в очерке, что вскоре сделаются главными действующими лицами «в той трагедии, которая носит имя Парижской Коммуны».

Особенно заинтересовали автора Варлен и Паскаль Груссе. Варлен характеризуется как один из самых деятельных членов Интернационала, умный, энергичный, преданный революционному делу, уверенный в конечной победе. «Бой, — говорит Варлен, — завязался, быть может скоро он примет более суровый, страшный характер; но я вам говорю только одно, прибавил он, что чем бы ни кончилось первое открытое сражение, борьба будет продолжаться до тех пор, пока мы не останемся победителями. Наши враги будут нашими лучшими союзниками, они доставят торжество Интернационалу»⁵³. С большим сочувствием рассказывается на страницах

⁴⁸ «Вестник Европы», 1871, июль, стр. 332—344.

⁴⁹ ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. М. М. Стасюлевича (№ 293), оп. 1, д. 1495, л. 95 об.

⁵⁰ Там же, л. 96.

⁵¹ «Вестник Европы», 1871, декабрь, стр. 55.

Там же, стр. 578.

⁵³ Там же, стр. 582.

«Вестника Европы» о гибели Варлена «в те кровавые майские дни белого террора, когда правительство Тьера упивалось кровью своих несчастных жертв»⁵⁴. Варлен встретил смерть с необыкновенным мужеством и твердостью.

Иначе представляется образ Паскаля Груссе. Он не фанатик революции; хотя он чувствует неизбежность гражданской войны, но стремится оттянуть ее до того времени, когда немецкая армия не будет угрожать столице Франции. В противном случае другие районы страны не смогут явиться на помощь революционному Парижу.

В ответ на вопрос Утина, как будет действовать Паскаль Груссе, если гражданская война все же вспыхнет, последовал решительный ответ: «Конечно, я стану в ряды восставших, с печалью, с отчаянием, но все-таки буду драться»⁵⁵. Далее следовали мотивы, почему он будет действовать именно так: нельзя допускать раскола в партии, раз дело уже началось, «то каждый обязан собою жертвовать», всякий искренний человек должен броситься на защиту своих единомышленников. Не пугало Паскаля Груссе и поражение. Он считал, что «неуспех сегодня служит лучшей гарантией завтрашнего дня».

Предреволюционный Париж олицетворялся, разумеется, не только отдельными деятелями, их взглядами на потенциальные возможности борьбы. Лицо Парижа накануне 18 марта определялось общим настроением народа, говором уличной толпы, отдельными вспышками недовольства, брожением населения. Рассказывая об этом, Утин сознавал приближение гражданской войны. Он понимал, что «так дальше продолжаться не может». Ему, казалось бы, хотелось дождаться момента революции. «Быть самому, — писал Утин, — очевидцем революции в Париже мне, признаюсь, представлялось крайне заманчивым! Как совершаются крупные народные движения, как, хотя минутно, торжествует революция, как выражается восторг, как ведется борьба — все это не могло не интересоваться в высшей степени. Между тем дни проходили, решительного, определенного не

было ничего, натянутое положение могло продолжаться бесконечно»⁵⁶.

Утин решил не ждать. С чувством неопределенности он покинул Париж. И только в Ульме корреспондент «Вестника Европы» узнал из газет, что 18 марта в столице Франции произошла революция. Этим и заканчиваются путевые очерки «Франция и французы после войны».

Мы видим, что в этих очерках не так уж много материала, относящегося к нашей теме, однако и то, что есть, достаточно примечательно. Характерна, прежде всего, позиция автора. Утин — представитель либерализма, стоящий на его левом фланге. Он, конечно, принципиальный противник революции, торжество которой может быть лишь «минутным». Между тем он пытается познать причины социальной борьбы, определить отсталое и передовое в общественном развитии, высказать свое отношение к деятелям Парижской Коммуны.

Во всяком случае, читатель «Вестника Европы» должен был убедиться в том, что автор очерков «Франция и французы после войны» проникнут симпатиями не только к республиканскому правлению, но и к простому народу, на которого возлагаются надежды в деле национального освобождения страны.

Все это, разумеется, не могло пройти незамеченным для царской цензуры. В Петербургском цензурном комитете пришли к выводу, что «в статьях Утина о современном политическом движении во Франции заявлялось сочувствие к крайним революционным стремлениям»⁵⁷. Кара быстро последовала: за декабрьскую книгу «Вестнику Европы» было объявлено предостережение.

К концу 1871 г. Утин на основе опубликованных в «Вестнике Европы» очерков подготовил к изданию в сдал в типографию книгу «Франция в 1871 г.». Эта работа несколько отличалась от напечатанного в журнале: расширено содержание, внесены некоторые изменения и дополнения. В ряде мест была усилена оценка роли рабочего класса в Парижской Коммуне. Так, например, Утин писал: «Упорная и кровавая борьба Коммуны с версальскими войсками, поддерживаемая исклю-

⁵⁴ Там же, стр. 585.

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. Главного управления по делам печати (№ 776), оп. 11, д. 154, ч. 1, л. 222 об.

⁵⁴ «Вестник Европы», 1871, декабрь, стр. 583.

⁵⁵ Там же, стр. 584.

чительно рабочим классом, была ответом на ту клевету, которую так настойчиво распространяли Фавры, Трошю и другие подобные им герои, что рабочий класс, который так много кричит о готовности своей жертвовать, оказался трусливым и просто-напросто отказывался идти драться против пруссаков. Рабочие, проливавшие свою кровь во время Коммуны, показали, что в них нет трусости и что они умеют жертвовать своей жизнью и умирать с фанатической решимостью»⁵⁸.

Книге Утина не суждено было, однако, выйти в свет. 10 января 1872 г. из типографии Сущинского ее восемь обязательных экземпляров были направлены в Петербургский цензурный комитет. Через день последовало распоряжение министра внутренних дел Тимашева: на все издание «Франция в 1871 г.» был наложен арест, 1500 еще не сброшюрованных экземпляров были опечатаны в типографии. Дальнейшая судьба книги зависела теперь от Комитета министров. Туда и представил свои соображения министр внутренних дел. Он писал, что порицание Утиным монархического правления, сочувствие к республике и «снисходительность» к Интернационалу могут вызвать в читателе «с поверхностным образованием и не твердым убеждением» ошибочные «понятия о форме правления и началах общественного устройства». С такой оценкой книги согласился Комитет министров. 30 апреля 1873 г. она была в количестве 1475 экземпляров уничтожена на картонной фабрике Крылова⁵⁹.

Так расправлялось самодержавное правительство с передовой печатью, с теми произведениями, которые могли внушить ошибочные «понятия о форме правления», поколебать веру в незыблемость российского царизма. Всякая попытка размышлений по этому поводу строго преследовалась. Следующий очерк убедит нас в этом еще больше.

⁵⁸ *Е. Утин. Франция в 1871 г. Политические, эскизы.* СПб., 1872, стр. 440.

⁵⁹ *Л. Добровольский. Парижская Коммуна в русских запрещенных изданиях 70-х годов.—«Книга о книге», III. Л., 1932, стр. 282—283.*

«НЕ ЗАПРЕТЯТ ЛИ „НЕДЕЛЮ“?»

Среди русских легальных газет «Неделя» отличалась своими демократическими тенденциями, была во многом оппозиционно настроена к самодержавному строю России. Когда началась франко-прусская война, «Неделя» не имела собственного корреспондента в Париже. Газета высказывала свои суждения о событиях во Франции по материалам иностранной прессы. Отметим сразу, что суждения эти отличались серьезным анализом, широкими историческими параллелями и сравнительной, для легального органа печати, смелостью.

«1789-1848-1870»

5 (17) июля 1870 г. «Неделя» сообщила своим читателям, что немецкие войска разбили императорскую армию и открыли дорогу на Париж. Что же происходит в это время в столице Франции? Сославшись на полученные сведения о том, что там царит «страшное разочарование», газета с недоумением вопрошала: «Неужели только одно разочарование? Неужели у парижан хватит еще терпения ожидать немецких войск или принять условия какого-нибудь крайне унижительного для французской нации мира? Или в нынешней Франции окончательно погас дух Франции 1793 года, и французский народ не способен уже показать миру прекрасный пример героической самозащиты против своего внутреннего врага, препятствующего французам отразить врага внешнего или подать руку примирения немецкой нации,

оторванной от своих мирных занятий все тем же внутренним врагом Франции?»¹.

Вопрос, поставленный демократической газетой, таил в себе прямой призыв к борьбе французского народа с императорской Францией, призыв к поддержанию национальных традиций 1793 г. В дальнейшем «Неделя» продолжала развивать свою точку зрения. Она приветствовала провозглашение 4 сентября республики во Франции и стремилась документально доказать решительность нового правительства в борьбе с немецкой армией. Так, на страницах газеты были помещены выдержки из заявления министра иностранных дел Жюля Фавра: «Мы не уступим ни одной пяди земли, ни одного камня наших крепостей... Мы имеем энергичную армию, хорошо снабженные крепости, превосходно устроенный пояс укреплений и — что важнее всего — сердца трехсот тысяч защитников, готовых биться до последнего издыхания...»².

«Неделя» с удовлетворением информировала читателей, что республиканское правительство сосредоточило войска в Париже, что к ним присоединится национальная гвардия и «вооруженные рабочие, издавна известные своей геройской и стойкой защитой баррикад»³. Большие надежды возлагала газета на объединение всех демократических сил против захватнических притязаний Бисмарка: «...Рабочие Международного общества, — писала „Неделя“, — объявляют теперь от имени республики войну прусским притязаниям и приглашают своих немецких собратьев поддержать республику во Франции. В Германии вся демократическая партия и прежде, до провозглашения республики в Париже, восставала против захвата Эльзаса и Лотарингии, — теперь она заявит это свое требование вдвое смелее... В самом Берлине голоса демократов пользуются большим значением, да и ряды национальных либералов тоже едва ли останутся твердыми, когда всем станет ясно, что Бисмарку желательно, главным образом, задавить политическую свободу во Франции»⁴.

Эта редакционная статья «Недели» вызвала недовольство в Главном управлении по делам печати⁵. Причина недовольства проста: в статье восторженно оценивался «совершившийся во Франции переворот» и клеймилось свергнутое правительство. Царские чиновники были особенно возмущены тем, что в газете «Неделя» «прямо с увлечением, совершенно неприличным подданному самодержавного государства, высказывается сочувствие к республиканскому образу правления», выражается «благоволение автора» к рабочим, которые отличались «геройской и стойкой защитой баррикад»⁶. Обращено было внимание и на то, что в статье с резкостью и неуважением порицались «действия прусского короля». Последней каплей, переполнившей чашу терпения Главного управления по делам печати, явилось рассуждение «Недели» о свободе: «„Свобода опять связана с именем Франции“; „Да здравствует Франция!“ значит „Да здравствует свобода“»⁷.

Такого в самодержавной России вынести не могли. «Неделе» было объявлено первое предостережение, о чем еще пойдет речь впереди.

Через две недели после провозглашения республики во Франции «Неделя» довольно ярко описала это замечательное событие: «Толпы ликующего народа на улицах, на бульварах, в кофейнях, солдаты и национальные гвардейцы, братающиеся с народом и обращающие, в знак своих миролюбивых намерений, приклады ружей кверху, крики: „Да здравствует республика!“, перемежающиеся с раскатами Марсельезы, в которых там и сям голоса молодых девушек-запевал резко отделялись от гула подхватывавших их мужских голосов, мостовые, усыпанные обломками гипса от разбитых императорских гербов, подбираемыми как реликвии в память достопамятного дня некоторыми из прохожих, стены домов, испещренные, более или менее, удачными lazzi, патетическими возгласами и карриатурами, словно целая Дюжина плодовитейших писателей специально труди-

¹ «Неделя», 5 (17) июля 1870 г., № 32.

² Там же, 30 августа (11 сентября) 1870 г., № 35.

³ Там же.

⁴ Там же.

Ее обобщающая оценка содержится в рапорте коллежского секретаря Юферова, высоко оцененном начальством Главного управления по делам печати (ЦГИА СССР, ф. Главного управления по делам печати (№ 776), он. 5, д. 38а, л. 1).

⁶ Там же, лл. 121—122.

⁷ Там же, л. 122.

лась над этим предприятием, статуя Страсбурга, увейчанная флагами и цветами, извозчицы фиакры, импровизированные в „Колесницы республики“ и разъезжающие во всех направлениях по городу, и над всем этим яркое, теплое, совершенно летнее солнце,— такова была картина, которую две недели тому назад представлял Париж»⁸.

«1789—1848—1870»— так называлась большая редакционная статья газеты, посвященная влиянию революционных событий во Франции на развитие общественной жизни России. Русские, утверждает газета, должны выяснить важный вопрос: как повлияет революция 4 сентября 1870 г. на свою родину? Для этого статья дает анализ предшествовавших революционных событий во Франции и их отражения в России.

Статья прежде всего утверждает: «Все политические перевороты во Франции, особенно те, которые оканчивались установлением в этой стране республики, тяжело отзывались на внутренней жизни нашего отечества. Они поселяли недоверие между правительством и народом, они порождали беспокойство и подозрительность, они давали обильную пищу реакционным стремлениям, наконец, они заставляли нас вмешиваться в чужие дела».

Первая французская революция изменила либеральную политику Екатерины II, которую она до этого провела «в лучшие годы своего царствования». Крайне неблагоприятно отозвались в России революция 1848 г. и вторая республика во Франции. Когда «начались во Франции смуты» и последовавшее ниспровержение Луи Филиппа, в России были приняты меры для приведения в военное положение воинских частей, для того чтобы, как говорилось в высочайшем повелении, «в случае, если обстоятельства потребуют, противопоставить надежный оплот пагубному разливу безначалия»⁹. После провозглашения республики русское правительство обратилось с особым манифестом в котором, как указывала «Неделя», говорилось, что Запад Европы взволнован смутами, «грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства», что «мятеж и безначалие», возникшие во Франции, «сообщились сопредель-

дои Германии и, развиваясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств», грозят спокойствию не только Европы, но и России. Этот манифест имел настолько угрожающий и вызывающий характер, что, с одной стороны, вызвал многочисленные «дрессы русского дворянства, изъявлявшего готовность жертвовать собою «до последней капли крови», с другой — «поселил в Европе убеждение, что Россия не останется спокойной зрительницей происходящих во Франции событий»¹⁰. Далее отмечалось, что внутренняя политика России начала испытывать влияние этих событий. Боясь, что «мятеж и безначалие» могут проникнуть в Россию, правительство предприняло ряд «репрессивных мер», обратив главное внимание на то, чтобы «военный дух и требования дисциплины поставить выше всех других требований гражданского общества»¹¹.

Такое направление внутренней политики не создавало благоприятных условий для общественного развития.

«Россия,— подчеркивается в статье,— как бы считала своим призванием противодействовать либеральным стремлениям народа не только внутри, но и вне своего государства. Эта черта русской политики совершенно верно указана недавно в одной петербургской газете. С 1815 до 1855 года, замечает эта газета, Россия постоянно „противодействовала личному стремлению народов к свободе и национальному объединению. Наиболее близкими союзниками России были только такие правительства, которые всего более были враждебны свободе и прогрессу”»¹².

Так «Неделя», ссылаясь на неизвестную нам газету, заклеивала не только реакционную сущность внутренней политики царизма, но и его контрреволюционную роль в международной жизни. Как мы еще увидим, это не могло пройти бесследно для газеты. Пока же продолжим рассмотрение статьи «1789—1848—1870», Теперь очередь дошла до выяснения влияния революции 4 сентября 1870 г. на Россию. Как отразилась в стране замена французской монархии республикой? Не будет ли этот переворот во Франции иметь такое же «гибельное

⁸ «Неделя», 6 (18) сентября 1870 г., № 36.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

влияние, какое имела республиканская Франция в 1789 и 1848 годах?»

Ответ «Недели» на поставленные вопросы содержит весьма пронизательные наблюдения и аргументированные выводы. Обратимся к этому ответу: «Современный переворот во Франции не представляет такой опасности для нашего общественного развития и не грозит нам такими явлениями во внутренней политике, которые характеризуют два указанные выше периода русской истории. Это зависит, во-первых, от различия условий, при которых происходило установление во Франции нынешней и предыдущих республик, и, во-вторых, от различия в положении нашего собственного отечества».

Для того чтобы оттенить эти различия, в «Неделе» дается сравнительная характеристика печати 40-х и 70-х годов XIX в. Русские периодические издания 1848 г. отличались весьма бедным внутренним содержанием. В них не было передовых статей, выясняющих взгляды редакции на общественные явления, да и вообще они не давали читателям полного представления даже о фактической стороне важнейших политических событий. Тенденциозность информации особенно проявлялась в оценке социальных переворотов. «Революция и республика 1848 года представлялись, таким образом, перед глазами русского читателя в таком виде, что он знакомился только с наиболее прискорбными их сторонами».

После этого статья определила существенные отличия прессы 1848 г. и современной российской печати. «Эта разница, — отмечалось в газете, — проявляется прежде всего в самом характере известий о подробностях переворота тогдашнего и нынешнего. Теперь журналистика уже не стесняется излагать события в том виде, в каком они действительно происходили, и не окрашивает их в цвет так называемой благонамеренности. Теперь она позволяет себе относиться к событиям с более или менее здоровой критикой и не затрудняется осуждать ошибки сверженного правительства потому только, что это правительство было монархическое, или отдавать должное новым правителям потому только, что они провозгласили республику. Императорский титул Наполеона не ослепляет современных русских публицистов и не связывает им рук; они не стесняются порицать его политику в самых резких выражениях, какие были не

мыслимы в русской печати не только двадцать, но и десять лет тому назад. Нынешние „СПб. Ведомости“, например, говоря о разрушенной второй империи, замечают, что „война сбила с нее те последние размалеванные декорации, которыми она еще прикрывалась, обманывая значительную часть Франции и Европы; вместе с декорациями рухнула и вся беззаветная ватага наемников, которая занималась их подмалевкой и противоестественным укреплением“; газета замечает далее, что „гнусная правительственная система во Франции насильственно развивала порочные наклонности народного характера...“¹³.

Так на примере отношения России к французским революциям «Неделя» продемонстрировала своим читателям демократизацию русского общественного мнения: жандармская эпоха Николая I, душившая свободолобивые идеи, сменилась расцветом либеральной печати, сменилась временем, когда журналистика может выступать со «здоровой критикой» общественных порядков. Больше того. Газета в дальнейшем утверждала, что если даже во Франции события примут более «тревожный характер», то и тогда вряд ли можно будет ожидать изменения внутренней политики России; теперь нет надобности прибегать к прежним, устаревшим приемам; нужно лишь развивать собственные гражданские учреждения. Этот путь предохранит страну от «таких гибельных для России последствий, к каким привела система, господствовавшая у нас двадцать лет тому назад и подготовившая нам поражение в восточной войне»¹⁴.

Возмездие последовало быстро. Уже в следующем (37) номере было сообщено читателям, что газета «Неделя» подвергнута административному взысканию — предостережению. Мы уже знаем, что это взыскание было получено за передовую статью, опубликованную в № 35 газеты. Дело осложнялось тем, что предостережение последовало не за отдельные ошибки или «неосторожно сказанное слово», а за то, что «Неделя» в своих суждениях по государственным, общественным и политическим вопросам «с *настойчивостью* продолжает проводить то же самое *вредное направление*», за ко-

¹³ «Неделя», 6(18)сентября 1870 г., № 36. Там же,

торое газета уже подвергалась трем предостережениям и трехмесячной приостановке ее издания.

Сообщив об этом, редакция «Недели» высказала далее свое мнение относительно более конкретной причины последнего предостережения. С наигранной наивностью писалось, что направлению газеты в «глазах административной власти» повредило то, что «мы не достаточно ясно и определенно говорили о некоторых явлениях из общественной и политической жизни Европы, не соответствующих государственному и общественному устройству России, и тем подавали повод к неправильному толкованию наших мыслей. Многим, например, могло показаться, что те или другие учреждения, которые мы считаем наилучшими для известного народа, находящегося в известных условиях, считаются нами наилучшими вообще, при всевозможных обстоятельствах, как более совершенная форма государственной организации»¹⁵.

Вначале предостережение подействовало. В очередном номере газета отказалась от теоретических рассуждений, удовлетворившись краткой информацией об осаде Парижа. Читателям сообщалось, что в осажденном городе функционирует республиканское правительство, мужественные граждане поддерживают хороший порядок, имеется запас съестных припасов, войска полны решимости, решительно настроены все — даже женщины готовы на баррикадах, с оружием в руках защищать столицу Франции¹⁶.

Затем, более двух месяцев, «Неделя» вообще ничего существенного из Парижа не сообщала. В конце года появилась информация, что газета имеет теперь в осажденном городе своего корреспондента и будет получать материалы из первых рук. Тут же было предоставлено слово этому корреспонденту, который рассказал несколько эпизодов из первых дней республики и пришел к выводу, что империю похоронили «весело и радостно»; защитники Парижа готовы «достойным образом» встретить пруссаков¹⁷.

Благопристойное поведение газеты продолжалось не долго. «Неделя» не могла остаться смиренной и равнодушной к обостряющемуся социальному движению в Париже. Она не могла молчать, когда все больше и больше накапливалось интересного материала, требовавшего глубоких раздумий и исторического анализа. Молчание было нарушено обширной редакционной статьей «Республиканский вопрос во Франции». Статья начиналась с характеристики министра внутренних дел «правительства национальной обороны» Гамбетты, который не забывает, что кроме внешних врагов есть и внутренние враги, стремящиеся подорвать основы республики. Этот «талантливый представитель нового правительства Франции» заявил, что республика может теперь спокойно взирать на своих политических противников, представляющих «лишь одно прошлое», республике же «принадлежит будущее».

Гамбетта, по мнению «Недели», будет непреклонен в борьбе с немцами, непреклонен в защите республики: сдаться Париж — этот упорный человек будет сопротивляться в других городах. Гамбетта не будет искать убежища на Корсике, а целиком отдаст себя защите нации. Гамбетта, таким образом, представлен читателям как деятель, воплотивший чаяния республиканского строя во Франции, такого социального устройства, которое, несмотря на результаты борьбы с немцами, всегда будет основой свободолюбивого народа: «как только Франция соберется силами, она тотчас же постарается призвать к себе республику»¹⁸.

После этого газета сформулировала обобщающую характеристику республиканского строя: «Республика — это такой образ правления, где правительствующая власть служит выражением общей воли народа, где эта власть сама исходит из воли всех граждан вообще и каждого в отдельности, где она находится под постоянным надзором граждан и где персонал, ее составляющий, может быть во всякое время или в какие-нибудь известные сроки сменяем другим личным составом. Таким образом, достигается главная сущность республиканской идеи: управление всеми гражданами, общею *шо-*

¹⁵ «Неделя», 13 (25) сентября 1870 г., № 37.

¹⁶ Там же, 20 сентября (2 октября) 1870 г., № 38.

¹⁷ Там же, 20 декабря 1870 г. (1 января 1871 г.), № 51.

лею всего народа, которая одна признается в республике всемогущею и безответственной. Все управляющие являются здесь лишь слугами или уполномоченными народа, а управляемые всегда имеют право открытого сопротивления против всего, что принимает форму личного произвола — против всего, что фактически дерзает стать выше постановлений народной воли, то есть тех или других законов республики. Республика — это правление по законам, как решениям всего народа, принятым на общей сходке одних лишь представителей народа»¹⁹.

Приведенный теоретический экскурс, связанный, казалось бы, только с Францией, звучал очень современно и злободневно в условиях императорской России. Это был гимн демократическому устройству, народовластию, законности. Это была завуалированная критика самодержавных порядков, выступление против произвола и несправедливостей, против всего того, что угнетало и давило русскую демократическую интеллигенцию.

Исполнив этот гимн, «Неделя», стремясь замаскировать свой выпад против российской действительности, обратилась опять к Гамбетте, конкретным событиям во Франции. Газета пустилась в рассуждение о том, как бы победа над немцами не выставила на политическую арену «нового Бонапарта с 18 брюмером». Но отсутствие политического террора и дальновзоркость Гамбетты не допустят нового государственного переворота. Республика установилась, и ее дальнейшее укрепление должно «сопровождаться широкими внутренними реформами в истинно либеральном, а не в диктаторском духе»²⁰.

«Диктаторский дух» России быстро сказался на судьбе «Недели», опубликовавшей столь тенденциозную статью.

КАРА ПОСЛЕДОВАЛА

11 января 1871 г. Александр II ознакомился с докладом министра внутренних дел А. Е. Тимашева, в котором указывалось, что в статье «Республиканский вопрос во Франции» обнаруживается «вредное направле-

ние», за которое²¹ газете «Неделя» объявляется второе предостережение.

24 января (5 февраля) 1871 г. в газете была помещена редакционная статья с симптоматичным заглавием «Не запретят ли „Неделю“?». Такое заглавие было обусловлено тем, что газета получила второе предостережение и некоторые читатели обратились в редакцию с этим вопросом. Редакция не могла оставить поставленный вопрос «без всякого разъяснения» и сочла необходимым высказать свои соображения. Сопоставляя два полученных предостережения, «Неделя» пришла к такому заключению: «Собственно говоря, оба эти предостережения вызваны почти однородными статьями — статьями о перевороте во Франции. Помещая вторую из этих статей, „Республиканский вопрос во Франции“, мы чувствовали, что касаемся вопроса довольно щекотливого, особенно ввиду того, что о таких вопросах в нашей периодической печати совсем не говорится. Но именно это обстоятельство и побуждало нас главным образом коснуться этого вопроса, как одного из тех важных и серьезных вопросов, о которых в некоторой части нашего общества существуют ошибочные, поверхностные и крайне односторонние понятия. Считая, таким образом, серьезное обсуждение этого вопроса делом весьма полезным, мы, в то же время, считали его и вполне *возможным*, так как нам казалось, что та точка зрения, с какой мы относимся к этому вопросу, не заключает в себе ничего „предсудительного“. Теперь опыт доказал нам, что это не так, что мы ошибались... Отсюда для нас вытекает весьма ясное указание — *совсем не говорить о подобных вопросах*. Так мы и сделаем: мы совсем не будем касаться вопросов, которые могут возбуждать невыгодное для нас толкование и навлекать на нас административные кары»²².

«Неделя» действительно перестала касаться событий, связанных с республикой во Франции. Ни в конце января, ни в феврале об этом ни слова. Но вот в Париже новая революция — 18 марта провозглашена Комму-

¹⁹ «Неделя», 5(17) января 1871 г., № 1.

²⁰ Там же,

ЦГИА СССР, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1,

«Неделя», 24 января (5 февраля) 1871 г., № 4.

на. Как тут молчать? Газета должна проинформировать своих читателей о важнейших событиях. Как можно не сказать об этой революции? «Неделя» вновь заговорила о событиях во Франции, вначале очень осторожно, без широких обобщений. Молчание было нарушено статьей «Кто виноват?», появившейся 9(21) марта 1871 г. Газета сообщала, что поводом к революции послужил захват правительством Тьера расположенных на Монмартре пушек национальной гвардии. После этого были произведены аресты. В ответ на это в рабочих кварталах Ла-Шапеле, Вильсте и Бельвиле «поднялась страшная тревога», национальные гвардейцы освободили арестованных, между войсками Тьера и национальной гвардией началось сражение... «Но упрощается, кто виноват в этой революции?... С какой стати и по какому праву делали Тьер и Пикар свое ночное нападение на пушки монмартрской национальной гвардии? Кому мешали и кому угрожали эти пушки?»²³ — вопрошала газета.

Возникновение революции «Неделя» объясняла и тем, что были нарушены основные законы Франции, законы «самой обыкновенной человеческой справедливости в государственных делах». Воздерживаясь от оценки самой революции, газета весь огонь направила против Тьера.

«В самом деле, где те национальные полномочия, какими мог бы руководствоваться Тьер в деле такой высокой важности, как насильственное, военное нападение на парижские кварталы, без всяких серьезных на то причин и без всякого предупреждения граждан об ожидающих монмартрское население правительственных карах?»

«Неделя» объясняла, что ни в одной просвещенной стране правительство не допустило бы таких действий, нападать ночью на граждан, забирать их собственность и арестовывать их самих. «Что это за правительство,— писала газета,— кому оно служит, во имя какого начала, во имя какой идеи берег на себя власть зачинать междоусобную войну между гражданами и солдатами? Это правительство уже сделало свое дело, и прежде чем стать правительством, распоряжающимся дальнейшими судьбами Франции, ему следовало вновь спросить

страну — чего, какого образа правления, и какого правительства она желает»²⁴.

«Неделя» усиленно подчеркивала, что вопрос о республике все еще остается открытым, правительство Тьера не может считать себя республиканским правительством Франции, потому что «этот образ правления до сих пор не утвержден народом».

В ответ на попытку Пикара связать действия национальных гвардейцев с влиянием «коммунистических доктрин», газета усматривает в этом решительное желание «повторить в Париже июньские дни 1848 года», то есть утопить в крови народное движение. Такого рода обвинения предъявлял и Наполеон и другие политические деятели, «стремившиеся к диктатуре, к провозглашению себя „спасителями отечества“»²⁵.

В дальнейшем «Неделя» рассказывала о событиях в Париже в спокойном хроникально-информационном тоне. 14(26) марта газета известила своих читателей, что революция в Париже «окончательно одержала верх» над правительством Тьера, что 19 марта инсургенты заняли городскую ратушу и «подняли над нею красный флаг», что члены правительства Тьера и войска генерала Винуа покинули столицу и отправились в Версаль. Информировала «Неделя» и о действиях революционного Парижа: национальные гвардейцы заняли два южных форта — Исси и Бисетр; Центральный комитет национальной гвардии «не отказывается от исполнения предварительных условий мира с Германией», он уважает свободу печати, все его главные задачи заключаются в «прочном установлении республиканского образа правления, которое может быть обеспечено, по его мнению, лишь предоставлением национальной гвардии полной свободы в выборе ее начальников и свободным избранием членов городской правительственной думы посредством поголовной подачи голосов».

Перечислив состав ЦК национальной гвардии (Варлен, Дюпон, Асси, Ферра и др.) и главных воинских начальников, газета закончила свою статью утверждением, что «инсургенты строят повсюду баррикады»²⁶.

Там же.

Там же.

Там же, 14 (26) марта 1871 г., № 11.

²³ «Неделя», 9 (21) марта 1871 г., № 10.

Между тем тон эпического хроникального повествования не мог стать обычной нормой подачи материала «Неделей», статьи которой всегда отличались глубоким анализом исторических событий. Правда, полученные предостережения, угроза закрытия газеты сковывали редакцию. Однако редакция не выдержала и вновь решилась (№ 13 от 28 марта (9 апреля) 1871 г.) высказаться по поводу революции 18 марта 1871 г.²⁷

О чем же шла речь?

Революция в Париже выдвинула на первый план грозный вопрос о децентрализации, за пренебрежение к которому «Франция платилась столькими революциями и реакциями за последние восемьдесят лет». Его сущность заключается в том, что Париж считался законодателем всей Франции, решениям которого должна подчиняться вся страна. «Революция в Париже означала революцию для всей Франции» — никто не мог протестовать против того, что решалось «в этом центре, куда стекались лучшие силы страны». Когда же в Париже побеждала контрреволюция, то она повергала в «объятия реакции» и всю Францию: «свободе, раз она была поражена в своем палладиуме, неоткуда было ждать помощи»²⁸.

И вдруг Париж оказался развенчанным: правительственный центр перенесен в Версаль, Париж стал провинциальным городом. Что же дальше? Париж — «горнило идей, светильник мира, — неужели он отречется от своего великого прошлого и покорно склонит голову перед решениями невежественного сельского большинства? Нет, этому не бывать! И вот Париж возвышает голос во имя права каждой общинной единицы весть свои собственные дела».

Таким путем газета подвела читателя к пониманию сущности децентрализации, пониманию нового муниципального управления страной. При этом «Неделя» отмечает: многие либеральные органы печати находят, что новое муниципальное управление должно принести поль-

зу стране, в том случае, если только оно верно поймет свои задачи. Например, «La Verite» говорит: «Наши большие демократические города Руан, Бордо, Лион, Марсель, Лиль рано или поздно последуют примеру Парижа, и если, как мы еще надеемся, ничто не остановит это движение и не совратит его с логичного пути, каждая местность будет иметь свою независимую общину». Этот шаг радикальным образом преобразует страну, нанесет смертельный удар по централизации и «разольет социальную жизнь по всей Франции, привыкшей, в течение столетия, ждать импульса исключительно из Парижа». Парижская Коммуна должна понять свою истинную роль, удержав за собою лишь «почин и пропаганду движения». Затем «Неделя» давала важный совет: «Спасение республики в ее (Коммуны.— *Б. И.*) руках. Если она радикально порвет с самовластными традициями якобинизма, если она предоставит каждому центру, каждой группе полную свободу действия, если она распространит на своих сестер — на другие общины девиз федеральной ассоциации, принятый ею, наконец, децентрализуя все части подавляющего административного механизма, она будет заботиться лишь о сохранении национального единства, все еще может быть спасено. Но все, напротив, погибло, если Парижская Коммуна ограничится рабским подражанием коммуне 1793 г. и если она попытается силою навязать свою волю собранию, которое впредь до близкого дня своего распухания представляет всеобщую подачу голосов. Задача ее и без того достаточно хороша и плодотворна. Пускай она преобразует этот мир в два миллиона душ, который волнуется и страдает в пределах нашей городской ограды, пускай она восстановит порядок на улицах и умиротворит умы, пускай она употребит все свои усилия на то, чтобы ускорить возобновление работ и промышленной деятельности, возвращение доверия и безопасности для завтрашнего дня. Это будет для нее лучшим средством заставить себе простить свое революционное происхождение»²⁹.

По прочтении этого высказывания возникает вопрос: что стало с «Неделей»? Газета, которая с большой смелостью приветствовала республиканскую революцию

²⁷ Это был последний номер газеты, после которого «Неделя» была закрыта на шесть месяцев. Газета была приостановлена за статью «Наша университетская жизнь», опубликованную в этом же номере «Недели» (ЦГИА СССР, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 7, л. 14).

²⁸ «Неделя», 28 марта (9 апреля) 1871 г., № 13.

4 сентября 1871 г., вдруг призывает к тому, чтобы Коммуна своими действиями добивалась прощения своего «революционного происхождения». Такая эволюция демократического органа печати представляется вполне объяснимой и закономерной. «Неделя» выступала за радикальные преобразования до тех пор, пока не проявился глубоко народный характер движения, пока рабочий класс не показал себя активной действующей силой. Как только это произошло, газета стала проявлять умеренность, взывать к тому, чтобы Коммуна ограничила свою деятельность борьбой за децентрализацию, установлением общественного порядка, проявляла уважение к буржуазным основам гражданского устройства.

Но наряду с этим «Неделя» в противовес утверждению реакционной прессы о том, что в Париже господствует беззаконность, процветает анархия, доказывала: члены Центрального комитета «пользовались умеренно своим торжеством и при полной беззащитности, в которой Национальное собрание оставляло своих приверженцев в Париже, умели уважать собственность и личную безопасность мирных граждан». В войсках соблюдалась дисциплина. И если иногда приходилось «действовать сурово», то делалось это по заранее обдуманному плану, который, как бы ни был ошибочным, приводился в исполнение «в духе строгой дисциплины и правильной организации»³⁰.

В дальнейшем последовала кара: с 4 апреля по 4 октября 1871 г. «Неделя» по распоряжению министра внутренних дел была запрещена. Трудно поэтому определенно сказать, как в дальнейшем могла бы сложиться концепция газеты на Коммуну. Можно лишь предположить, что ее оценка революции 18 марта во многом приближалась бы к взглядам русских либералов.

Петр Лаврович Лавров был свидетелем революции 4 сентября 1870 г., участником Парижской Коммуны и одним из первых ее историков. О Коммуне он беседовал с Марксом и Энгельсом. Почти каждый год в день 18 марта Лавров или выступал с юбилейной речью среди эмигрантов, или публиковал статью о Коммуне, или делал одновременно то и другое. В 1880 г. Петр Лаврович издал книгу «18 марта 1871 г.», которая получила широкую популярность за рубежом и в России...

В Париж Лавров прибыл 1(13) марта 1870 г. с фальшивым паспортом на имя доктора Веймера. Сюда он бежал из вологодской ссылки. Побег был организован отважным революционером Германом Лопатиным. Напряженной, грозовой жизнью жил тогда Париж. Бывший профессор математики Артиллерийской академии, публицист и философ, крупный и разносторонний ученый оказывается в центре бурных политических событий. Осенью 1870 г. Лавров писал своей петербургской приятельнице Е. А. Штакеншнейдер, что Париж в настоящее время «стоит внимания». «Был я на place de Concorde и на ступенях законодательного корпуса в новый „великий день“, кричал с другими „Vive la Republique“, видел, как срывали и сбрасывали орлов империи»¹.

¹ «Письма П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа в 1870—1873 гг.» — «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 114.

Победа республики во Франции произвела на Лаврова сильное впечатление. Возникло желание разобраться в причинах происшедшего, по свежим следам описать свои впечатления. В результате возникла статья «Французские демократы и падение второй империи»². Эта работа не была опубликована³, но ее незавершенный черновик сохранился в архиве Лаврова.

Статья начинается с размышлений автора о том, что произошло во Франции. Произошло же невероятное — «перед нашими глазами разыгралась политическая драма», которую едва ли смогут представить себе потомки. Существовало первостепенное военное государство, значительная часть территории которого теперь завоевана; «его генералы исчезли; его армии растаяли; его арсеналы пусты; его государь в плену». В этом государстве существовало правительство, опиравшееся на преданную администрацию и хорошо организованную полицию. И вдруг «в одно утро оно рухнуло, и ни один человек не встал на его защиту»⁴. Былая слава Французской империи «потоплена в крови сотен тысяч погибших солдат», в бездарных действиях ее генералов, в презрении к политике бонапартизма. Есть ли выход? «Если Франция спасется,— пишет Лавров,— спасение ее выйдет из народного вооружения, а не из механически организованной армии»⁵. Так уже тогда, во время первых шагов буржуазной республики, автор возлагал надежду на потенциальные возможности народа.

Об этом Лавров еще много будет писать. Сейчас его интересует другое — каким образом ставшая во главе правления Парижа «демократическая партия» смогла

одержать победу. Поставленная проблема явилась центральной в работе «Французские демократы и падение второй империи».

Не только процесс осмысления событий увлекает Лаврова, но и непосредственная практика революционной борьбы. Осенью 1870 г. один из лидеров Интернационала во Франции Луи Эжен Варлен вводит русского эмигранта в одну из парижских рекций Международного товарищества рабочих. У Лаврова тогда установилась переписка с Лопатиным, который сообщал из Лондона о своих встречах с Марксом. Затем выяснилось, что Лопатин покинул Европу. Не зная, куда и зачем он уезжал, Лавров решил обратиться с письмом к Марксу. До нас это письмо не дошло, но сохранился ответ на него Маркса:

«Милостивый государь!

Лопатин уехал в Соединенные Штаты, и я еще не получал от него известий.

Имею честь оставаться преданным Вам
Карл Маркс»⁶.

Маркс скрывал. Лопатин уехал не в Соединенные Штаты, а в Россию, в Сибирь освобождать из ссылки Чернышевского. Писать же об этом было нельзя — агенты царского правительства зорко следили за русским эмигрантом.

Так произошел первый обмен письмами между Лавровым и Марксом. Спустя три месяца они встретились.

Принадлежность к Интернационалу обязывала Лаврова играть активную роль в движении. Он считал своим гражданским долгом принять посильное участие в дальнейшей борьбе за социальное переустройство общества, внести свою лепту в дело освобождения трудящихся от гнета капитала. 15 января 1871 г. он берется за составление на французском языке брошюры-прокламации под названием «За дело!», которая начиналась боевым призывом:

«За дело, трудящиеся! За дело, братья по Интернационалу! За дело!

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 157; письмо К. Маркса П. Лаврову от 27 февраля 1871 г.

² Лавров писал в Петербург Штакеншнейдер: «Я в эту неделю написал первую главу новой статьи, которая, я думаю, будет помещена, как имеющая живой интерес, это: „Французские демократы и падение второй империи“. Как только удастся дать переписать, пошлю» («Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 114).

³ И. С. Книжник-Ветров свидетельствовал, что поиски этой статьи в прессе не дали результатов. *Ив. Книжник-Ветров*. П. Л. Лавров от первых публицистических выступлений до издания «Вперед» (1857—март 1872).— П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. I. М., 1934, стр. 60.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова (№ 1762), оп. 2, д. 273, лл. 3—4.

⁵ Там же, л. 4.

Ваше дело — это воцарение истины и справедливости.

Ваше дело — это братство всех тружеников на земле.

Ваше дело — это борьба до последнего против всех паразитов общества, против всех, эксплуатирующих чужой труд.

Ваше дело — это возрождение мира через труд⁷.

Обращение свидетельствовало, что движение не должно ограничиться республикой, что предстоит дальнейшая борьба против эксплуататоров. Для объяснения своей позиции Лавров обращается к Французской республике конца XVIII в., провозгласившей лозунг «Свобода, равенство, братство». Этот девиз, сыгравший в то время важную роль в борьбе с монархией, в дальнейшем был извращен: «его удалось использовать против трудящихся». Свободой воспользовались для угнетения и эксплуатации; равенство перед законом явилось обманом, так как законы составляются меньшинством, основная же масса людей в этом не участвует. «Разве может эксплуататор быть братом эксплуатируемого? Можно ли того, кто присваивает себе плоды труда тысяч, назвать братом несчастных, умирающих с голоду?» — с возмущением спрашивал Лавров⁸.

Так была вскрыта буржуазная сущность республиканского строя, основанного на эксплуатации человека человеком. Перед трудящимися поэтому вставала задача борьбы за истинную свободу, истинное равенство, истинное братство.

Мы сказали уже, что Лавров в рассматриваемой работе выступает прежде всего как член Интернационала. Возникает вопрос: знаком ли он был с воззваниями Генерального совета о франко-прусской войне, написанными Марксом 23 июля и 9 сентября 1870 г. и распространенными среди членов Международного товарищества рабочих Европы и Соединенных Штатов Америки?

Мы не располагаем источниками, позволяющими дать определенный ответ на поставленный вопрос, но можем предположить, что Лавров был знаком с этими документами. Подтверждением является общий тон написанного Лавровым текста, пронизанного идеями интернационализма и классовой солидарности трудящихся разных стран. Именно это составляет характерную особенность воззваний Генерального совета. Имеются и конкретные совпадения. В первом воззвании содержится выдержка из обращения «К рабочим всех наций», написанного парижскими членами Интернационала: «Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции»⁹.

Эта же идея высказана и в работе Лаврова: «Мы знаем, что внутри монархий и республик... растет наше государство без территории, множатся наши братские акции»¹⁰.

Во втором воззвании Генерального совета Маркс писал, что неприятель «стучится в ворота Парижа», поэтому «французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но, вместе с тем, они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г. ...» И дальше: «Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса»¹¹.

С тех же позиций подходил к этой проблеме и Лавров. Он отмечал, что трудящиеся пока не в силах уста-

⁹ К.- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 2. Подчеркнуто нами.— Б. И.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, л. 30. Подчеркнуто нами.— Б. И. Вполне вероятно, что о документе «К рабочим всех наций» Лавров мог узнать и непосредственно от парижских членов Интернационала.

¹¹ К.- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 280—281. Подчеркнуто нами.— Б. И.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, л. 28. Текст этой прокламации, которая не была издана, мы цитируем по автографу. С благодарностью отмечаем, что перевод этого автографа Лаврова, как и других его французских текстов, успешно выполнила М. И. Перпер.

⁸ Там же, л. 29.

ковить мир. Поэтому «труженики — члены Интернационала будут сражаться как граждане и, воюя под знаменем своего отечества..., будут все-таки утверждать всеобщее братство трудящихся...»¹².

Приведенное сопоставление текстов показывает, что Лавров в ряде вопросов тактики Интернационала следовал тогда за политикой, которую выражал Генеральный совет Международного товарищества рабочих. Это могло явиться и результатом непосредственного знакомства с документами, написанными Марксом, и результатом понимания общего направления задач борьбы европейского пролетариата в то время.

Разумеется, не во всем повторял Лавров идеи Генерального совета. В его прокламации переплетались положения документов Интернационала с субъективными воззрениями автора «За дело!». К чему же конкретно призывал Лавров, как он представлял себе дальнейший ход политической борьбы в Париже, взаимоотношения трудящихся воюющих сторон, общую тенденцию развития пролетарского движения? Он писал, что члены Интернационала ждут заключения мира, который даст возможность представителям угнетенного класса протянуть руку помощи своим братьям, с которыми им пришлось сражаться во имя интересов честолюбивых правителей. У французских и немецких трудящихся — одни и те же враги. Мир поэтому заключат не рабочие, а дипломаты. «Труженики — члены Интернационала все равно знают, что им предстоит вести длительную войну, упорную, не допускающую перемирий борьбу со своими врагами — эксплуататорами рабочих...»¹³. В этой борьбе должны объединиться все угнетенные и обездоленные, которые являются братьями, — это батраки, «умирающие с голоду» русские крестьяне, немецкие рабочие, брошенные в братоубийственную войну с французами. Сила трудящихся «в единении», в понимании необходимости создания «могучего союза» для борьбы с извечными врагами. Союзником в этой борьбе выступает, по мнению Лаврова, наука: «Она — единственная наша союзница в этой

Страшной борьбе. Это не словесно-формальная наука завистников и равнодушных, но та наука, которая разъясняет, что природе человека присущи истина и справедливость...»¹⁴.

В результате объединенных усилий должна быть построена республика трудящихся. Для этого нужны решительные действия — «революция представляет меньше риска, чем апатичное примирение с нищетой, уносящей бесчисленное множество жертв из их (трудящихся.— *Б. И.*) рядов»¹⁵.

Уже эти высказывания убедительно свидетельствуют о том, что Лавров в канун Парижской Коммуны не был кабинетным ученым, каким его представляли иногда в нашей исторической литературе¹⁶. Дальнейшие рассуждения русского революционера еще больше убеждают нас в этом. «Говорят,— пишет Лавров,— что надо пожалеть тех, кто станет жертвами революции. Надо ли жалеть насильников и несправедливых, которые будут уничтожены? Можно ли говорить о величине утрат, когда речь идет о правах миллионов, о том, чтобы обеспечить бесчисленным поколениям возможность развивать свои способности и сохранять свое человеческое достоинство?»¹⁷.

Под ударами трудящихся должно пасть государство, угнетающее народные массы. Все, что было в этом государстве «истинного, справедливого и прогрессивного», будет заимствовано в «братские союзы трудящихся». Возникнут федерации самостоятельных республик, которые осуществят грандиозные промышленные и научные предприятия.

«Когда эти федерации заполнят весь мир, с государством трудящихся, основанным на истинной свободе, истинном равенстве, истинном братстве, не сможет сравниться ни одна монархия, ни одна республика прошлых времен. Только это государство будущего достойно поклонения и самоотвержения»¹⁸.

¹⁴ Там же, л. 30 об.

¹⁵ Там же, л. 31 об.

¹⁶ *П. Витязев*. П. Л. Лавров в 1870—1873 гг.— «Материалы для биографии П. Л. Лаврова». Пг., 1921, стр. 7—25,

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, л. 31 об.,

¹⁸ Там же, л. 38.

¹² ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, л. 29. Подчеркнуто нами.— *Б. И.*

¹³ Там же, л. 29 об.

Приведенные суждения Лаврова, как мы видим, весьма далеки от марксистского понимания роли государства в революционном переустройстве общества. В них чувствуется сильное влияние народнической теории федерации общин, которые фигурируют как «братские союзы трудящихся». Вместе с тем Лавров не отрицает полностью значения и роли государственной власти, говорит о «государстве трудящихся» и возлагает на него большие надежды.

В известных письмах Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер, написанных им в начале 1870-х годов из Парижа, Брюсселя и Лондона, есть одно место, которое до сих пор не удалось полностью понять исследователям. Оно содержится в письме из Брюсселя от 25 февраля (9 марта) 1871 г. Лавров тогда постоянно жил в Париже, в Брюссель же он прибыл с кратковременным визитом. Вот это место из письма: «Торопить в настоящем случае историю невозможно, надо только помогать словом и делом усилению организации и, главное, распространению знаний. Главная ошибка наших знаменитостей эмиграции в том, что они торопят, как будто дело шло о политическом перевороте. У меня есть свой план действия, очень скромного, но, как я думаю, очень полезного; я уже о нем говорил со многими и везде встречал сочувствие. Если бы мои денежные дела не были так дурны, я бы к нему приступил сейчас; не то, чтобы он требовал значительных пожертвований и расходов; по моему расчету, пожертвований не будет вовсе, а скорее выгода; даже расходы небольшие, но все-таки они есть и нужны некоторые *avantages*. А затем работа, для которой нужны помощники и сотрудники, сочувствующие делу. Я рассчитываю и на Вас. Если получу скоро новое письмо от Вас в Париже, буду знать Ваш адрес и буду знать, что Вы не прочь содействовать, то изложу Вам подробно, в чем дело, а может быть, даже пришлю печатный *Prospectus*. Но пока оставим это»¹⁹.

В конце марта, находясь уже в Париже во время Коммуны, Лавров в очередном письме к своей приятельнице вновь возвращается к своему плану: «Но для это-

го мне надо писать по-французски: ЖИТЬ в стране, где говорят этим языком, и находиться в сношениях личных со средою, для которых труд назначается»²⁰.

Следовательно, после провозглашения (4 сентября 1870 г.) республики во Франции у Лаврова созрел «план действия» среди французских трудящихся («для которых труд назначается»). Реализовать же его тогда не удалось из-за отсутствия средств. Мысль об осуществлении этого плана не покидает Лаврова и во времена Парижской Коммуны. Что же это за план? Известный историк И. С. Книжник-Ветров считал, что в первом случае речь шла о журнале для «России», во втором — «о журнале для французов»²¹. Нам думается, что на основании приведенных писем нельзя утверждать, что Лавров замыслил издавать тогда журнал для России. Что же касается «журнала для французов», то такая возможность, казалось бы, вытекает из последнего текста Лаврова: «для этого мне надо писать по-французски...» И все же это лишь предположение, нуждающееся в дополнительных источниках, которые могли бы или подтвердить, или отвергнуть эту гипотезу.

До последнего времени такие источники не были известны исследователям. И только недавно среди французских рукописей Лаврова удалось обнаружить новые материалы, позволяющие совершенно определенно представить этот загадочный «план действия» и выяснить другие важные обстоятельства, связанные с деятельностью русского эмигранта в канун и во время Парижской Коммуны.

Напомним, что в письме из Брюсселя Лавров, рассказывая о своем плане, намеревался прислать Е. А. Штакеншнейдер его проспект («*Prospectus*»). Теперь автограф этого проспекта находится в нашем распоряжении. Он имеет заглавие «Наука рабочих»²². Проспект, составленный в январе 1871 г., во всех подробностях раскрывает цель и план задуманного Лавровым мероприятия.

²⁰ Там же, стр. 124.

²¹ *Ив. Книжник-Ветров*. П. Л. Лавров от первых публицистических выступлений до издания «Вперед» (1857 — март 1872). — П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. 1, стр. 64.

²² ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, лл. 18—39.

¹⁹ «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 118.

Задумано же было большое и бесспорно нужное дело — издание 15 серий книжек «Наука рабочих». Все выпуски этого издания должны были составить систематический курс знаний о природе, человеческом обществе, об истории. Книги «Наука рабочих» предполагалось распространять секциям Интернационала, которые могли выплачивать стоимость (5 су за два выпуска) издания в рассрочку. Указанными льготами должны были пользоваться и отдельные члены Международного товарищества рабочих.

Чем же объяснить такое направление деятельности? Лавров считал, что назрела необходимость распространения знаний среди рабочих, которые не имели возможности получить полного образования. Образование им нужно для того, чтобы быть «полезными гражданами великой единой республики трудящихся, начинающей образовываться в Европе и Америке»²³.

Так провозглашение республики во Франции связывалось с задачами образования трудящихся, которым суждено было стать активными деятелями общественной борьбы, борьбы против буржуазии — сильного противника. Он обладал «не только несправедливыми законами, подавляющей мощью капитала, но еще и фактическими знаниями, мало доступными рабочим». Борьба назревала в различных сферах: добиваться отмены несправедливых законов, выступать против «гнета капитала», путем реформ и социальных переворотов стремиться к передаче всех капиталов в «ассоциации трудящихся». Но есть еще один аспект борьбы, из-за чего, собственно, и был составлен проспект «Наука рабочих», — «Против науки буржуазной надо бороться, направив усилия на овладение более высокой, более могучей наукой»²⁴.

Рабочим наука нужна для решения принципиально важной задачи. «Когда рабочие овладеют наукой, победа их будет обеспечена, ведь они обладают уже и чистейшим превосходством и справедливой целью. Наука позволит им понять, какими средствами достигнуть этой цели, как применить свои силы», — пишет Лавров²⁵.

Именно на эти вопросы, в решении которых так заинтересованы рабочие, дает ответы наука об обществе. Истинная наука об обществе недоступна буржуазии, которая стремится «сохранить основу несправедливых общественных отношений», боится коренных социальных преобразований. Рабочие же полны решимости действовать, они знают цель движения, «их не утратит никакая реформа, никакая революция, они хотят сохранить лишь то, что справедливо и необходимо»²⁶.

Составленный Лавровым проспект заканчивался утверждением, что «Наука рабочих» — дело интернациональное, в ее издании будут в равной мере использоваться произведения французских, немецких, английских, итальянских и русских авторов. Единственное предпочтение «будет отдано классу трудящихся разных стран», что явится следствием предназначения всего издания — «способствовать осуществлению всемирной республики трудящихся»²⁷.

После провозглашения Коммуны план Лаврова значительно расширился. «Наука рабочих» стала лишь одним из звеньев задуманного им переустройства всей системы образования. Для воплощения этого плана Лавров решил обратиться с серией писем на французском языке к гражданам Парижской Коммуны. «Письмо первое» начиналось своеобразным представлением его автором читателям: «Граждане, я во Франции чужестранец, но я член Интернационала и полностью сочувствую социальному движению, представленному Парижской Коммуной. Моя жизнь прошла в изучении, преподавании и распространении наук; поэтому я позволяю себе высказаться в этом обращенном к вам послании некоторые соображения по вопросам образования, которое вам следует наладить»²⁸.

Затем следовало теоретическое обоснование плана: любая революция, «направленная на создание устойчивых форм общества», должна опираться на реформу в области образования. Эта реформа должна касаться не только детей, но и, прежде всего, взрослых людей того класса, который раньше находился далеко от полити-

²³ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, л. 18.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Там же, л. 19.

Там же, л. 44 об.

Там же, л. 41.

ческой жизни, а теперь стал во главе движения. «Парижская Коммуна,— пишет Лавров,— успешно начала борьбу со старым деморализованным обществом, опираясь на народ в подлинном смысле слова, на народ трудящихся. Она победила. Политическое состояние общества изменилось. Теперь направление дел устанавливают не капиталисты, не промышленные магнаты, не юристы, не журналисты. Теперь центр тяжести социальной активности находится в рабочем классе»²⁹.

Важным препятствием на пути развития нового общества может явиться нехватка людей, верных идеям Коммуны и способных квалифицированно вести ее дело. Это закономерно — рабочие в своей массе не обладают достаточными знаниями, не имеют опыта в общественной, политической и административной деятельности. Между тем такая деятельность приобретает особое значение после революции 18 марта 1871 г. Необходимо поэтому немедленно взяться за распространение знаний среди населения, таких знаний, которые помогли бы простым рабочим стать полноценными помощниками Коммуны.

В рассматриваемом письме далее намечаются конкретные мероприятия: перестройка обучения детей, пропаганда знаний среди взрослых, организация бесплатных библиотек, создание серии специальных книг, дающих систематические знания рабочим.

Последнее представляется особенно важным — только таким путем рабочие могут получить «подготовку, необходимую для успешной борьбы с буржуазией». Затем следовало признание Лаврова: «Об этом я думаю с тех пор, как сделался членом Интернационала, и собирался уже на свой страх и риск предпринять, как только позволят обстоятельства, издание такого рода. Ход событий опередил меня, и теперь подготовка такого издания становится общественным долгом»³⁰.

За дело должен взяться Комитет Парижской Коммуны по образованию. В его распоряжение автор письма готов предоставить план работы и непосредственно связаться с лицами, которым будет поручено исполнение этого проекта.

Читатель, вероятно, догадывается, что грандиозный план Лаврова не был осуществлен. И только рукописные документы, отложившиеся в архиве, дают нам теперь представление об интересных, во многом наивных и утопичных для того времени замыслах замечательного русского революционера и ученого.

Но Лавров продолжал действовать. Как только произошла революция 18 марта, Лавров выступил с ее оценкой. 21 марта он писал из Парижа корреспонденцию в брюссельскую газету «Интернационал», что в Парижской Коммуне роль *главного революционера* сыграли неизвестные люди, «простые рабочие». «В этом,— подчеркивал Лавров,— заключается вся оригинальность движения последних дней. Это то, что придает им интерес в глазах каждого социалиста, каждого члена Международного товарищества рабочих...»³¹. Эти рабочие организовали «в одно могучее целое» национальную гвардию, создали демократическую, республиканскую власть и встали на ее защиту от нападения войск Тьера. Симпатии Лаврова полностью на стороне революции: «Все мои пожелания и пожелания ваших читателей, я уверен, сводятся к тому, чтобы победила эта республика, вышедшая действительно из народа, основанная рабочими, которые желают только справедливости и братства, преследуют только врагов народа...»³².

После выборов в Коммуну Лавров вновь публикует корреспонденцию в газете «Интернационал». В ней высоко оцениваются выборы, успешно прошедшие в результате правильных действий Центрального комитета национальной гвардии. Главная заслуга в этом принадлежит, по мнению Лаврова, рабочим. «Эта коллективная власть,— пишет он,— составленная из неизвестных, из рабочих, лучше поняла всю трудность в связи с событиями, чем всякая другая власть, одобрявшаяся Парижем и Францией в течение нашего века»³³. Парижский корреспондент выражает удовлетворение и тем, что Центральный комитет отрекся от диктаторской власти в пользу избранной Коммуны, честно выполнил свой нравственный долг, утвердив принципы общественной

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 216, л. 41.

³⁰ Там же, лл. 42 об.—43.

³¹ П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. I, стр. 449.

Там же, стр. 451—452.

³³ Там же, стр. 452.

справедливости. Избрание Коммуны Свидетельствует о победе «пролетариев, честных и спокойных в своей силе, над всеми деморализованными силами буржуазного общества». «Теперь Париж,— заканчивает свою статью Лавров,— имеет право на искреннюю симпатию всех истинных друзей прогресса, в особенности социалистов всех стран»³⁴.

Когда положение Коммуны ухудшилось, Лавров решил выехать из Франции и обратиться за помощью к европейской общественности и, прежде всего, к Генеральному совету Интернационала. Сообщив о своем плане Варлену и получив у Коммуны паспорт, Лавров в середине апреля направился через линию версальских войск. Патрули были готовы пропустить иностранца, но настораживало лишь то, что его паспорт был визирован «мятежниками». На это Лавров резонно возразил: «А чем же я виноват, что „Законное правительство“ убежало из Парижа?»³⁵. Такой аргумент оказался убедительным, и путнику разрешили покинуть Париж.

Вначале Лавров посетил Брюссель, где он рассказал Федеральному совету Интернационала о тяжелом положении Коммуны и просил Совет организовать в пользу революционного Парижа манифестации рабочих на границе с Францией³⁶.

Затем Лавров прибыл в Лондон. Из Брюсселя он вез Марксу рекомендательное письмо (от 25 апреля 1871 г.) от члена бельгийского федерального совета Сезаря Де Папа. В нем рассказывалось о движении солидарности с парижским пролетариатом: бельгийский федеральный совет Интернационала взял на себя инициативу подписки в пользу парижских рабочих обществ. Такой акт «солидарности с парижскими пролетариями», по мнению бельгийских социалистов, было бы полезно провести «во всех странах». В конце письма Сезарь Де Пап рекомендовал Марксу Лаврова: «Пересылаю Вам настоящее письмо через одного из наших добрых друзей, члена парижской секции Терн, гражданина Лаврова, характер которого, обширные познания и большую

преданность Интернационалу, в частности, и социальному прогрессу, вообще, мы оценили во время его пребывания в Бельгии»³⁷.

Можно думать, что это письмо Лавров передал Марксу в конце апреля или начале мая. Тогда произошло их личное знакомство. Впоследствии Лавров в своей автобиографии отмечал, что во время поездки в Англию он «познакомился с Карлом Марксом и Фр. Энгельсом, с которыми более сблизился в последующие годы»³⁸. О чем беседовали Маркс и Лавров? Вероятно, прежде всего о Коммуне. Лавров был одним из немногих, от кого Маркс мог почерпнуть вполне достоверные сведения о событиях в Париже. Лавров много размышлял о революции 18 марта.

Свои воззрения он высказывал и в письмах Е. А. Штакеншнейдер. В них развивалась мысль о том, что Коммуна — подлинное детище рабочего класса, что эта революция качественно отличается от всех предшествовавших политических переворотов. «Существующее в Париже правительство честнее и умнее, чем какое бы то ни было перед этим в настоящем веке, но против него громадная оппозиция... Я очень сочувствую этой партии... В первый раз на политической сцене не честолюбцы, не болтуны, а люди труда, люди настоящего народа», — писал Лавров еще в марте 1871 г.³⁹ «Борьба Парижа в настоящую минуту — борьба историческая, и он действительно находится теперь в первом ряду человечества, — развивает он те же мысли в начале мая, находясь уже в Лондоне. — Если бы ему удалось отстоять себя, это бы подвинуло историю значительно вперед, но если он и падет, если реакция восторжествует, идеи, засвидетельствованные несколькими неизвестными людьми, вышедшими из народа, настоящего народа, и ставшими во главе управления, эти идеи не умрут: они останутся для будущих радикалов. Федерация самостоятельных коммун, эта давнишняя утопия нескольких фантазеров, как их называли, стала политической те-

³⁴ П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. I, стр. 455.

³⁵ Н. С. Русанов (Н. Е. Кудрин). Социалисты Запада и России. СПб., 1909, стр. 233.

³⁶ Там же, стр. 234.

«Первый Интернационал в дни Парижской Коммуны». Документы и материалы. М., 1941, стр. 195.

* П. Л. Лавров. Философия и социология, т. 2. М., 1965, стр. 624.

³⁸ «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 121, 123—124.

орию и требует практического воплощения. Она должна воплотиться», — писал он⁴⁰.

Можно предположить, что Марксу интересно было побеседовать, а может быть, и поспорить с человеком, имевшим такой взгляд на события 1871 г.⁴¹ Тем более интересно, что именно в эти дни он заканчивал свою «Гражданскую войну во Франции»⁴², произведение, о котором впоследствии Лавров скажет: «Надо было взглянуть внимательно и внести в это взглядывание лучшую социологическую подготовку относительно действительных мотивов истории, чтобы под случайными симптомами, обусловленными комбинацией событий, открыть более глубоких, часто неосознанных самими деятелями, двигателей событий, и сказать с Карлом Марксом на другой день после падения Коммуны, что „окончательной целью“ ее было не „дешевое правительство“ и не „истинная республика“, тем менее „автономия Парижа“, но что „это было, по существу, правление рабочих, результат борьбы класса производителей с классом, присвоившим себе продукт труда“ (The civil War in France, 19)»⁴³.

Думаю, что уже тогда, летом 1871 г., идеи Маркса оказали свое воздействие на представления Лаврова о сущности Парижской Коммуны. Во всяком случае, его рассуждения по этому поводу в письмах Е. А. Штакеншнейдер второй половины 1871—1872 г. во многом переключаются с оценкой революции 18 марта Марксом. Так, например, в письме от 10(22) октября 1871 г. Лавров определяет Парижскую Коммуну как новый «яркий тип государства, который считали невозможным. Теперь этот тип был временно осуществлен и составил уже своего рода традицию». В другом письме, от 16(28) февраля 1872 г., Лавров пишет, что положительным результатом

Коммуны «является то, что она показала пример осуществления политической программы рабочих...»⁴⁴.

4, 11 и 18 июля 1871 г. Лавров присутствовал на заседаниях Генерального совета Интернационала, где имел возможность слышать выступления Маркса и Энгельса⁴⁵.

ПОСЛЕ КОММУНЫ

В конце июля 1871 г. Лавров из Лондона возвратился в Париж. У себя в квартире он нашел кипу газет, в которых содержалась информация о последних днях Коммуны, о судебных процессах над ее участниками. С большим интересом и глубокими раздумьями знакомился Лавров с этими материалами. У него еще были свежи впечатления от лондонских бесед с Марксом по поводу революции 18 марта, он тяжело переживал расправу над коммунарами. К осени у русского социалиста уже сложились более или менее законченные взгляды о Парижской Коммуне. Случилось так, что появился и повод изложить их в письменной форме. Дело в том, что вопрос о Коммуне заинтересовал Е. А. Штакеншнейдер, которая сообщила из Петербурга, что русские либералы уделяют этой проблеме большое внимание. Отвечая в октябре на это письмо, Лавров решил высказаться по поводу возникшей проблемы. Он писал, что его несколько не удивляет интерес либеральных правоведов России к революции в Париже. «Буржуазные партии всех сортов должны с ужасом смотреть на этот опыт государства неизвестных людей, которые господствовали в одной из величайших столиц мира в продолжение 2/г месяцев, только что выйдя из своей мастерской и из-за своего прилавка, не имея денег, не имея чиновничьей рутины, не имея какого-либо значительного образования, не имея политической подготов-

⁴⁰ «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 125.

⁴¹ Воззрения Лаврова на Коммуну, несомненно, отражают те социально-политические принципы, которых в те годы придерживались его парижские друзья — Варлен и др.

⁴² Этот документ Маркс огласил на заседании Генерального совета 30 мая, т. е. через два дня после падения последней парижской баррикады.

⁴³ -П. Лавров. Задачи социализма.— «Вестник Народной Воли», № 1. Женева, 1883, стр. 4.

⁴⁴ «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 135; № 9, стр. 117—118.

⁴⁵ «Генеральный совет первого Интернационала 1870—1871». Протоколы. М., 1965, стр. 167—168. Подробнее о взаимоотношениях Энгельса с Лавровым см. в статьях А. И. Володина и Б. С. Итенберга «Фридрих Энгельс и Петр Лавров» («Энгельс и проблемы истории». М., 1970), «Из истории научных контактов Ф. Энгельса с П. Лавровым» («История СССР», 1969, № 5).

ки, организовали государство со всеми его органами под выстрелами неприятеля... издали ряд декретов, которые в значительной доле далеко превосходят систему законодательства всех французских правительств последнего периода...»⁴⁶. Так Лавров признал сущность Коммуны — рабочее государство, деятельность которого раскрыла потенциальные возможности трудящихся в деле административного управления.

Правда, в самой Коммуне еще очень сильны были традиции конца XVIII в., которые нейтрализовали «настоящее, здоровое, рабочее течение». Но так или иначе, теперь найден принцип построения нового общественного порядка. «Кто привык,—пишет Лавров,—всматриваться глубже в ход истории и не пугается некоторого количества крови и гноя, которые текут под ее ланцетом из ран человечества, для того Парижская Коммуна — одно из замечательнейших явлений истории, один из интереснейших и убедительнейших ответов. Как будто ученый лишь тогда доволен, когда опыт удался, когда результат окончательно получен? Нет, гораздо важнее та минута, когда он угадает метод, которым вопрос решится, когда он говорит себе: прибор разорвало потому, что он приготовлен был из материала не довольно крепкого, не довольно чистого, не довольно обработанного, но именно прибор этого рода мне нужен, именно устранив эти недостатки, я получу окончательный результат, который мне нужен»⁴⁷.

Находясь в Париже, Лавров продолжал поддерживать установленные в Лондоне связи с Марксом и Энгельсом и выполнять их поручения. В центре внимания находилась забота о судьбе коммунаров. Лучшие из сынов Франции погибли, оказались в руках версальцев или ушли в эмиграцию. Многие еще скрывались в Париже. Реакция творила кровавый суд.

9 августа Энгельс сообщает Лаврову, что число его «парижских друзей» в Лондоне, с некоторыми из которых он обедал еще в июле у Маркса, все увеличивается: «Сюда приехало несколько новых людей, о которых Уильяме (это конспиративный псевдоним К- Марк-

са.— Б. И.) Вам, вероятно, писал, среди них Вайян, Тейс, Лонге»⁴⁸.

В этом же письме Энгельс просит Лаврова устроить ему подписку на «Gazette des Tribunaux»: «Нам необходимо иметь наиболее точный текст версальских судебных процессов для наших исторических исследований...»⁴⁹. Для этих же исследований Энгельсу понадобилась и подробный план Парижа, и он просит Лаврова узнать фамилию издателя подобных карт. Наиболее ответственным заданием был сбор средств для укрывающихся от преследований коммунаров и доставки для них паспортов. Интересно в этом отношении впервые опубликованное письмо Лаврова Энгельсу от 29 сентября 1871 г. «Только что,— пишет Лавров,— у меня был один человек, который дней десять не мог меня найти, теперь он предъявил мне карточку своей торговой фирмы на имя Трибер и клочок бумаги с моим адресом, написанным двумя почерками, один из них показался мне очень знакомым, почерком одного из моих друзей. Он сказал мне, что получил это от Серрайе, и попросил у меня гравюры. Хорошо знакомый и дружеский почерк подействовал на меня так, что я не отказал этому человеку наотрез, но поскольку всякий почерк можно подделать, то прошу Вас поговорить с Джонсоном (К. Марксом.— Б. И.) и написать мне немедленно, достаточно ли добросовестна и надежна эта торговая фирма»⁵⁰.

Кто же был автором этой записки, написанной «хорошо знакомым и дружеским почерком»? В письме Юнгу Лавров высказал свое предположение: «Некто пришел ко мне, принес с собой мой адрес, написанный, как кажется, рукою Маркса...»⁵¹.

Лавров не ошибся. Через три дня Энгельс сообщил ему, что адрес действительно «был написан рукой самого Джонсона», а фирма «Трибер» вполне честна и надежна⁵².

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 231.

Там же.

«К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М. 1967, стр. 214.

«Летописи марксизма», т. II (XII). М.—Л., 1930, стр. 158; письмо Лаврова Юнгу от 2 октября 1871 г.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 252.

⁴⁶ «Голос минувшего», 1916, № 7—8, стр. 133.

⁴⁷ Там же, стр. 135.

Письма Лаврова Энгельсу и Юнгу раскрывают характер деятельности Лаврова в Париже после поражения Коммуны. Из них видно, насколько сложно было Лаврову собирать средства в помощь коммунарам. «Но должен Вам сказать,— писал он Энгельсу,— что в данный момент нелегко вести дела в торговых кругах Парижа»⁵³.

Не имея из Лондона никаких рекомендаций к рабочим обществам в Париже и не предпринимая попыток обращения к ним, Лавров действовал среди личных знакомых, круг которых был весьма ограничен. Между тем некоторые средства ему удалось собрать и передать в Лондон. В 1872—1873 г. Лавров берется за новое дело — издает за границей нелегальный журнал для революционной России.

В марте 1874 г. Лавров из Парижа переехал в Лондон: сюда была перенесена типография и редакция нелегального журнала «Вперед!». Через год наступил очередной юбилей Парижской Коммуны. Со статьей о Коммуне на страницах начавшей выходить тогда газеты «Вперед!» выступил Лавров. Он назвал 18 марта «великим днем», днем, оказавшим влияние на судьбы мира. Красное знамя социальной революции продолжает развиваться перед правителями Франции и Германии, Англии и России. Под банками и биржами, под парламентами и министерствами горит «пламя взрыва пролетариата». Начало этого «взрыва» было положено революцией 18 марта 1871 г. Именно тогда Парижская Коммуна провозгласила на весь мир грозную для старого общества весть: «Рабочий пролетариат созрел для управления своими делами... Великие дни марта 1871 г. были первыми днями, когда пролетариат не только произвел революцию, но и стал во главе ее. Это была *первая революция пролетариата*»⁵⁴.

Вспоминая великое значение и исторические уроки Коммуны, Лавров приходит к выводу: «Нет и не может быть мира между пролетариатом и буржуазией, между растущим обществом будущего и гнилыми развалинами прошедшего. Они должны бороться на смерть, чтобы наступил мир в будущем обществе»⁵⁵.

Так под влиянием наблюдаемой действительности, бесед с Марксом и изучения его книги «Гражданская война во Франции» Лавров сделал ряд верных выводов о значении революции 18 марта.

Но его суждения о роли Парижской Коммуны в социальном переустройстве общества были верны лишь для стран Европы, что особенно хорошо видно из его труда «Государственный элемент в будущем обществе» (1876). Но об этой работе Лаврова мы еще расскажем.

В мае 1877 г. Лавров из Лондона возвратился в Париж, где стали укрепляться его связи с французскими социалистами, постепенно активизироваться сношения с революционерами из России.

17 марта 1879 г. на парижской квартире Лаврова собрались русские эмигранты по случаю годовщины Коммуны. Петр Лаврович выступил с полтора часовым докладом. Слушатели высказали пожелание, чтобы эта речь была напечатана. Тогда Лавров взялся за дополнительное изучение материалов и в сентябре того же года закончил работу над рукописью «18 марта 1871 г.» Так называлось произведение Лаврова, отпечатанное в 1880 г. в Женеве⁵⁶. Его стали переправлять в Россию.

В сентябре 1880 г. Лавров сообщал Н. А. Морозову в Женеву о необходимости пересылки в Россию одного пуда «18 марта». Средства выделял Лавров из своего личного гонорара⁵⁷. Присланная книга заинтересовала народовольцев. 5 октября 1880 г. Н. А. Морозов писал из Женевы Лаврову: «Сейчас получено письмо из Петербурга, в котором „Народная воля“ просит, чтобы ей было предоставлено перевезти в Россию на ее счет все количество „18 марта“, которое у нас еще имеется. Я, конечно, отвечал на это полным согласием. Теперь ждем присылки денег из Петербурга, чтобы переправить те 300 (кажется) экземпляров, которые еще имеем»⁵⁸.

Книга имела большой успех. Она приковала к себе внимание не только русского революционного подполья конца XIX в., но и, неоднократно переизданная в пер-

⁵³ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 214.

⁵⁴ П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. IV. М., 1935, стр. 25.

⁵⁵ Там же, стр. 27.

П. Лавров. 18 марта 1871 г. Женева, 1880.

⁵⁸ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 3, д. 79, л. 22. Там же, оп. 4, д. 317, лл. 29—30.

вые годы Советской власти, явилась одним из наиболее популярных изданий о революции 18 марта 1871 г. 59 По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, книгу Лаврова о Парижской Коммуне «Владимир Ильич считал лучшей после „Гражданской войны во Франции“ К.Маркса»⁶⁰,

Успех работы Лаврова о Парижской Коммуне был заслуженным. Ее автор выступает здесь и как участник этой революции, полный впечатлений от накала событий, и как глубокий исследователь, привлекая огромный документальный материал и сделавший плодотворные выводы из уроков Коммуны.

Лавров стремился быть объективным и строгим в оценке революционной борьбы коммунаров. Он, конечно, боялся быть субъективным в описании восставшего Парижа. Это и заставляло автора разумно сочетать свои воспоминания со свидетельствами многих ее других участников. Свою позицию он определил такими словами: «Я видел утром 18 марта сцену отступления или скорее бегства войск с Монматра через площадь Клиши. Я присутствовал 26 марта при провозглашении Коммуны на площади ратуши. Я видел впечатление того нравственного удара, который нанесла Коммуне страшная ошибка вылазки 3 апреля. Я видел около себя постепенное истощение сил, на которые опиралась и могла опираться Коммуна, видел приближение ее неизбежной гибели. Тем не менее я мог видеть и наблюдать весьма немного и почти всегда буду опираться на свидетельства лиц, стоявших близко к делу и несших на себе ответственность среди грозных и крайне сложных обстоятельств»⁶¹.

«Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» несла на себе следы того времени, когда она создавалась. Книга писалась в один из критических моментов русского ре-

⁵⁹ Книга П. Л. Лаврова «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» вышла в Петрограде в 1919 г. двумя изданиями; в 1922 г.— третьим; в 1925 г.— четвертым. В том же году вышло еще одно издание: «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» с прил. отрывков из писем П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер и прим. А. И. Молока. Л., 1925.

^{60*} В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения в трех томах, т. 2. М.

⁶¹ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Л.—М., 1925. стр. 14—15.

волюционного движения. Раскол «Земли и воли» образование народофильского и чернопередельческого направлений в народничестве были связаны с крупной проблемой, сильно волновавшей тогда Лаврова. Это был вопрос об объединении революционных сил, о создании партии, о подготовке социального переворота в России. В решении этих сложных задач во многом должен был помочь опыт Коммуны. Читая книгу Лаврова, все время осознаешь, как современна она тогда была. Особенно злободневной представляется центральная проблема произведения — проблема готовности к революции. Ее автор показывает на истории Парижской Коммуны, как нужно готовиться к революции и что бывает, когда такая подготовка отсутствует.

Подготовка революции зависит от состояния революционной партии, целенаправленности ее программы, потенциальных возможностей участников движения. Во время Коммуны роль такой партии играл Интернационал. На нем и сосредоточивает свое внимание Лавров. Начинает он издавека, с июньских дней 1848 г., когда между парижской буржуазией и парижским пролетариатом образовалась пропасть, которая в дальнейшем «не наполнялась». Возникновение в 1864 г. Международной ассоциации рабочих определило «энергический центр рабочему движению»⁶².

Члены Интернационала становятся самыми влиятельными ораторами на публичных собраниях в Париже, активно участвуют в стачечной борьбе. Власти империи начали тогда преследовать лидеров рабочего движения. Несмотря на это, Интернационал расширял свое влияние. В марте 1870 г. в Париже существовало 13 секций Интернационала, которые объединяли 245 тыс. членов⁶³. Участвовавшие стачки усиливали солидарность рабочих.

Но готов ли был рабочий класс Парижа к революции? Эта проблема готовности к революции находится, как мы говорили, в центре внимания автора. Для ее решения мобилизуются различные документы, личные наблюдения, свидетельства современников. Лавров приводит точку зрения Варлена, высказанную им в конце

* Там же, стр. 17.
Там же, стр. 27.

1869 г.: «Я должен вам сказать, что в наших собраниях мы почти единогласно признали, что мы еще не готовы для революции, что нам нужен еще год, или, может быть, два, для сильной пропаганды путем журнала, публичных или частных собраний и организации рабочих обществ, чтобы достигнуть господства над положением и быть уверенными, что революция не ускользнет из наших рук в пользу республиканцев несоциалистов»⁶⁴.

Может ли Генеральный совет возглавить или оказать существенную помощь в революционной борьбе? Оказывается, что в феврале 1870 г. во Франции среди членов Интернационала распространялась петиция, в которой с беспокойством отмечалось, что «Генеральный совет не находится уже давно в деятельной переписке с теми, которые будут выдвинуты во главу революционного движения...»

Рассмотренные материалы привели Лаврова к выводу, что Интернационал превратился в центр революционного движения во Франции, но этому центру нужно было еще много сделать, чтобы стать «действительной общественной силой, с крепкой организацией, с определенной программой»⁶⁵. Необходимо было преодолеть разброд в Интернационале, объединить усилия для решения принципиальных вопросов социальной борьбы.

Когда в Париже 4 сентября 1870 г. была провозглашена республика, стало совершенно очевидным, что рабочая партия не была подготовлена к революционным действиям, ведущие члены Интернационала находились в тюрьме или были вне Франции. Кто же был готов для дела? На поставленный вопрос Лавров дает прямой ответ: «Социалисты *не были готовы*. Рабочая организация не существовала, как организация боевая». «Но либералы, — подчеркивает он, — были готовы»⁶⁶. У них имелась программа, отработанные приемы борьбы, свои политические деятели. Действия же Федерального совета Интернационала отличались пассивностью и медлительностью, не было ни ясной программы, ни плана борьбы.

Совершились события 18 марта. Париж оказался «в руках пролетариата». Что дальше? Дальше сказались непонимание основных тактических задач. «Время, — пишет Лавров, — которое надо было употребить на атаку дезорганизованного и деморализованного врага, ушло на меры обороны против неприятеля, который не был в состоянии нападать»⁶⁷. А могло быть иначе. Маркс, как известно, упрекал коммунаров за то, что они не пошли на Версаль. Упрекает их за это и Лавров: «Что произошло бы, если бы в эти первые дни, в эпоху деморализации и ужаса в Версале, при отсутствии сколько-нибудь надежной армии у Тьера, экспансивная сила парижского движения разогнала версальских представителей „мира во что бы то ни стало“, оскорбителей Гарибальди, идиотических адептов невозможного легитимизма и архаического клерикализма и скрепила бы связь Парижа с другими большими центрами Франции?»⁶⁸.

Лавров признавал, что одной из главных задач Коммуны была организация самоуправления «как формы государства». При этом представители парижского пролетариата должны были провозгласить и отстаивать свою политическую программу, выступить в качестве администраторов и организаторов управления столицей Франции. Как же они справились с этой грандиозной задачей? Рабочие проявили себя едва ли не лучше, чем обычные государственные чиновники: «Практическая сообразительность, энергия и действительное желание принести пользу обществу легко победили здесь все препятствия»⁶⁹.

В чем же основная сущность Коммуны, в чем ее историческое значение, тайна влияния этой революции на социальное движение? Обобщая свои взгляды, Лавров утверждает: «Это была революция *пролетариата*. В первый раз он в ней сознательно противопоставил *свои* интересы и стремления интересам и стремлениям господствующим классам». Парижская Коммуна своим кратким существованием доказала, что буржуазное развитие не дает превосходства в управлении обществен-

⁶⁴ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г., стр. 27.

⁶⁵ Там же, стр. 28, 30.

⁶⁶ Там же, стр. 47—48.

⁶⁷ Там же, стр. 73.

⁶⁸ Там же, стр. 226.

« Там же, стр. 91—92.

ными делами, пришедший к власти пролетариат может сам превосходно с этим справляться. «Великие дни марта 1871 года были первыми днями, когда пролетариат не только произвел революцию, но и стал во главе ее. Это была *первая революция пролетариата*»⁷⁰, — вновь повторяет Лавров слова, высказанные им в газете «Вперед!» в 1875 г.

Важно и то, что Лавров не ограничивает значение революции 18 марта пределами Франции, а видит в ней крупнейшее международное событие, оказавшее влияние и на страны Западной Европы и на Россию. Все западноевропейские народы могут рассматривать Парижскую Коммуну в качестве «крупного двигателя» развития своей собственной страны. Социалисты всех стран обязаны приветствовать тот день, который «обозначил решимость рабочего пролетариата сделаться самостоятельным деятелем истории»⁷¹.

Книга Лаврова примечательна еще и тем, что в ней чувствуется сильное влияние идей Маркса. Это влияние проявляется и во многих общих суждениях ее автора о Парижской Коммуне, и в конкретных оценках отдельных актов революции 18 марта. Лавров неоднократно обращается к тексту написанного Марксом воззвании Генерального совета Интернационала («Гражданская война во Франции») и цитирует отрывки из этого документа. В нем он находит подтверждение того, что заработная плата высших чиновников не должна превышать заработную плату простого рабочего, что декрет Коммуны заменил постоянную армию вооруженным народом, что «майская неделя» напоминала собой кровавые злодеяния римских триумвиров и др.⁷² Особенно важно, что Лавров приводит большую выдержку из труда Маркса, содержащую принципиальную оценку Парижской Коммуны.

«Окончательной целью ее были не „дешевое правительство" и не „истинная республика"; это были не более как ее спутники... Истинная тайна ее заключалась в следующем. Это было, по существу, правление рабочих, результат борьбы класса производителей с клас-

Сом, присвоившим себе продукты труда; это была найденная, наконец, политическая форма, в которой должна осуществиться экономическая эмансипация труда. Вне этого последнего условия коммунальная конституция была бы невозможностью и призраком...»

Цитата заканчивалась словами Маркса о том, что Коммуна «имела в виду экспроприацию экспроприаторов. Она хотела внести истинное содержание в частную собственность, обратив средства производства, землю и капитал, которые теперь составляют главным образом средства для порабощения и для эксплуатации труда, в орудия свободного коллективного труда»⁷³.

Поучительные выводы должны сделать и русские социалисты, поставившие своей целью организацию революции в России. Парижская Коммуна учит, что мало быть энергичным и преданным делу борьбы, нужно быть *готовым* к этому делу. *Готовиться* нужно предварительно, а не в момент развития самих событий. «Организовать партию под выстрелами неприятеля, при бурях борьбы на площади, во время политических столкновений с другими готовыми и организованными партиями,— обыкновенно бывает слишком поздно, и социалисты Коммуны 1871 г., главным образом, пострадали от этого». Следовательно, необходимо заблаговременно собирать силы, создавать партию, вырабатывать политическую программу действия. Но не только к этому призывает Лавров. Он предостерегает революционеров России от серьезной ошибки, свойственной Коммуне,— неосторожный выбор людей, которым вручается власть. Проникновение в революцию недостойных и чуждых истинным задачам борьбы людей тормозит развитие движения и кладет тень на дело социального переворота.

Так автор книги «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» ставит важную проблему — революция и нравственность. В то время когда партия выступает на историческую арену решительной борьбы, она должна действовать так, чтобы эти действия были безупречными с точки зрения революционной этики, чтобы они не отталкивали от движения передовые силы общества. «Са-

⁷⁰ П. П. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 Г., стр. 165—166

⁷¹ Там же, стр. 206.

Г» ТШ же, стр. И0-11И, 166-167, 176.

⁷³ Там же, стр. 188—189; см. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 345—346.

мые жестокие, — пишет Лавров, — самые опасные удары, которые могут быть нанесены партии, суть удары, наносимые ей нравственно несостоятельностью ее членов». Каждый член партии должен знать, что всякий его необдуманный поступок кладет пятно на партию. Он должен быть строг в своем поведении, не только бороться с теми, кто живет за счет чужого труда, но и «отталкивать тех безобразников социализма, которые в пьянстве, в кулачных расправах и в развратных оргиях топчут в грязь имя социализма и его знамя»⁷⁴.

Для определения правильного направления общественной борьбы в России важно было рассмотреть еще один, коренной вопрос революционной этики: насколько нравственно взывать к решительным, кровавым столкновениям с противником? Приносит ли нужный эффект такой характер движения?

Исторический опыт Парижской Коммуны дает возможность ответить на поставленный вопрос. Лавров утверждает, что представители Парижской Коммуны избегали кровавых столкновений с противником, они стремились к мирному развитию революции. Что же они от этого выиграли? Коммуна во многом проиграла от своей нерешительности. А решительность в социальной борьбе необходима, так как те, кто действительно дорожит человеческой жизнью, «должны стремиться организовать возможность быстрой и решительной победы и затем действовать как можно быстрее и энергически для подавления врагов, так как лишь этим путем можно получить минимум неизбежных жертв, минимум пролитой крови»⁷⁵.

Такие меры необходимы потому, что имущие классы добровольно не уступают своих привилегий: «Разве можно было ожидать, что Версальское собрание уступит даже самым скромным требованиям Парижа, если не будет к этому принуждено?» При этом нужно иметь в виду и то, что именно Версаль начал насильственную борьбу. А раз кровавая борьба неизбежна, то вести ее нужно быстро и энергично. Только это приводит к меньшему числу жертв. «Если бы, — пишет Лавров, — Версаль

был занят 20 марта, если бы после победы парижан — она тогда была возможна — и после совершившегося в Париже радикального экономического переворота явились бы в города Франции эмиссары Парижа с „призывом к беднякам“ и быстро собрался конвент, опирающийся на вооруженные коммуны рабочего пролетариата по всей Франции, — разве больше пролилось бы крови для осуществления постановлений этого конвента, чем пролито ее в „кровавую неделю“?»⁷⁶.

Книга «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» заканчивается словами Маркса: «Во все времена будут превозносить рабочих Парижа с их Коммуной, как славных предшественников нового общественного строя. Их мученики включены в святыню великого сердца рабочего класса. Их убийца история уже пригвоздила навеки к позорному столбу, от которого не в состоянии избавиться их никакие молитвы их священников»⁷⁷.

В марте 1887 г. шестидесятирехлетний Лавров (уже в который раз) выступил в Париже с очередной речью, посвященной годовщине Коммуны. В том же году она была напечатана в Женеве под заглавием «Через восемь лет (1871—1879—1887)»⁷⁸; в 1879 г., через восемь лет после революции 18 марта, он сделал доклад перед эмигрантами, который был развернут в рассмотренную нами книгу о Парижской Коммуне; прошло еще восемь лет (1887 г.), и вновь выступление об опыте пролетарской революции, и вновь публикация...

На этот раз речь Лаврова была не повествованием об истории Парижской Коммуны, а лишь удобным поводом для рассмотрения изменений, происшедших в международном социалистическом движении за последние восемь лет. Русского революционера непосредственно интересовала одна большая проблема: какие новые задачи возникли в Европе и России в этом движении с 1879 до 1887 г.?

Прежде всего он обратился к России. В 1879 г. русское социалистическое движение находилось на подъеме,

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г., стр. 235; см. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 366—367.

⁷⁸ Подробнее об этой работе см. в статье В. В. Альтмана «П. Л. Лавров и парижские коммунары. Из архива П. Л. Лаврова» («Европа в новое и новейшее время. Сборник памяти академика Н. М. Лукина». М., 1966, стр. 275—292).

⁷⁴ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г., стр. 223—224.

⁷⁵ Там же, стр. 229.

революционная молодежь была полна решимости «бороться до конца», казалось, что победа должна восторжествовать. Прошло восемь лет, и дело сильно изменилось. «Теперь,— отмечал Лавров,— время иное. Поражения и кровавые удары имели следствием, что в России поределли ряды самоотверженных, энергических борцов, готовых до конца стоять за свое знамя». Скептицизм овладел обществом: «Индифферентизм, карьеризм, забота о личном будущем, о собственном гнезде выступают с самым наивным эгоизмом»⁷⁹.

Совсем иначе обстояло дело в Европе. Если в 1879 г. в Германии господствовал исключительный закон против социалистов, во Франции сторонники Коммуны находились в изгнании, в Англии тред-юнионы были враждебны революции, то теперь социалисты Европы, оправившись от ударов, начали широкое наступление на своих классовых врагов. Усиливается протест пролетариата, учение социалистов, которое, казалось, было развенчано поражением Коммуны, бурно возродилось. Оно неустойчиво растет, завоевывает популярность и «не сегодня так завтра» заявит себя огромной политической силой. Успех социалистической Европы должен, по мысли Лаврова, явиться хорошим уроком для революционеров России. Успех не приходит фатально, а является результатом действия энергичных личностей.

Оптимизмом проникнуты заключительные слова Лаврова: «Пред честной русской молодежью две дороги. Одна — покатый путь принижения и унижения. Другая — крутая тропа подъема духа, жертв и страданий. Каждый и каждая выбирают ту или другую дорогу, смотря по степени своего развития, по степени своего понимания человеческого достоинства. Советовать тут нечего. Защитники Коммуны выбрали и легли десятками тысяч трупов. Их наследники приняли смело их завещание, и красное знамя все шире развертывается над миром. Русские социалисты могли черпать полезные для них уроки из истории Коммуны тогда, когда надежды их были велики. Они могут черпать из нее столь же

важные уроки и в настоящую минуту господства около них откровенной трусости и напускного пессимизма»⁸⁰.

Оптимизмом, верой в победу были наполнены и последние годы Лаврова. 14 июня 1893 г. ему исполнилось 70 лет. Последовательного интернационалиста приветствовали русские и поляки, французы и немцы, англичане, болгары, итальянцы, румыны... Пришло письмо из Лондона от Ф. Энгельса, Л. Каутской, Э. Маркс-Эвелинг и Э. Эвелинга:

«Дорогой Лавров!

Завтра Вам минет семьдесят лет. Примите наши самые искренние поздравления. Да суждено Вам будет дожить до того дня, когда русское социально-революционное движение, которому Вы самоотверженно посвятили всю свою жизнь, победоносно водрузит свое знамя на развалинах царизма.

Ваши искренние друзья...»⁸¹

Не суждено было дожить Лаврову до этого дня. 25 января 1900 г. он умер в своей парижской квартире. Похороны Лаврова превратились в многолюдную интернациональную демонстрацию. Восьмитысячное шествие включало социалистов разных стран. Процессия сопровождалась звуками «Интернационала». Раздавались возгласы: «Да здравствует социальная революция!», «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует Коммуна!»⁸²

П. Л. Лавров. Две речи. Издание русского рабочего общества в Париже. Женева, 1887, стр. 23—25 («Через восемь лет (1871—1879—1887)»).

⁸⁰ Там же, стр. 30—31.

⁸¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 71—72

⁸² Сб. «Памяти Лаврова». Женева, 1900, стр. 33.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ РОССИИ: НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ

Революция 18 марта в Париже всколыхнула русское революционное подполье. Борьба, развернувшаяся в столице Франции, привлекла внимание русских революционеров. Они стремились получить последнюю информацию из Парижа, оценивали развитие событий и размышляли над возможностями социальной борьбы в своей стране.

ПЕРВЫЕ ВЕСТИ

Влияние революционных событий во Франции на русское подполье начало сказываться с сентября 1870 г.— со времени падения второй империи и провозглашения республики. Об этом, как мы отмечали, широко информировала легальная пресса. Во многих революционно-демократических кружках знали о революции 4 сентября в Париже и встретили ее с энтузиазмом. Студенты Лесного института в Петербурге на одном из нелегальных собраний многократно провозглашали: «За Французскую республику, за успех красного знамени и за революцию вообще»¹.

Свержение императорской власти во Франции, установление республики использовались в пропагандистских целях. Участник народнического кружка В. В. Рейнгардт в Каргополе, встречаясь в 1870 г. с крестьянами, говорил им, что во Франции установилась республика и что такое правление для народа гораздо выгод-

нее, чем власть императора: республиканское правление соблюдает права народа, «а при монархическом правлении достигнуть этого невозможно»².

Другой пример. Осенью 1873 г. известные революционные народники С. М. Кравчинский и Д. М. Рогачев вели пропаганду среди собравшихся в избе крестьян из Тверской губернии. Вот как рассказывал об этом на допросе крестьянин Митрофан Григорьев: «Говорили о боге, об избрании царя, причем ссылались на Америку и Францию. Рассказывали мне, что в Америке каждый выбирает себе президента,— так, например, сапожник и мужик станут говорить про царя и выберут сами его. Затем сказали, что во Франции прогнали царя,— и выбрали себе сами президента. Про Россию говорили, что у нас иначе, но когда образуется, то и у нас так же будет»³.

Русских революционеров привлекло и восстание в Лионе, где после Седанской катастрофы осенью 1870 г. организовалась Коммуна, революционное правительство, которое состояло частично из рабочих — членов Интернационала, частично из буржуазных республиканцев-радикалов. Это правительство под влиянием Бакунина издало «самые нелепые,— как отмечал К. Маркс,— декреты об уничтожении государства и тому подобной чепухе»⁴. Восстание в Лионе потерпело крах. Но оно привлекло внимание русских народников. В тетради члена народнического кружка Д. И. Гамова мы находим записи, касающиеся восстания в Лионе⁵.

Особенно глубокий интерес вызвала в революционном подполье весть о революции 18 марта. Сведения, естественно, поступали вначале из официальной прессы. В ней революция в Париже оценивалась тенденциозно, а порой и искаженно. Разумеется, что в этих условиях правильно представить себе парижские события было невозможно. В народнических кружках начались горячие споры: одни считали, что коммунары являются фракцией республиканцев; другие говорили о связи Коммуны

² Там же, д. 124, л. 76.

³ Там же, ф. Особого присутствия правительствующего Сената (№ Ц2), оп. 1, 1873 г., д. 204, л. 39.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 136.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 3 эксп., 1873 г., д. 414, ч. III, л. 37.

¹ ЦГАОР СССР, ф. III отд. (№ 109), 3 эксп., 1870 г., д. 120, ч. 1, л. 41.

с Интернационалом; некоторые утверждали, что коммунары якобы хотят пожарами и убийствами дискредитировать Французскую республику. Характерно, что когда весной 1871 г. на студенческой вечеринке был провозглашен тост за Парижскую Коммуну, поднялся один из присутствующих и заявил, что неизвестно, чего добиваются коммунары. «Но его,— вспоминал студент И. Е. Деникер,— урезонили тем, что ведь пили же раньше и в память Костюшки и Березовского и Стеньки Разина, хотя и не были вполне согласны с их идеями,— и тост „За успех Коммуны“ прошел единогласно»⁶.

Постепенно представления о революции 18 марта 1871 г. становились более или менее объективными. Член херсонского народного кружка А. О. Лукашевич свидетельствовал в своих воспоминаниях: «По поводу известия о казни в Париже коммунаров Росселя и Ферре, расправа над которыми была отсрочена, приездом из Петербурга товарищи познакомили нас с историей Парижской Коммуны, которой мы прежде не понимали. Потрясающие картины великой титанической борьбы возымели на этот раз свое полное действие. Теперь мы чувствовали себя в полной мере современниками Делеклюза и Вермореля, мы прониклись суровым „классовым“ патриотизмом интернационального пролетариата и, конечно, от всей души ненавидели Тьера и версальцев»⁷.

Идея о всемирном значении борьбы парижан, о влиянии этой борьбы на Россию нашла отражение в нелегальных листовках «Виселица», написанных и подпольно отпечатанных в Петербурге бывшим студентом Технологического института Н. П. Гончаровым в апреле и мае 1871 г. Это был первый непосредственный отклик на революцию 18 марта.

В первом листке, опубликованном 14 апреля, говорилось, что «мировая революция уже началась... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира,— желанная, святая, побывает и в нашей

мужичьей избе»⁸. Но кто в России возвестит идеи «Свободы, Равенства и Братства»? Кто преодолеет тупость мужика, пустое красноречие русских философов, дикую власть царя? Только русская революционная молодежь может взять на себя задачу борьбы за свободу в России. Молодые, сильные, энергичные русские люди победят царизм, добьются равенства людей и «воспитают следующие поколения в роскошной обстановке коммуны». После этого на русской земле воцарятся счастье и мир.

Вторая прокламация (от 24 апреля) призывала к убийству реакционера и мракобеса Каткова, который «загубил десятки тысяч людей Сибирью», издал «классически безнравственные законы образования», закрывающие путь простому народу к знаниям. По мнению автора, «это маленькое кровопускание» явится началом «грядущих событий».

В третьем листке, озаглавленном «Чего мы хотим?», указывалось на необходимость готовиться к тому моменту, когда в Россию и другие «царства» через парижские стены прорвется «левой огненной» революция. В прокламации ставился волновавший тогда передовую молодежь вопрос о том, как приобщить крестьян к восстанию, «как двинуть окостеневшего мужика». Автор приходил к выводу, что «двинуть» его на самостоятельные действия почти невозможно: мужик полон предрассудков и понимает лишь «детские истины». Но нужно готовиться и помогать революционному делу, которое должно восторжествовать — старый мир рухнет: «Будь ты проклят, мир слез и несчастий, да погибнут в страшных мучениях анафемы человечества! Привет и братство, русские революционеры». Так писал Гончаров 4 мая.

Наконец, четвертый листок (от 14 мая) зывал: «Откликнитесь, честные люди, откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы умирая он знал, что дело его возобновят и так же смело и героически поведут вперед. Пусть наш скромный призыв будет началом этого отклика — выступайте... на борьбу с окружающими разбойниками... К оружию! К оружию!»⁹.

⁶ «Воспоминания И. Е. Деникера». С предисл. и примеч. Д1. М. Левина.— «Каторга и ссылка», 1924, № 4(11), стр. 36.

⁷ А. О. Лукашевич. «В народ» (Из воспоминаний семидесятника).— «Былое», 1907, № 3, стр. 5.

⁸ «„Виселица“ — революционные листовки о Парижской Коммуне» Предисловие С. Валка.— «Литературное наследство», т. 1. М., 1931. стр. 161.

⁹ Там же, стр. 164.

Прокламации Гончарова о Парижской Коммуне получили распространение: их читали студенты Технологического института¹⁰, подпольные листки находили на юге России и в Нижнем Новгороде¹¹.

Гончарова в феврале 1871 г. суд приговорил к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы сроком на шесть лет. По истечении срока каторги он обязан был поселиться навсегда в Сибири¹².

Судьба Парижской Коммуны волновала русскую революционную эмиграцию, которая всегда играла важную роль в общественной жизни царской России. «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине,— писал В. И. Ленин,— революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»¹³. Центрами русской революционной эмиграции были Женева и Цюрих, Париж и Лондон.

Интерес русских эмигрантов к революционной Франции начался с падения режима Наполеона III. Об этом свидетельствует позиция Германа Лопатина.

О революции 4 сентября 1870 г. он узнал в Лондоне. Тогда у Лопатина уже установились дружественные отношения с Марксом и его семьей. Можно думать, что события во Франции не раз являлись предметом их обсуждения. О своем отношении к революции в Париже он рассказал в письме Лаврову ст 14 сентября 1870 г.: что республика возникла во Франции «довольно жалким образом» — «как будто только потому, что пруссаки позаботились отнять у французов Наполеона и спрятать его от них подальше»; что республиканское правительство не внушает ему доверия. Однако, когда была получена телеграмма о провозглашении республики, Лопатин готов был отправиться в Париж. Затем раздумал. «В настоящее время,— продолжал Лопатин,— я утешаю себя такими соображениями: пушечного мяса во Франции и без меня довольно, а быть полезным в каком-

либо другом отношении я не могу по недостатку основательного знакомства с языком и местной жизнью, Франция не нуждается в недрессированных солдатах, таких, как я, таких у ней самой довольно; она нуждается гораздо более в военных средствах и деньгах...» Лопатин утешал себя еще и тем, что, «если Парижу удастся продержаться недели две, три, иностранные державы вмешаются в это дело и положат конец безобразной войне...»¹⁴.

Надежды Лопатина оказались неосуществленными... О том, что в Париже вспыхнула новая революция, была провозглашена Коммуна, Лопатин в марте узнать не мог. Он был в Сибири — пытался освободить Н. Г. Чернышевского из заточения. В начале февраля 1871 г. его арестовали в Иркутске.

Энергично действовал в Женеве Владимир Озеров. Это отважный и яркий человек. В 1866 г. польский революционер, впоследствии легендарный генерал Парижской Коммуны Ярослав Домбровский так характеризовал его А. И. Герцену. «Ротмистр Озеров принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе... Ему лично я обязан своим спасением; у него нашел я приют в Петербурге, и благодаря его великодушной помощи удалось мне вырвать жену мою из ссылки»¹⁵. В 1870 г. Озеров вместе с Бакуниным принял участие в Лионском восстании, во время которого спас Бакунина от смерти.

Теперь он озабочен судьбой революционного Парижа. 8 мая 1871 г. В. М. Озеров сообщает из Женевы Лаврову проект — «Как употребить революционные французские и иностранные сочувствующие революции элементы на помощь и поддержку Парижа...» Проект был послан от имени «целой группы интернациональных работников». В нем указывалось, что сочувствие Парижской Коммуне не должно ограничиваться манифестациями в ее пользу. Нужны и другие действенные меры, которые усилили бы и объединили силы местных революционных центров. Для этого есть возможность призвать к содействию «иностранные и местные революционные элементы»: быстро создать партизанские отряды

¹⁰ «Каторга и ссылка», 1924, № 4(11), стр. 33—34.

¹¹ «Государственные преступления в России в XIX веке», т. 1. СПб., 1906, стр. 227.

¹² Там же, стр. 228—229.

¹³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 8,

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 4, д. 283, лл. 35—36.

¹⁵ «Звенья», т. VI, 1936, стр. 396—397.

по всей территории Франции, которые своими действиями отвлекут от Парижа силы версальцев¹⁶.

После разгрома Коммуны многие французские революционеры бежали в Швейцарию, где сближались с деятелями русского освободительного движения. Члены Русской секции совместно с другими деятелями Интернационала в Женеве образовали тайный комитет для оказания помощи участникам Коммуны¹⁷.

Большое оживление внесли бурные события Парижа в жизнь русской колонии в Цюрихе: эмигранты беседовали с участниками революции 18 марта 1871 г., организовывали в их честь банкеты, помогали нуждавшимся коммунарам, изучали историю Парижской Коммуны¹⁸.

ВЛИЯНИЕ НА РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Парижская Коммуна, революционная активность французского народа оказали сильное влияние на развитие русского революционного движения. Революция 18 марта активизировала интерес русских революционеров к борьбе европейского пролетариата, способствовала развитию и укреплению чувства интернационализма.

Революционный народник О. В. Аптекман вспоминал, что его политическая мысль была разбужена франко-прусской войной и Парижской Коммуной, что именно с того времени он стал следить за политическим движением в Западной Европе. Особенно привлекала его революционная Франция. Он горячо симпатизировал героической борьбе коммунаров и страстно ненавидел версальское правительство во главе с Тьером. «Я последнего ненавидел,— свидетельствовал мемуарист,— от всего моего чистого юношеского сердца: его бесчеловечная расправа с коммунарами внушала мне ужас и омерзение»¹⁹. Об этом же писал известный революционер И. С. Джабадари: «Мы не могли говорить без слез о

парижской драме, б Франции, растерзанной и униженной врагами»²⁰.

Деятельность народного правительства Парижа, мужественная борьба коммунаров явились для революционеров России определенным рубежом в развитии русского общественного движения. Нелегальная народническая газета «Работник» писала в 1875 г., что Парижская Коммуна и знакомство с программой Интернационала «послужили поворотным пунктом, началом новой эры в развитии революционного дела в России»²¹. Известный революционер и писатель Степняк-Кравчинский делил историю общественной мысли пореформенной России на два этапа: первый охватывал 60-е годы, второй начинался с 1871 г. «С появлением Парижской Коммуны,— писал он,— русский социализм вступил в воинствующий фазис своего развития, перейдя из кабинетов и частных собраний в деревни и мастерские»²².

В книге «Парижская Коммуна 18 марта 1871 г.» Лавров так выразил свои убеждения о влиянии Коммуны на социалистическое движение в России: «Я признаюсь, что не могу проследить точно связь между этими двумя группами фактов, и не стану пытаться доказывать путем натяжки то, что доказать убедительно не могу. Но для меня лично сотни мелких фактов и впечатлений сливаются в несомненное убеждение, что эта связь существует и что русское социалистическое движение 1873 и следующих годов было косвенно вызвано впечатлением, произведенным и на русские умы событиями Парижской Коммуны. Во всяком случае факт ее появления вызвал необыкновенное внимание к существующим экономическим явлениям и к историческому процессу их приготовления»²³.

Таким образом, активное воздействие Парижской Коммуны на усиление размаха революционной борьбы в

²⁰ «Былое», 1907, № 8, стр. 7.

²¹ Цит. по книге: Л. Г. Дейч. Социалистическое движение начала 70-х годов в России. Ростов-на-Дону, 1925, стр. 57.

²² С. Степняк-Кравчинский. Сочинения, т. 1. М., 1958, стр. 373—374.

²³ П. Л. Лавров. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. Л.—М., 1925, стр. 211. О влиянии Парижской Коммуны на русское революционное движение писали А. Якимова в работе «„Большой процесс“, или процесс 193-х» («Каторга и ссылка», 1928, № 8(37), стр. 9; отд. изд.—М, 1932, стр. 81—82) и П. А. Кропоткин в «Записках революционера» (М.—Л., 1933, стр. 169—171).

¹⁶ «Литературное наследство», т. 62. М., 1955, стр. 458.

¹⁷ Б. П. Козьмин. Русская секция первого Интернационала. М., 1957, стр. 331—333.

¹⁸ В. Фигнер. Полное собрание сочинений в семи томах, т. 1. М., 1932, стр. 81—82.

¹⁹ О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. Пг., 1924, стр. 58.

России не вызывает сомнений. Самоотверженность и стойкость городского населения Парижа, деятельность народного правления, связь Коммуны с Интернационалом — оказывали действие на революционно-демократическое движение России.

В связи с этим нужно иметь в виду, что за границей в 70-х годах XIX в. выходили русские нелегальные издания²⁴, в которых широко освещалось (в основном с народнических позиций Лаврова и Бакунина) западноевропейское социалистическое движение, деятельность Интернационала и Парижской Коммуны.

Основные сведения о Коммуне в русское подполье поступали в интерпретации ведущих идеологов революционного народничества. Как же преломлялась в их взглядах история первой пролетарской революции?

Мы уже рассмотрели отношение Лаврова к Коммуне. Сейчас дополним сказанное освещением лишь одного вопроса: как представлял Лавров влияние Парижской Коммуны на революцию в России?

Этому он посвятил свою работу «Государственный элемент в будущем обществе», опубликованную в 1876 г. В ней рассматривается вопрос о возможности возникновения русской революции. По мнению Лаврова, революция должна произойти не на всей территории России, а в отдельных ее районах. Федерация русских революционных общин возьмет в свои руки все «достояние», находящееся в границах победоносного восстания. Таким путем возникнет «рабочая Россия».

Помня об ошибочной тактике обороны, принятой Парижской Коммуной, Лавров усиленно призывал к наступательным действиям: «расширять территорию рабочей России за счет России императорской или капиталистической». Контрреволюционная роль Пруссии в дни Коммуны привела его к выводу, что «рабочей России» будут непременно угрожать соседние эксплуататорские государства. Лавров писал о необходимости установления контакта «рабочей России» с социально-демократическими союзами соседних стран, которые должны будут предотвратить вмешательство своих правительств в дела

революционной России. Внутренняя жизнь «рабочей России» должна будет складываться из деятельности «учреждения общественных работ», «общественной безопасности», «комитета работ и продовольствия», «комитета общественного развития» и других учреждений, составляющих государственный элемент в будущем обществе и в основном повторяющих функции 10 комиссий, созданных Парижской Коммуной²⁵.

Таким образом, строя планы проведения революции в России, Лавров исходил из опыта Парижской Коммуны, учитывал ее недостатки, воспринимал удачные начинания. При этом он допускал принципиальную ошибку — исходил из того, что главную роль в русской революции будет играть крестьянство. Верный своей эклектической схеме, он пытался примирить элементы марксизма с народничеством, не понимал тенденций социального развития. Под рабочими России он подразумевал всех трудящихся, не выделяя пролетариат как класс. Поэтому перенесение опыта революции 18 марта в русскую действительность было глубоко утопичным: мероприятия, которые проводила Коммуна в интересах пролетариата, для русского крестьянства были неприемлемы.

Еще более глубокую ошибку при оценке Коммуны допускал Бакунин. Он считал, что революция может начаться в Париже, которому нужно будет проявить «инициативу разрушения и ликвидации, но никак не организации»²⁶. Таким же путем следовало произвести революцию в других городах Франции. В движение должно было, по мысли Бакунина, быть втянуто и крестьянство, которое собственными руками взялось бы за разрушение существующего общественного порядка в деревнях.

В сентябре 1870 г. анархисты пытались организовать восстание в Лионе, окончившееся полным крахом. Маркс и Энгельс по этому поводу писали: «Лионские события показали, что одного декрета об отмене государства далеко не достаточно для выполнения всех этих прекрасных обещаний. Но зато двух рот буржуаз-

²⁵ П. Л. Лавров. Избранные сочинения, т. IV. М., 1935, стр. 304—305, 324, 334, 344.

²⁶ «Материалы для биографии М. Бакунина. Бакунин в первом Интернационале», т. III. М.—Л., 1928, стр. 266; письмо М. А. Бакунина А. Ришару от 1 апреля 1870 г.

²¹ Эмигранты-народники выпускали в 70-х годах XIX в. такие подпольные органы: «Народное дело», «Вперед!», «Работник», «Набат», «Община».

мой национальной гвардий оказалось достаточно, чтобы разбить эту блестящую мечту и заставить Бакунина с его чудотворным декретом в кармане спешно направить свои стопы в Женеву»²⁷.

После лионских событий Бакунин отказывается от веры в революционность Франции. И даже тогда, когда в Париже была провозглашена Коммуна, он считал ее делом преждевременным, о чем и писал Огареву 9 апреля 1871 г.²⁸ Однако позднее Бакунин изменил свои взгляды на революцию в Париже, увидев в ней практическое осуществление собственной доктрины: «Я сторонник Парижской Коммуны в особенности потому, — писал он, — что она была смелым, ясно выраженным отрицанием Государства»²⁹.

Да, Коммуна была отрицанием государства, но государства буржуазного. Революция 18 марта 1871 г. утвердила новый тип государства — диктатуру пролетариата. Этого анархист Бакунин понять не мог. «Анархисты пытались, — писал Ленин, — именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, „своей“, подтверждающей их учение, причем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и *чем* заменить ее? анархизм не дал»³⁰.

Различно оценивали Парижскую Коммуну практики революционного движения.

Не вполне верно уяснил историческое значение гражданской войны во Франции один из организаторов Русской секции Интернационала Н. И. Утин. Революция в Париже рассматривалась им как борьба идеи самоуправления с принципом централизации. По мнению Ути-

на, Коммуна санкционировала право пролетариата на участие в общественном представительстве; централизованному государству рабочий класс противопоставил новую форму управления — Коммуну, выразившую федеративную идею³¹.

Размышляя о революции в России, обратился к опыту Парижской Коммуны известный народник И. Н. Мышкин. В 1878 г., находясь в Петропавловской крепости, он в переписке с товарищами высказал мнение, что до окончательной победы социальной революции в стране утвердится переходная политическая форма, которая может представлять собой федерацию городских и сельских общин с широким самоуправлением. Для конкретного определения этой формы Мышкин предлагал использовать статью Н. Павловского «Унитаризм и федерализм», опубликованную в 1871 г. в «Отечественных записках», в которой содержится программа Коммуны: «насколько эта программа, выработанная для большого города, применима к сельскому населению»³². Мышкин полагал, что формы власти Парижской Коммуны применимы в русских условиях: «Ведь и домогательства Коммуны были чисто политического свойства. Вспомним также, что создавалось у нас в эпоху Разина в городах? Ничего больше, кроме полного административного самоуправления с участием в нем всех горожан и с общим выбором лиц, облеченных исполнительной властью (этого домогалась и Коммуна для Парижа)»³³. Так И. Н. Мышкин допускал типичную для революционных народников ошибку: механически пытался использовать опыт борьбы европейского пролетариата в подготовке крестьянской революции в России.

В 70-х — начале 80-х годов XIX в. одним из распространённых в России нелегальных изданий было произведение Маркса «Гражданская война во Франции». Переводчиком этой работы был народник-пропагандист С. Л. Клячко, который в конце 1871 г. ездил по поручению народнического кружка «чайковцев» в Цюрих и

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 340.

²⁸ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву» СПб., 1906, стр. 420.

²⁹ М. Бакунин. Избранные сочинения, т. IV. Пг.—М., 1920, стр. 252. Такая оценка первого правительства рабочего класса нашла отражение в нелегальных изданиях, распространявшихся тогда в России. Имеются в виду написанные народниками-анархистами З. К. Ралли и др. книги «Парижская Коммуна» (1874), «Сытые и голодные» (1875) и др.

³⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, стр. 104.

³¹ Подробнее о взглядах Н. И. Утина на Коммуну см. в монографии Б. П. Козьмина «Русская секция первого Интернационала», стр. 318—325.

³² А. А. Кунль. Из переписки И. Н. Мышкина с товарищами по заключению.— «Каторга и ссылка», 1930, № 5(66), стр. 88.

³³ Там же, стр. 81.

там осуществил перевод и издание работы Маркса³⁴. Как установлено, перевод этот был сделан не с английского оригинала, а с немецкого текста, опубликованного Энгельсом в газете «Volksstaat» 28 июня — 29 июля 1871 г.

«Гражданская война во Франции» усиленно читалась демократической молодежью, переписывалась от руки, обсуждалась в кружках. Книгу брали с собой пропагандисты, отправляясь «в народ»³⁵.

Эта работа Маркса много дала для правильного понимания Парижской Коммуны. В 1873 г. в Нижнем Новгороде в народническом кружке пропагандист А. И. Ливанов рассказывал о деятельности Международного товарищества рабочих. Он объяснял, что главная цель Интернационала состоит не в устройстве производительных ассоциаций, как думают некоторые, а в социальной и политической борьбе. Ливанов указал далее на участие членов Интернационала в революционном движении — Парижской Коммуне. Когда один из членов кружка, Д. С. Халтурин, стал обвинять коммунарлов в зверствах и насилиях, А. И. Ливанов ответил: «Все это вы говорите потому, что ничего не знаете. Вы знаете о Коммуне только из русских газет; но разве им можно верить? Все наши газеты продажны. Я вам доставлю более надежный источник, из которого бы вы почерпнули более верные сведения об этом предмете». Вскоре Ливанов действительно принес книжку «Гражданская война во Франции». В ней, по показаниям Д. С. Халтурина, Коммуна «окружалась ореолом» и доказывалось.

³⁴ Н. Троицкий. Об авторе первого русского перевода «Гражданской войны во Франции» К. Маркса.—«Новая и новейшая история». 1962, № 1, стр. 196.

³⁵ А. О. Лукашевич. «В народ» (Из воспоминаний семидесятника).—«Былое», 1907, № 3, стр. 5.

Работа К. Маркса «Гражданская война во Франции» была найдена 17 июня 1874 г. при обысках у пропагандиста Н. В. Писарева в дер. Бурцево Даниловского уезда Ярославской губернии, у петербургского студента С. К. Хохрякова, у гимназиста г. Вятки; М. П. Бородин. У организатора харьковского народнического кружка Ф. Н. Цебенко при обыске был найден переписанный его рукой весь текст «Гражданской войны во Франции» (Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М., 1965, стр. 123—124).

«что дело Парижской Коммуны есть дело всего ... человечества»³⁶.

«Гражданская война во Франции» Маркса оказала определенное влияние на гениального изобретателя народовольца Н. И. Кибальчича. В статье «Политическая революция и экономический вопрос», опубликованной 5 февраля 1881 г. в пятом номере «Народной воли», он показал взаимосвязь политического и экономического факторов в революции. Кибальчич объяснил, что экономический переворот не может произойти без определенных политических изменений. И наоборот, политические свободы не могут установиться в стране без известной исторической подготовки в сфере экономики.

Для доказательства своей точки зрения Н. И. Кибальчич привел слова Маркса из «Гражданской войны во Франции»: «Это была найденная, наконец, политическая форма, в которой должно осуществиться экономическое освобождение труда... Поэтому Коммуна должна была служить рычагом для разрушения экономических основ, на которых зиждется существование сословий, а следовательно, и сословного господства»³⁷.

После рассмотрения материалов, характеризующих проблемы соотношения экономики и политики в революции, в статье делается такой вывод: «Парижская Коммуна 1871 года сделала уже первые шаги к решению экономического вопроса — путем политическим»³⁸. Кибальчич, конечно, не разделял марксистского понимания революции 18 марта. Для нас же сейчас важно то, что русский революционер использовал отдельные высказывания Маркса о Парижской Коммуне для доказательства необходимости политической борьбы (в народовольческом понимании) в России и зависимости политической революции от экономических факторов.

Весной 1874 г. в России произошло необычное движение: тысячи отважных, преданных народному делу молодых людей Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, Самары, Саратова и многих других городов направились в среду крестьян. Это было знаменитое «хождение в

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, 1874 г., д. 264, л. 30 об.; показание Д. С. Халтурина от 25 ноября 1874 г.

³⁷ «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 108; см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 346.

³⁸ «Литература партии „Народная воля“», стр. 108.

народ». Основная Масса участников похода рассчитывала поднять крестьян на революцию. Некоторые шли для того, чтобы изучить жизнь народа. Причины, вызвавшие движение, коренятся в российской действительности. Но Парижская Коммуна оказала влияние на участников «хождения в народ». Известный народник О. В. Аптекман отмечал в своих воспоминаниях, что Интернационал и Парижская Коммуна дали решение рокового вопроса молодежи: что делать? «Итак,— писал он,— решение найдено. Нет больше сомнений, нет колебаний. Чистое, как хрусталь, настроение, цельное, почти религиозное чувство, охватило молодежь... Идти в народ!...»³⁹

В народнических кружках накануне и во время «хождения в народ» часто говорили о борьбе международного пролетариата. Руководитель пензенского кружка молодежи Д. М. Рогачев рассказывал своим слушателям о деятельности I Интернационала и Парижской Коммуны, с симпатией отзывался о Карле Марксе, Вильгельме Либкнехте и Августе Бебеле⁴⁰.

Борьба рабочих Европы воодушевляла и саратовских пропагандистов. С. Г. Ширяев (впоследствии видный народоволец) писал в своей автобиографии, что знакомство с историей Интернационала и Коммуны определило цель: «подготавливать себя к роли пропагандистов в народе, знакомиться с рабочими и влиять на них»⁴¹.

История социальной борьбы в Европе, Парижская Коммуна находили отражение в прокламациях.

Так, в Петербурге весной 1874 г. среди народников распространялась рукописная прокламация «О чем и как должен говорить с народом революционер-пропагандист». В числе отмеченных в этой прокламации тем для разговора с крестьянами было ознакомление с международным революционным движением и, в частности, Парижской Коммуной: «Вы будете говорить с народом

том, как в чужих странах восставали рабы против господ, ремесленники городов против дворян; как народ казнил за измену королей на берегах Темзы и Сены; как изгоняли других; как сплачиваются рабочие Европы и Америки в союз, не признающий ни королей, ни государства, ни частной собственности; как дрались и умирали работники Парижа за свободу и самостоятельность своего города»⁴².

Влияние Парижской Коммуны на народническое движение образно показал С. М. Кравчинский. В «Подпольной России» он писал, что в 1871 г. перед русским революционером возникла картина громадного города, восставшего для защиты прав народа. Люди города умирали «за великую социальную идею нашей эпохи» — за освобождение трудящихся. «И в то же время,— писал Кравчинский,— до его слуха долетает песня русского крестьянина, созданная веками страданий, нищеты, угнетения. Вот он стоит перед ним, этот „сеятель и хранитель“ русской земли, подавленный безысходным трудом и нуждой, вечный раб то бар, то чиновников, то своего же брата кулака. Правительство умышленно держит его в невежестве, и всякий грабит, всякий топчет его в грязь, и никто не подаст ему руки помощи. Никто? Так нет же, нет! Юноша знает теперь, что ему делать. Он протянет крестьянину свою руку. Он укажет ему путь к свободе и счастью»⁴³.

Так революционная борьба пролетариата Парижа рождала надежду на успех народной революции в России. Этим и объясняется интерес русской революционной молодежи к Коммуне в канун и во время массового «хождения в народ». В народнических кружках того времени много читали о революции 18 марта 1871 г., горячо обсуждали ее деятельность, пытались определить значение знаменательного революционного события.

Для идеологов крестьянской революции особенно близкими по духу были те документы, в которых отражалась связь Парижской Коммуны с крестьянством. Некоторые народники осуществили перевод на русский язык «Манифеста Парижской Коммуны к сельским ра-

³⁹ О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. Пг., 1924, стр. 127—128. Нельзя понимать это высказывание в том смысле, что только международное движение побудило народников пойти «в народ». Оно явилось лишь ускоряющим фактором.

⁴⁰ Б. Итенберг. Дмитрий Рогачев, революционер-народник. М., 1960, стр. 36—37.

⁴¹ «Автобиографическая записка и письма Степана Ширяева». — «Красный архив», № 7, 1924, стр. 75—76.

⁴² «Революционное народничество 70-х годов XIX века», т. I. М., 1964, стр. 133.

⁴³ С. Степняк-Кравчинский, Сочинения, т. I. М., 1958, стр. 372.

ботникам», составленного Бенуа Маломом и Андре Лео⁴⁴. В нем раскрывались требования Коммуны, и особенно внимание заострялось на том, что Париж хочет «земли — для крестьян, орудий труда — для рабочих, работы — для всех... Да, плоды земли тем, кто ее возделывает»⁴⁵. Интерес русских народников к этому документу не был праздным. Преследовалась совершенно определенная цель — использовать его для пропаганды среди русских крестьян.

Очень большой интерес представляет переделка «Манифеста Парижской Коммуны к сельским работникам», произведенная пропагандистом И. Н. Любимовым⁴⁶. Сопоставим раздельно манифеста, предназначенного для сельского населения Франции, и его варианта, рассчитанного на русского крестьянина.

«Манифест Парижской Коммуны
к сельским работникам»

Изменение текста этого манифеста
И. Н. Любимовым

«Париж требует, чтобы правосудие не стоило больше ничего нуждающимся в нем и чтобы народ сам избирал своих судей из среды местных людей кантона». «Париж хочет, чтобы земля принадлежала крестьянину, капиталы (орудия производства) ремесленнику, труд всем».

«Чтобы правосудие ничего не стоило тем, которые в нем нуждаются, и чтобы народ сам выбирал судей из своей среды».

«Знаете ли, чего в конце концов хотим мы? Чтобы земля принадлежала крестьянину, а орудия труда ремесленнику, чтобы труд стал обязательным для всех».

Эти сопоставления показывают, что все фразы и отдельные слова, относящиеся к французской действительности, опускаются в новом варианте. Мы не найдем в нем и такого утверждения: «Париж требует, чтобы пять миллиардов были уплачены Пруссии депутатами, сенаторами и бонапартистами». Оставлено только то, что могло пригодиться для пропаганды среди крестьян Рос

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 2, д. 2476. Вещественные доказательства по процессу 193-х. Бумаги Н. Н. Черемухина. Рукопись на 8 стр.

⁴⁵ Перевод этого манифеста см. в книге А. Молока «Парижская Коммуна и крестьянство». Л., 1925, стр. 59—65.

⁴⁶ Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества, стр. 126—127.

сии. Так народники использовали опыт европейского революционного движения в русских условиях⁴⁷.

Парижская Коммуна оказала влияние и на передовых русских рабочих-революционеров 70-« годов XIX в. Вспыхнувшая в Париже революция с большим воодушевлением была встречена этими рабочими.

Петербургский рабочий-революционер А. Н. Петерсон в своей автобиографии писал о большом влиянии Парижской Коммуны на формирование взглядов наиболее сознательных рабочих⁴⁸. Такое явление представляется вполне закономерным: в 70-х годах XIX в. русские рабочие еще только выходили на арену политической борьбы, и наиболее развитые из них с усердием изучали опыт пролетарского движения в Европе. Поэтому популярностью пользовалась тогда среди развитых рабочих Петербурга работа Маркса «Гражданская война во Франции»⁴⁹. Активные участники «Южнороссийского союза рабочих» (1875 г.) М. П. Сквери и И. О. Рыбицкий тоже внимательно изучали историю возникновения, деятельности и гибели Коммуны⁵⁰.

Особенно привлекала рабочих идея захвата власти пролетариатом. Об этом они узнавали из подпольных изданий, из бесед с революционными народниками. П. А. Кропоткин рассказывал в одном из петербургских трактиров, как во Франции после франко-прусской войны рабочие Парижа «взяли власть в свои руки и управляли городом», как они самоотверженно боролись с французским буржуазным правительством. Пропагандист подчеркивал, что во время правления рабочих жизнь трудящихся Парижа значительно улучшилась⁵¹.

⁴⁷ Можно предположить, что «Манифест Парижской Коммуны к сельским работникам» был привезен в Россию из Швейцарии П. А. Кропоткиным, где он в 1872 г. близко сдружился с одним из авторов этого манифеста Бенуа Маломом (*П. А. Кропоткин*. Указ. соч., стр. 175—176).

⁴⁸ «Каторга и ссылка», 1924, № 3(10), стр. 226.

⁴⁹ См. «Рабочее движение в России в XIX веке». Сб. документов и материалов, т. II, ч. 1. М., 1950, стр. 443, 450, 459, 469; ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, 1874 г., д. 215, л. 28.

⁵⁰ М. П. Сквери. Первая рабочая социалистическая организация в Одессе. Одесса, 1921. стр. 17, 19.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. ОППС, оп. 1, 1874 г., д. 209, л. 142 об.; показание рабочего С. Андреева от 27 марта 1874 г.

После провозглашения Парижской Коммуны среди передовых рабочих России значительно усилился интерес к деятельности I Интернационала и западноевропейскому революционному движению⁵². Так, С. Н. Халтурин изучал историю Великой французской революции, английские рабочие союзы, современное ему европейское движение пролетариата. В. П. Обнорский трижды в 1870-х годах нелегально ездил в Европу, где основательно познакомился с зарубежным социалистическим движением. В 1874—1875 г. побывали за границей и петербургские рабочие С. Виноградов и К. Иванайнен. В Цюрихе они сблизились с основателем Швейцарской секции I Интернационала Г. Грейлихом.

Влияние международного социалистического движения сказалось и на программных документах первых пролетарских организаций в России. Ряд пунктов устава «Южнороссийского союза рабочих» повторяет уставы I Интернационала и его центральной Женевской секции. Программа «Северного союза русских рабочих» усиленно подчеркивала идею международной солидарности пролетариата: «Наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов — и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдём мы вперед и в братском единении сольёмся в одну грозную боевую силу»⁵³.

Особое место в распространении интернациональных идей в России занимала Одесса. Жандармы даже считали, что в этом городе существуют отделы Интернационала. Теперь стал широко известен курьезный случай, когда в 1871 г. в Одессе арестовали английского купца Маркса, полагая, что это организатор Интернационала Карл Маркс⁵⁴.

12 февраля 1874 г. начальник жандармского Одесского управления подполковник Кнопп сообщил местному градоначальнику: «Прошлого 30 января прибыл в Россию через Волочиск и направился в Одессу, на бутылочную фабрику, командовавший дивизионом во вре-

я восстания парижских коммунистов и приговоренный к смертной казни французский подданный Монтель». Жандармский начальник потребовал разыскать этого французского коммунара и информировать о месте его жительства⁵⁵.

Получив дополнительную информацию, подполковник Кнопп 8 апреля довел об этом до сведения градоначальника. Выяснилось, что Монтель был приглашен из Франции не один, а вместе с двадцатью другими французами французским предпринимателем Дельпешем на устраиваемую им бутылочную фабрику. Прибывшие проживают на Екатерининской улице; они, по словам Кноппа, «не скрывают, что все участвовали в парижском коммунистическом движении»⁵⁶. 10 мая 1874 г. одесский полицмейстер представил градоначальнику список, насчитывающий 31 иностранца, служащих на фабрике Дельпеша. Первым в списке значился Жозеф Монтель, 44 лет, французскоподданный. В графе «по какому документу проживает» было записано: «От префекта парижской полиции от 2 февраля за № 305...» Почти все остальные прибыли в Одессу из Бордо⁵⁷.

Можно ли полностью доверять этим жандармским документам? Следует ли полагать, что все прибывшие в Одессу французы были участниками «парижского коммунистического движения», т. е. Парижской Коммуны 1871 г.? Весьма сомнительно, чтобы это было так. Сам же факт весьма характерен. Он свидетельствует о том, как боялись жандармские власти сближения русских рабочих с участниками революционного движения в Европе.

Влияние Коммуны на формирование интернациональных взглядов русских революционеров ярко выразилось на митинге рабочих и революционной интеллигенции Одессы 18 марта 1878 г.— в годовщину провозглашения Парижской Коммуны. Это событие явилось результатом интереса революционного подполья к международному социалистическому движению. В конце

⁵² О. Д. Соколов. На заре рабочего движения в России. М., 1963, стр. 74—79.

⁵³ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, стр. 242.

⁵⁴ Б. С. Итенберг. Первый Интернационал и революционная Россия, М., 1984, стр. 191—192.

⁵⁵ А. Бачинский. Паризьки комунари в Одея.— «Науково-шформацийний бюлетень архівного управління УРСР», № 2(40). Кшв, 1960, стор. 57.

⁵⁶ Там же, стор. 58.

⁵⁷ Там же, стор. 60—61.

1877 — начале 1878 г. среди заводских и типографских рабочих Одессы возник нелегальный кружок, в котором изучались положение пролетариата в Европе, история революции 1848 г., Парижская Коммуна 1871 г., популярные основы экономического учения Маркса. Эти рабочие и поддержали предложение пропагандиста С. Е. Лиона («Касьяна») отметить юбилей революции 18 марта⁵⁸.

Многочисленное собрание проходило вечером. Открыл митинг рабочий, обратившийся к собравшимся с такими словами: «Как-то чувствуешь себя бодрее, когда видишь, что ты не один, что есть много людей, сочувствующих твоему делу». Затем был заслушан доклад о возникновении, деятельности, причинах падения и историческом значении революции 1871 г. «Парижская Коммуна, — отметил докладчик, — представляет первое революционное движение, где народ выступил самостоятельно и с полным сознанием, чтобы свергнуть гнетущий порядок»⁵⁹. Далее оратор заявил, что Коммуна активизировала работу Интернационала, способствовала усилению революционного движения в России, где сказалось значительное влияние Международного товарищества рабочих. Большое внимание собравшихся привлек рассказ о том, как «рабочие держали в своих руках в продолжение двух месяцев» столицу Франции, как целую неделю мужественно сражались в Париже коммунары, отстаивая до последней капли крови каждую улицу, каждый квартал, каждый дом.

На митинге были прочитаны два реферата из истории революционного движения в России: один — о «Гайдамачине», другой — о современном движении социалистов. В последнем докладе было отмечено — социалисты России поняли, что нельзя «действовать только одной нравственной силой», нужно бороться за человеческие права, которые попираются произволом «варварского правительства». Такая борьба началась. Произошло вооруженное сопротивление в Одессе, покушение Веры Засулич на петербургского градоначальника Трепова, который издевался над политическими заключенны-

ми. Заканчивая, оратор предложил тост в честь В. И. Засулич, который был принят восторженно.

Один из выступавших посвятил свою речь защите дела Коммуны от клеветнических нападок буржуазии. Собравшись здесь праздновать день провозглашения Парижской Коммуны, заявил он, «мы этим самым не только выражаем свое сочувствие тому делу, за которое шли ее борцы, но вместе с тем свой горячий протест против грязной клеветы, которой осыпала их европейская буржуазия»⁶⁰.

Так русские революционеры, Верные долгу международной солидарности, продолжали стойко защищать дело первой пролетарской революции.

В конце митинга был единогласно принят адрес русских рабочих к французским: «Одесские рабочие, собравшись на сходку в достопамятный день провозглашения Коммуны, шлют вам, французские рабочие, свой пламенный братский привет. Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся, против эксплуататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока у нас идет глухая неравная борьба, в которой гибнут медленной мучительной смертью, в тюрьмах и каторге наши лучшие люди, эти мужественные застрельщики святого дела народного освобождения... Вы правы были, когда в 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за все человечество. Да! Интересы всех народов так тесно связаны между собою, что торжество народа в одной стране немедленно повлечет за собою торжество народа во всем мире... Французские рабочие! Когда наступит время и вы снова подымете красное знамя социальной революции, то пусть одушевляет вас то же самое героическое мужество и горячая любовь к человечеству, какие одушевляли борцов 1871 г.; но пусть, для блага всего человечества, победа увенчает на этот раз ваши многолетние труды!»⁶¹

⁵⁸ С. Е. Лион. От пропаганды к террору (из одесских воспоминаний семидесятника). — «Каторга и ссылка», 1924, № 5(12), стр. 17—18.

⁵⁹ «Община», 1878, № 3—4, стр. 4.

Приведенный адрес весьма симптоматичен; он свидетельствует, что уже в 70-х годах XIX в. передовые рабочие России прониклись глубоким чувством интернационализма и классовой пролетарской солидарности.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

В конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. революционную борьбу с царизмом в России возглавили народолюбцы. Их самоотверженная деятельность приковала внимание передовых людей России и Европы. Случилось так, что кульминация движения народолюбцев — казнь царя Александра II — совпала с десятилетием Парижской Коммуны. Появились сравнения: 1871 г. — революционный Париж; 1881 г. — революционный Петербург. Но об этом еще впереди...

В декабре 1879 г. в Париж из России прибыл народолюбец Л. Н. Гартман, принимавший вместе с С. Л. Перовской участие в подготовке взрыва императорского поезда под Москвой. Узнав, что Гартман находится в Париже, русское правительство потребовало его выдачи. 23 января 1880 г. Гартман был арестован французской полицией. За его спасение взялся Лавров, организовавший кампанию в защиту Гартмана. В ней приняли участие французские радикалы, социалисты, писатели. Поднял голос протеста и В. Гюго. Правительство Франции вынуждено было отказать России в выдаче русского революционера. 23 февраля префект парижской полиции передал Гартмана Лаврову. Через несколько часов освобожденный узник в сопровождении С. Л. Клячко выехал в Лондон с рекомендательным письмом Лаврова к Марксу.

Спустя месяц Маркс получил от прибывшего в Лондон Гартмана письмо:

«Глубокоуважаемый г-н Маркс!

Имею честь переслать Вам в этом письме записочку от моего друга г-на П. Лаврова. Я был бы чрезвычайно рад получить разрешение посетить Вас и приветствовать великого учителя социальных наук.

С величайшим уважением Л. Гартман»⁶².

⁶² «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия» М., 1967, стр. 399.

Такое разрешение было получено. Больше того — в честь русского революционера был устроен банкет, на котором Маркс и Энгельс пили с Гартманом на брудершафт⁶³. Летом 1880 г. Маркс и Энгельс дружелюбно принимали Гартмана, иногда и сами заходили к нему⁶⁴.

Об установившихся отношениях основоположников научного коммунизма с русским революционером было известно Лаврову. 22 июня 1880 г. он писал из Парижа Марксу:

«Дорогой друг!

Позвольте мне горячо рекомендовать Вам друга Гартмана — *г-на Клячко*, который сопровождал Гартмана в Англию, когда последний уезжал из Франции. Он, вероятно, будет говорить с Вами о деле, которое живо интересует наших эмигрантов и относительно которого именно Вы можете дать наилучший совет»⁶⁵.

Так первый переводчик работы Маркса «Гражданская война во Франции» почти через десять лет после выхода русского издания этой книги встретился с ее автором. Трудно определенно сказать, о каком деле просил совета С. Л. Клячко у Маркса. Можно лишь предполагать, что речь шла о вопросах революционной борьбы, о контактах русской эмиграции с революционным подпольем России. Для нас очень важна и другая часть письма Лаврова к Марксу: «В тот самый момент, как я пишу Вам, утренние газеты сообщают о полной амнистии, принятой вчера палатой. Поздравьте от меня Лонге, Лиссагаре и всех тех еще неамнистированных коммунаров, с которыми я имел случай познакомиться в Лондоне»⁶⁶.

Об амнистии Лавров решил рассказать и революционерам в России в статье, которую заказали ему для газеты «Народная воля». В августе им был написан довольно большой очерк «Положение дел во Франции», по неизвестным нам причинам не появившийся на страницах органа народолюбцев. В архиве Лаврова отложился автограф этой статьи⁶⁷.

⁶³ В. И. Иохельсон. Из переписки с Лавровым. — «Былое», 1923, № 21, стр. 150.

⁶⁴ С. С. Волк. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и «Народная воля». —*» В сб.: «Общественное движение в пореформенной России». М.,

1965, стр. 49.

⁶⁵ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 406.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 2, д. 80, лл. 1—29.

Очерк «Положение дел во Франции» особенно убедительно показывает активизацию французского пролетариата. В этой связи значительно изменилось отношение к Парижской Коммуне. В радикальных и даже в некоторых либеральных журналах стали появляться статьи, в которых осуждались действия палачей Коммуны. Так, после «грозного разгрома Коммуны», после подавления любых требований социального переустройства, «всякого сочувственного отношения к борцам 1871 года», произошло «возрождение» социалистических требований. В таких условиях была объявлена амнистия коммунарам. «Как ни старались ораторы палаты,— писал Лавров,— провести черту между „прощением“, которое должна была принести коммунарам амнистия, и „реабилитацией“ Коммуны, „прославлением“ Коммуны, но массы никогда не понимают этого различия; и когда публика всех больших городов Франции аплодировала речам в пользу амнистии, когда она тысячами и десятками тысяч сходилась встречать бледных, поседевших, изболевших борцов 1871 г. при их возвращении, она понимала эти речи и это возвращение именно как „реабилитацию“, именно как „прославление“ Коммуны».

Весной 1881 г. находившиеся в Лондоне политические эмигранты начали готовиться к десятилетнему юбилею Парижской Коммуны. Гартман, получив приглашение на банкет, посвященный памяти Коммуны, решил произнести на нем приветственное слово от имени русских революционеров на французском языке, но знал его плохо. Написав текст на русском языке, он просил Лаврова «просмотреть, исправить, дополнить» и перевести на французский язык. Банкет должен был состояться 18 марта, поэтому Гартман просил Лаврова прислать из Парижа исправленный текст к утру 17 марта— «я разжую, выучу и скажу. Так как это будет собрание, то нет надобности опасаться разных вопросов, которые при незнании французского языка меня могли бы затруднить»⁶⁸.

Перед нами текст речи, отправленный Лаврову. Гартман начинал свое выступление с выражения симпатий деятелям «великой Коммуны», давшим миру уроки борьбы за права угнетенных. Он указывал далее, что социа-

листы всех стран должны составить одну семью что они, русские социалисты, переживают вместе с другими социалистами радость воспоминаний о Парижской Коммуне. «Французский народ,—указывал Гартман,— всегда стоял впереди цивилизации, он был коноводом мира а пути прогресса. Его великие революции указали миру принципы равенства, братства и свободы». Русские революционеры многим обязаны французскому народу, минувшим революциям во Франции, деятелям Коммуны! Революционеры России воспринимают дело Коммуны как свое собственное, близкое дело. «Воплощение в жизнь принципов Коммуны, вот наша цель, вот наш идеал. Достигнем ли мы его сразу или постепенно— другой вопрос». За этот идеал самоотверженно борются русские социалисты, «за него они погибают и, мучимые пытками инквизиции, призывают своих товарищей на бой, бой с врагами свободы, равенства и братства»,— заканчивал свою речь Гартман⁶⁹.

21 марта 1881 г. в Лондоне состоялся митинг славян, посвященный Парижской Коммуне. За неделю до его открытия один из его организаторов, Г. Сапер, писал из Лондона Лаврову, что на этом митинге будет основан клуб славян и что в митинге примут участие Маркс и Энгельс⁷⁰.

Собрались русские и поляки, чехи и сербы. Председателем был Гартман. Маркс и Энгельс не смогли присутствовать на этом митинге. На имя его председателя они прислали приветствие. В нем основоположники научного коммунизма рассмотрели революцию 18 марта в связи с современными событиями. Их взор обратился прежде всего к Петербургу, где по приговору Исполнительного комитета «Народной воли» был казнен Александр II. Когда после «свирепой бойни» пала Парижская Коммуна, победители не могли предполагать, «что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны»⁷¹.

⁶⁹ Там же, лл. 133—134 об.

⁷⁰ Там же, п. 400, л. 6; письмо Г. Сапера Лаврову от 13 марта 1881 г.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 252.

Отметив далее рост международного социалистического движения в странах Европы и Америки, укрепление солидарности рабочих всего мира, направивших свои усилия против общего врага, Маркс и Энгельс пришли к выводу: «Итак, Коммуна, которую державы старого мира считали стертой с лица земли,— жива! Она стала сильнее, чем когда бы то ни было, и мы можем вместе с вами воскликнуть: Да здравствует Коммуна!»⁷².

В Париже в десятую годовщину Коммуны с речью выступил Лавров. В архиве Лаврова отложился автограф этой речи. Содержание ее весьма характерно для того времени — Парижская Коммуна и казнь народо-вольцами Александра II находятся в центре внимания: «Тону 10 лет парижский пролетариат поставил определенную задачу своего освобождения, впервые развернул пред нами знамя своей революции. Тому несколько дней русские террористы доказали фактически самодержавной монархии, что она бессильна против самоотверженной энергии небольшой, горсти молодежи,..»⁷³

-1 Между этими событиями, отражающими стремление к коренному социальному переустройству, имеются принципиальные различия. Парижская Коммуна была разгромлена, но ее красное знамя развеивается над миром: «Придет время, когда под него встанут все трудящиеся, все развитое человечество». Гибель же русского царя «есть лишь небольшой, едва заметный эпизод в долгой борьбе социализма с современными экономическими и политическими формами». Эта борьба трудна и кровопролитна. Истекают кровью десятки тысяч вооруженных борцов, сотни тысяч заключенных томятся в тюрьмах и ссылках. Опыт борьбы позволяет социалистам сделать важные выводы. Впредь нельзя допускать таких временных побед, как победа версальцев над коммунарами. Поэтому социалисты всех стран «должны сомкнуться в организованную силу». В будущем желательно избегать «единичных и случайных жертв». Социализм борется не против отдельных личностей, а «против целого строя». Гильотина социализма «отсечет голову не одному Людовику XVI, а всему современному государ-

ству; его разрывная бомба разнесет на части не какого-нибудь жалкого Александра II, а весь капиталистический мир с его банками и биржами, с его всемирной спекуляцией...» Лавров призывал общими силами «подготавливать это великое будущее»: сеять идеи социализма, организовывать силы социалистов для борьбы, «снаряжать те могучие бомбы», разрывы которых завершатся не единичной казнью, а «всемирной исторической катастрофой, социальной революцией»⁷⁴.

«Великое будущее» приближалось. Рабочий класс России сплывал свои ряды, усиливал натиск против буржуазии и самодержавия, становился гегемоном революционной борьбы. В стране поднималась волна крестьянского движения. В России назревала революция.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 253.

⁷³ ЦГАОР СССР, ф. П. Л. Лаврова, оп. 1, д. 2, л. 31.

Первая буржуазно-демократическая революция в России, ознаменовавшаяся активным участием в ней широких народных масс, вооруженной борьбой, бурным накалом политических страстей, подняла целый комплекс программных и тактических проблем. Характер и движущие силы революции, вооруженное восстание, диктатура пролетариата, временное революционное правительство — все это и многое другое стало предметом теоретического осмысления и практического решения. Естественно, что для определения правильного курса революции в России важно было учитывать и опыт революций в Европе — Великую французскую революцию конца XVIII в., революцию 1848 г., Парижскую Коммуну¹.

Историю международного социалистического движения глубоко изучал и хорошо знал Ленин. Среди крупнейших европейских революционных событий его внимание особенно привлекала Парижская Коммуна...

НАКАНУНЕ

Летом 1895 г. Ленин приехал в Париж. В городе продолжала поддерживаться традиция: в одно из воскресений второй половины мая трудящиеся устраивали массовое шествие на кладбище Пер-Лашез. Передовые люди Франции ежегодно чтили память расстрелянных

коммунаров. В 1895 г. такое шествие состоялось 26 мая Ленина тогда в Париже еще не было. Он приехал в начале июня и один отправился к стене коммунаров. Возможно, что это посещение побудило его основательнее познакомиться с историей революции 18 марта 1871 г. По свидетельству известного французского писателя и публициста Жана Фревиля, первыми книгами, которые заинтересовали тогда Владимира Ильича, были труды участников революции 18 марта Г. Лефрансэ и П. Лиссагарэ о Парижской Коммуне².

В июне 1895 г. Ленин принялся за конспектирование книги Густава Лефрансэ «Очерк движения парижских коммунаров в 1871 году». Эжен Потье посвятил автору этой книги свой «Интернационал». Она была написана в Швейцарии через два месяца после падения Коммуны и представляла собой одну из первых серьезных работ по истории революции 18 марта 1871 г. Ленин проконспектировал лишь первую часть книги, в которой рисуются события, предшествующие провозглашению Коммуны. В центре внимания — Интернационал и буржуазные республиканцы, их взаимоотношения и борьба за политическое господство. В конспекте фиксируется, что деятельность Интернационала во Франции достигает большого успеха, активизируются народные собрания. «Выборы 1869 года так усиливают республиканцев (благодаря в значительной мере Интернационали), что правительство ужасается. Процесс против Интернационали. Осуждение на 2 месяца — 2 года тюрьмы.

Становится очевидным, что Империи необходима война с Германией!», — записывает Ленин³.

Далее оценивается отношение к войне парижских членов Интернационала и республиканцев. Первые выступают с манифестом против войны и заявляют о своей солидарности с немецкими рабочими. Республиканцы же «держат себя уклончиво, поддаваясь шовинизму, подогреваемому Наполеоном». Война быстро сказывается на социальном движении — «победы пруссаков возбуждают Париж против Империи»⁴.

² Ж. Фревилль. Ленин в Париже. Перев. с франц. М., 1969, стр. 43.

³ В. И. Ленин. Заметка о книгах парижских коммунаров. — «Иностранная литература», 1957, № 4, стр. 9.

⁴ Там же.

¹ Ленин писал, что «во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871 годом (а начата в 1789 г.)» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 19, стр. 247).

Подробно отражено в конспекте Ленина возникновение революции 4 сентября 1870 г.—нарастание народного протеста, действия членов Интернационала, растерянность парижской буржуазии. «Толпа ворвалась во дворец, собрание было объявлено распущенным, и это лишение полномочий было провозглашено под крики: „Да здравствует республика!“»⁵. В это время члены Интернационала решают ограничиться лишь контролем над правительством, которое проявляет «полную неспособность», ничего не предпринимает для обороны Парижа, пресмыкается перед иностранными дворами, обращается к Бисмарку.

Восстанавливая по Лефрансэ ход революционных событий, Ленин не удерживается и от критических замечаний в адрес автора. Он пишет, что Лефрансэ предаётся «розовым мечтам» о возможности объединения рабочих и буржуа «общей идеей спасения отечества».

Много места уделяется в конспекте возникновению и деятельности ЦК национальной гвардии, оценке буржуазных политических деятелей — Гамбетты, Луи Блана, Ледрю-Роллена. Анализируя события 31 октября 1870 г., Ленин отмечает, что одной из причин неудачи этого восстания явилось «отсутствие всякого руководства со стороны Интернационали»⁶.

В сентябре 1895 г. Ленин возвращается в Петербург. Под его руководством создается «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз борьбы», крупные стачечные выступления середины 1890-х годов положили начало качественному сдвигу в развитии рабочего движения и интернациональных стремлений российского пролетариата, что ярко проявилось в связи с двадцатипятилетием провозглашения Парижской Коммуны: Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и Московский «Рабочий союз» выпустили листовки, посвященные знаменательному событию. Они в 1896 г. были опубликованы в журнале «Работник».

Основным мотивом, прозвучавшим в документах, явилось самоутверждение пролетариата России как самостоятельной силы, способной своей борьбой оказать

поддержку рабочему классу Западной Европы. В предисловии к публикации это очень определенно выразил Плеханов: «Новая революционная, рабочая Россия становится на сторону революционеров всех стран. Печатаемые в нашем сборнике адреса петербургских и московских рабочих к французским пролетариям по поводу Парижской Коммуны 1871 года как нельзя более ясно показывают, что именно только в лице рабочих русский народ мог впервые войти в семью образованных наций в качестве младшего брата, умеющего горячо сочувствовать всем радостям и всем горестям, всем победам и всем поражениям своих старших братьев»⁷.

Адрес петербургских рабочих к французским прямо подчеркивал, что прошло то время, когда «до слуха европейских народов» доносилась лишь «заунывная песнь русского крестьянина», что теперь, в двадцатипятилетнюю «годовщину дня, дорогого для социалистов всех стран», из России, находящейся под ярмом деспотизма, доносится голос пролетариата.

Как бы развивая эту мысль, рабочие Москвы обрисовали французским рабочим процесс формирования пролетариата России. Они писали о том, что с 1861 г. страна все теснее и теснее сближалась с европейскими странами. Под влиянием капитализма в ней разрушались вековые устои, пролетариат проникался «классовым самосознанием».

Суров, труден, но неумолим был путь его борьбы. «Пусть знает французский рабочий,— говорилось в листовке петербургских рабочих,— что за затворами царской тюрьмы бьется в тисках свободолюбивая мысль русского пролетария... Истекший год беспримерен в летописях русской истории по количеству стачек и других проявлений классовой борьбы, беспримерен он также и по числу жертв, понесенных русской социал-демократией»⁸.

Движение рабочих продолжает набирать силы: «Мы смело можем заявить нашим товарищам во Франции, что русскому рабочему движению положено прочное ос-

⁵ В. И. Ленин. Заметка о книгах парижских коммунаров.—«Иностранная литература», 1957, № 4, стр. 11.

⁶ Там же, стр. 16.

⁷ «Работник», № 142. Женева, 1896, стр. XIII.

«Рабочее движение в России в XIX в.», т. IV, ч. I. М., 1961, стр. 203—204.

нование, и никакая сила в мире не в состоянии задержать его поступательного хода»⁹. Залогом победы является научный социализм, под знамя которого встал рабочий класс России.

Судьбу пролетариата России связывали с учением Маркса и Энгельса и рабочие Москвы. Они писали, что Парижская Коммуна удивила своим геройством весь мир, вызвала сочувствие пролетариата всех стран. Но тогда ее воздействие в России не могло должным образом сказаться, так как страна только вступила на путь капиталистического производства. Теперь дело изменилось. И это доказывают приводимые в листовке слова Энгельса, относящиеся к 1893 г.: «Нет страны, нет такого великого государства, где социал-демократия не была бы силой, с которой все должны считаться»¹⁰.

Листовка Московского «Рабочего союза» заканчивалась словами, проникнутыми интернациональной солидарностью. «Русские рабочие, поднявши старое революционное знамя, обогренье кровью стольких мучеников из их среды и геройской интеллигенции, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее красное знамя пролетариата всего мира. Они горды сознанием, что первый бастион европейской реакции, который предстоит взять пролетариату всех стран — царизм, — должен быть ими разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немислима победа всего пролетариата, должен быть ими свергнут.

Пусть рабочие Франции будут уверены, что в тот момент, когда призыв революции раздастся со стороны рабочих Запада, русские рабочие откликнутся, чтобы принести ей свою посильную помощь.

Мы питаем надежду, что недалеко та минута, когда будут разорваны окопы абсолютизма и русский пролетариат сможет открыто выступить на арену всемирной истории.

Да здравствует рабочая революция, славной предвестницей которой была Коммуна 1871 г.!

Да здравствуют рабочие Франции, впервые выступившие в истории как самостоятельный класс за свои

собственные интересы в 1831 г., защищавшие их героически на баррикадах в июне 1848 г. и явившиеся пионерами нового общества 18 марта 1871 г.!»¹¹

Так в России передовые рабочие откликнулись на двадцатипятилетний юбилей Парижской Коммуны.

Кончался XIX в. Наступало новое столетие, возникали новые проблемы, обострялась социальная борьба, в России назревала революция.

Нас же исследуемая тема заставляет вновь возвратиться в Европу, в среду русской политической эмиграции. Здесь с 1900 г. находился Ленин — газета «Искра», II съезд партии, борьба с меньшевиками. Ленин жил в Цюрихе, Мюнхене, Лондоне. В 1903 г. он переехал в Женеву.

В Женеве на авеню дю Май, в доме № 4 располагалась кафе «Хандверк». В нем имелся большой зал и сад «Алямбра». Здесь часто собирались представители интернациональной эмиграции, выступали Г. В. Плеханов, А. В. Луначарский, В. В. Боровский¹². 9(22) марта 1904 г. в зал «Хандверк» пришли русские политические эмигранты, чтобы заслушать доклад Ленина, посвященный годовщине Коммуны. Ленин не писал текста этого выступления, но сохранился его конспект, составленный на основе берлинского издания 1891 г. «Гражданской войны во Франции» Маркса. Привлек Ленин и другие работы: П. Лиссагарэ «История Коммуны 1871 года», Ж. Вейль «История социального движения во Франции (1852—1902)».

Ленин начал доклад с раскрытия тезиса «Чествование величайшего рабочего восстания 19 века». Тогда, в канун революции в России, важно было отметить рабочее восстание. Именно подготовка и проведение восстания рабочих России — одна из центральных задач назревавшей борьбы.

Затем были раскрыты история деятельности Коммуны: отделение церкви от государства, экспроприация церковного имущества, введение бесплатного народного образования, уничтожение постоянной армии. Говорилось в докладе и об ошибках — «не взяли банка, не по-

¹¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. IV, ч. 1, стр. 339—340.

¹² А. С. Кудрявцева, Л. Л. Муравьева, И. И. Сиволоп-Кафтанова. Ленин в Женеве. Женевские адреса Ленина. М., 1967, стр. 168.

⁹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. IV, ч. 1, стр. 204.

¹⁰ Там же, стр. 338; см. К-Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 427

шли на Версаль», критиковались прудонисты и бланкисты, указывалось на *«увлечение националистической и революционной фразой»*.

Ленин особенно настоятельно отмечал, что революция 18 марта создала «правительство рабочего класса», которое должно было разрушить буржуазную государственную машину: «уничтожение бюрократизма», «выборность и сменяемость всех чиновников»...¹³ Так представляется доклад Ленина по его конспекту.

А вот впечатления одной из тех, кто его тогда слушал, — Марии Эссен: «Ленин говорил о Коммуне, и мы ощутили ее могучее дыхание, ее пафос, ее трагедию, ее мировое значение. Парижская Коммуна встала перед нами, как сверкающая заря новой жизни,... мы увидели героический рабочий класс, взявший на себя защиту отечества и задачу построения государства на новых началах. Ленин показал все трудности выполнения этих задач, вскрыл все противоречия, ошибки Коммуны, рассказал о ее гибели. Я до сих пор помню эту речь и тот энтузиазм, какой она вызвала. Из всей речи Ленина, такой вдохновенной и огненной, стало ясно, что Парижская Коммуна — не только героический эпизод истории, показывающий силу и мощь рабочего класса, но и вдохновляющий пример для нас»¹⁴.

«ТОЛКАТЬ БУРЖУАЗНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ КАК МОЖНО ДАЛЬШЕ...»

Спустя год, 5(18) марта 1905 г., в том же зале «Хандверк» Ленин вновь выступил с докладом о Коммуне. В России в это время (после 9 января) продолжала развиваться революция, оказавшая влияние на характер ленинского выступления. Сохранившийся «План чтения о Коммуне» позволит в какой-то мере проследить это влияние. Ленин в начале дает подробный исторический очерк революции 18 марта: рост пролетариата после революции 1848 г., деятельность Интернационала, авантюризм Наполеона III, провозглашение республики 4 сентября 1870 г., Национальное собрание.

Для нас особый интерес представляет шестой тезис плана — «Провоцирование Парижа: назначение монархических послдов; отнятие „30 су“ у солдат национальной гвардии; в Париже префект полиции Валентэн, начальник национальной гвардии д'Орель де Паладин и др. (Трепов и Васильчиков!!); перенесение Национального собрания в Версаль; подавление республиканских газет и т. д. Стремление свалить расходы войны на бедных (S.35)»¹⁵.

«S.35» — это страница 35 немецкого издания 1891 г. работы Маркса «Гражданская война во Франции». Тезис и составлен по этой работе. В нем, кроме того, упоминаются две русские фамилии — «Трепов и Васильчиков». Они, разумеется, попали в конспект Ленина не из «Гражданской войны во Франции» Маркса, а из гражданской войны в России. Д. Ф. Трепов — петербургский генерал-губернатор, С. И. Васильчиков — князь и генерал. И тот и другой «отличились» в первые дни революции 1905 г.: руководили разгромом революционного движения.

Какие подробности мог сообщить Ленин об этих царских сатрапах? Докладчик был хорошо осведомлен о «деятельности» Трепова. 7 февраля (25 января) 1905 г. Ленин опубликовал в № 5 «Вперед» статью «Трепов хозяйничает», в которой писал: «Во вторник генерал-губернатором Петербурга с диктаторскими полномочиями был назначен Трепов, один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках развращения рабочих»¹⁶.

Ленин узнал из английских газет и о роли князя Васильчикова в подавлении революции. В связи с этим он намеревался дать дополнение к своей статье «План петербургского сражения», опубликованной в № 4 «Вперед». Сохранился текст этого дополнения: «Великий князь Владимир назначил командующим действующей армией генерала князя Васильчикова. Вся столица была поделена на участки между офицерами. Царь играл в войну совершенно серьезно, как будто бы он

¹³ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 8, стр. 483—487.

¹⁴ М. Эссен. Встречи с Лениным. — В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., 1956, стр. 249.

¹⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 9, стр. 329.

¹⁶ Там же, стр. 238.

находился перед нашествием вооруженного неприятеля»¹⁷.

Так Ленин в своем докладе о Коммуне сопоставил душителей революционного Парижа (по словам Маркса, Валентэн — «бонапартийский жандарм», а д'Орель де Паладин — «генерал-иезуит») с контрреволюционными русскими генералами.

В конце рассказа о Коммуне Ленин говорил об уроках, которые должны извлечь революционеры Франции и России. Главный урок — не верить буржуазии: «...Буржуазия пойдет *на все*. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы». Нужно рассчитывать на «самостоятельную организацию пролетариата», на классовую борьбу, на размах гражданской войны. «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении», — делал вывод Ленин¹⁸.

Начало революции в России поставило важный вопрос: завершится ли революция полным свержением самодержавия и установлением республики, или дело ограничится монархической конституцией. Другими словами, какого типа революция произойдет: 1789 или 1848 г.? Над этим вопросом много размышляли тогда социал-демократы и в самой России и в эмиграции. Он, естественно, встал и перед Лениным. Ленин рассмотрел все «за» и «против». Среди основных причин, которые будут способствовать углублению революции, он отмечал: «У нас развитие сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 годах»¹⁹. Но это, казалось бы, стимулирующее развитие революционной борьбы явление превращается в свою противоположность: «Антагонизм пролетариата и буржуазии у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 г., поэтому буржуазия будет больше бояться *пролетарской* революции и скорее бросятся в объятия реакции»²⁰.

Ленин приходил к выводу, что только история сможет учесть все плюсы и минусы движения. Задача же социал-демократов состоит в том, чтобы «толкать бур-

жуазную революцию как можно дальше, никогда не забывая *главного* нашего дела: самостоятельной организации пролетариата»²¹.

Собравшийся в Лондоне в мае 1905 г. III съезд РСДРП со всей определенностью высказался о характере и движущих силах революции в России, о роли и значении временного революционного правительства. Главной задачей партии была признана подготовка вооруженного восстания. Меньшевики же на своей женевской конференции заявляли, что восстание может отпугнуть буржуазия. Вместо временного революционного правительства они предлагали создание «революционных коммун», не давая себе отчета в том, что они будут представлять собой в условиях России. Ленин в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», критикуя меньшевиков за революционную фразу, писал: «Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделяться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий». Далее Деини — отмечая; «Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об *этой* „революционной коммуне“, упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило французского банка и т. д.»²²

Между тем революция в России продолжалась. Рабочий класс нуждался в изучении опыта пролетарской борьбы. Издаваемые под руководством Ленина в Женеве большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий» знакомили своих читателей с тем, как сражался пролетариат против своих поработителей в странах Западной Европы. Назначение таких материалов удачно определил А. В. Луначарский в «Очерках из истории революционной борьбы европейского пролетариата», опубликовавшихся в этих газетах и вышедших затем от-

¹⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 9, стр. 215.

¹⁸ Там же, стр. 330.

¹⁹ Там же, стр. 381.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 11, стр. 69—70,

дельным изданием²³. «... Здесь мы хотели,— писал Луначарский,— лишь дать ряд очерков непосредственной борьбы на улицах, борьбы именно пролетариата. В какую форму отливало революционное настроение рабочих масс в эпоху революционного брожения? Что обуславливало собою успехи отдельных актов революционной борьбы? Что приводило к поражению революционного пролетариата? — вот вопросы, ответом на которые мы постараемся способствовать нашими очерками. В настоящее время, когда закипело стоячее русское море, когда время призывает пролетариат к огромной боевой роли, распространение знакомства с практической стороной революционной борьбы далеко не будет излишним»²⁴.

Знакомство с «практической стороной революционной борьбы» начиналось с Великой французской революции, когда народ взял Бастилию, одержал победу «над тиранией» Людовика XVI. Но французскому королю и «не снилось пролить столько крови народной, сколько пролил ее наш слабоумный Николай II в одно Кресное Воскресенье»²⁵. Вывод был ясен: нужно помнить слова Бабефа о необходимости террора, который займет свое место и в русской революции. Это будет террор не против отдельных представителей власти, а «общенародный» террор — в нем русские пролетарии выступят «сознательными бойцами». Они не пойдут по пути Бабефа, считавшего, «будто можно сразу организовать коммунистический строй». Пролетариат России будет бороться за установление вначале демократической республики, которая лишь «расчистит путь для дальнейшей борьбы против буржуазии за социализм»²⁶.

Опыт революции 1789 г. показал, что французское крестьянство добивалось получения земли в свое полное распоряжение. К этому будут стремиться и крестьяне России. Социал-демократия должна поддержать такое требование. Отсюда лозунг: «С крестьянами собственниками против правительства и помещичьей эк-

сплуатации! С сельским пролетариатом против крестьянина собственника!»²⁷.

Таким образом, история Французской революции конца XVIII в. показывает, что если парижский пролетариат, несмотря на недостаточную зрелость, проявил себя «вождем и героем» в решительные дни борьбы, то еще активнее покажет себя «несравненно более сознательный русский пролетариат»²⁸.

«Очерки» советовали учесть опыт и революции 1848 г. в Европе. В них содержалось предостережение против попытки радикальной буржуазии (программа «Реформы») подчинить своему влиянию рабочий класс. Оно было направлено против производительных ассоциаций, которые должны были, по мнению буржуазных идеологов, улучшить экономическое положение трудящихся. В действительности это было «лживой идеализацией современного общества, в котором будто бы мыслимы все эти реформы без коренного крушения его основных устоев»²⁹. Между тем роли ассоциаций не понимали не только основная масса рабочих, но и их руководители. Не было тогда и партии, которая могла бы усвоить и осуществить основные задачи борьбы.

23 (10) марта 1905 г. во «Вперед» были опубликованы воспоминания известного члена Парижской Коммуны Густава Поля Клузере. 3 апреля 1871 г. Клузере был назначен военным министром Коммуны. Затем за сдачу форта Исси его сместили, арестовали, но суд его оправдал. После падения Коммуны Клузере эмигрировал. После амнистии он возвратился во Францию и в 1887 г. издал два тома своих мемуаров. Газета поместила перевод той их части, в которой говорилось о действиях восставших горожан. Статья так и называлась: «Об уличной борьбе (Советы генерала Коммуны)».

Текст перевода этой статьи был переписан Н. К. Крупской и затем отредактирован Лениным³⁰. Лениным же от имени редакции было написано краткое предисловие, в котором излагались мотивы публикации документа —

²³ В. И. Ленин высоко ценил эту работу А. В. Луначарского (см. *В. И. Ленин*. Поли. собр. соч., т. 47, стр. 51, 62—63).

²⁴ *А. В. Луначарский*. Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата. Издание Центр, к-та РСДРП. Женева, 1905, стр. 1.

²⁵ Там же, стр. 10.

²⁶ Там же, стр. 9—10.

²⁷ Там же, стр. 17.

²⁸ Там же, стр. 23.

²⁹ «Пролетарий», 10 октября (27 сентября) 1905 г., № 20.

³⁰ См. «Ленинский сборник», т. XXVI, стр. 355.

эти мемуары должны послужить русскому пролетариату «лишь материалом» для самостоятельного осмысления и «переработки опыта западноевропейских товарищей»³¹.

Редакция отмечала при этом, что Ключере раскрыл опыт борьбы городского пролетариата в условиях Парижа, Россия же переживает теперь «революцию в значительной степени общенародную». Все это нужно было учесть при знакомстве с воспоминаниями военного министра Коммуны.

О чем же в них писалось? Прежде всего высказывалась общая идея: серьезная ответственность взявшие за «титаническую борьбу» обязывают отбросить «всякую сентиментальность» и добиваться только победы. Затем следовали конкретные рекомендации. Уличная борьба должна происходить не на улицах, а в домах, хорошо защищенных пунктах, где численное превосходство заменялось «индивидуальным мужеством». Восставшим важно вначале занять основные пункты центрального и местного управления: дворец, городскую думу, градоначальство (в провинциальных городах); затем — министерства внутренних дел и военное, департамент полиции, управление почтами, банки, главный местный штаб.

Нужно заранее выделить точное место «главного штаба революционеров» и уведомить об этом начальников отрядов. Сигнал к восстанию даст Исполнительный комитет. Отряды действуют самостоятельно в своих районах. Одни из них «немедленно принимаются за постройку баррикад», другие — «захватывают угловые дома». Нужно занять верхние этажи четырех угловых домов по обе стороны улицы. Наиболее удобным временем для начала восстания является ночь или день национального праздника.

Опубликованные во «Вперед» воспоминания Ключере заканчивались призывом к самоотверженной борьбе: «В самом деле, чего хотят восставшие? Славы лично для себя?... Нет, только идея, великая идея освобождения от угнетателей, вдохновляет людей на такие нечеловеческие жертвы. Пусть же они умирают спокойно с удовлетворенным чувством исполненного долга, от-

мщения врагам и достижения желанного успеха. Их смерть есть верная победа их сторонников, залог беспощадной победы их сторонников, залог беспощадной казни над угнетателями, уверенность в светлом будущем их потомков».

Одной из коренных проблем революции явился вопрос о возможности участия социал-демократов во временном правительстве. Большевики считали, что социал-демократы могут овладеть властью и удерживать ее только в том случае, «если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма». Большевицкая газета «Пролетарий» в статье «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры»³² резонно предлагала так переформулировать эту фразу: «Только в одном случае революция в России перекинется на передовые страны Западной Европы, именно, если РСДРП Партии удастся захватить в свои руки и удержать на долгое время власть»³³.

Под «захватом власти» имелось в виду лишь «по возможности» руководящее участие партии в революции в тот момент, когда «власть будет в ее руках» и когда ее «будут стараться» вырвать. Для правильного определения позиции партии в вопросе о демократической диктатуре газета «Пролетарий» решила обратиться к опыту Парижской Коммуны. Прежде всего: в какой мере Коммуна была диктатурой пролетариата?

В связи с этим газета привела отрывок из введения Энгельса к третьему изданию книги Маркса «Гражданская война во Франции»: «В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Вспомните в Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата»³⁴.

Была ли это «настоящая чистая диктатура пролетариата» по своему составу и характеру деятель-

³¹ «Вперед», 23 (10) марта 1905 г., № 11; В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 9, стр. 347.

³² Рукопись этой статьи неизвестного автора Ленин подверг значительной правке и написал заключительную часть к ней.

³³ «Пролетарий», 17 (4) июля 1905 г., № 8.

³⁴ Там же; см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 201.

ности? Вовсе нет. Представители сознательного пролетариата, т. е. члены Интернационала, находились в меньшинстве; большинство же имели в правительстве идеологи мелкобуржуазной демократии. И все же члены Интернационала, выражавшие интересы пролетариата, участвовали в таком правительстве— Центральном комитете национальной гвардии, Парижской Коммуне — и стремились повлиять на характер ее программы. Газета подчеркивала, что Маркс приветствовал такую тактику. Но это отнюдь не означало, что члены Интернационала желали во всем «слиться с Коммуной». Они стремились проявить классовую самостоятельность, «защищали свою особую чисто пролетарскую партийную организацию».

На основе сказанного в статье делался вывод, что, называя Коммуну диктатурой пролетариата, Энгельс имел в виду «лишь участие, и притом идейно-руководящее участие представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа»³⁵.

Для большевиков России эпохи 1905 г. было важно выяснить конечную цель Коммуны, установить «характер произведенного переворота. Был ли переворот социалистическим? Для определения этого автор статьи «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» обращается к тексту работы Маркса «Гражданская война во Франции» и устанавливает, что Коммуна должна была явиться рычагом для разрушения «основ буржуазного общества». Это вовсе не означало, что Коммуна ставила социалистические задачи. «Рабочий класс,— писал в этой связи Маркс,— не требовал чудес от Коммуны. Она не должна была осуществить немедленно какую-нибудь утопию... Коммуна не гналась за осуществлением идеалов: она должна была лишь дать свободу имеющимся уже элементам нового общества, развившимся в недрах перезревающего капитализма»³⁶.

Социальное законодательство Парижской Коммуны было пронизано реализмом и практической целесообразностью. Далекое от утопических доктрин, оно отвечало насущным потребностям революции; осуществля-

лось то, «что мы нынче называем „программой-минимум социализма"»,— отмечала газета «Пролетарий». Так мероприятия Коммуны как бы вписывались в ситуацию текущего момента России. Революция в Париже произвела радикальные действия, определившие сущность Коммуны. Как осуществлялись революционные преобразования? Это необходимо было знать тем, кто возглавлял революцию в России. Статья обращается к указанному введению Энгельса. Вот краткое содержание текста Энгельса: 26 марта была выбрана, а 28-го провозглашена Парижская Коммуна. 30 марта Коммуна отменила рекрутский набор и объявила единственной вооруженной силой национальную гвардию, формировавшуюся из всех граждан, способных носить оружие. Были аннулированы счета по квартирной плате (с октября 1870 по апрель 1871 г.), приостановлена продажа вещей, заложенных в ломбарде; жалование членов Коммуны не должно было превышать 6 тыс. франков. Последовал декрет об отделении церкви от государства. 6 апреля при всенародном ликовании была сожжена гильотина; а 12 апреля Коммуна постановила разрушить Вандомскую колонну, которая служила «символом шовинизма и международной вражды»³⁷.

Далее в статье «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» рассказывается о социально-экономических мероприятиях Коммуны. И опять слово предоставляется Энгельсу: «16-го апреля Коммуна приказала переписать стоявшие без работы фабрики и выработать план для их употребления в дело кооперативными товариществами работников и для объединения ЭПХ товариществ в один большой союз»³⁸.

Этот сухой перечень первых шагов революции 18 марта был весьма поучителен как опыт действия народного правительства, как смелое творческое начало, примеров которого еще не знала история. Для передовой России времени первой буржуазно-демократической революции этот опыт приобретал не только теоретическое, но и большее практическое, утилитарное значение — демократические преобразования назревали, дальней-

³⁵ «Пролетарий», 17 (4) июля 1905 г., № 8.

³⁶ Там же; см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 347.

³⁷ «Пролетарий», 17 (4) июля 1905 г., № 8; см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 195.

³⁸ Там же.

ший размах революции (статья была опубликована в июле 1905 г.) мог сделать их боевой задачей момента: опыт предшественников был нужен, как воздух. Но Коммуна не смогла довести дело до конца, революция была подавлена, коммунары разбиты. Может быть, своим поражением они «скомпрометировали» дело пролетариата, как «каркает Мартынов относительно возможного в будущем революционного правительства в России?»

Поставив так вопрос, большевистская газета «Пролетарий» отвечает на него отрицательно и в доказательство приводит слова Маркса: «Париж рабочих с его Коммуной всегда будет чествуем, как славный предвостановитель нового мира. Мученики его воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего. Палачей его уже и теперь история пригвоздила к позорному столбу, оторвать от которого не в силах будут все молитвы их попов»³⁹.

Обобщая сказанное, газета находит, что опыт Парижской Коммуны поучителен. Он учит участников революции в России тому, что «участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно». Этот опыт показывает далее, что реальной задачей, которую выполнила Коммуна, было прежде всего «осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей „программы-минимум“».

Наконец, революция 18 марта напоминает, что, извлекая уроки из Парижской Коммуны, не следует повторять ее ошибок: не был взят французский банк, не предпринято наступление на Версаль, отсутствовала ясная программа действия и др. Подражать нужно успешным практическим шагам, которые наметили верный путь революционных преобразований. Важно не слепо повторять лозунги «великих борцов 1871 года», а отчетливо выделить программные и практические лозунги,

отвечающие положению Дел Ё РОССИИ и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»⁴⁰.

КНИГА ЛИССАГАРЭ

О Коммуне 1871 г., ее успехах и ошибках писалось во время революции 1905—1907 гг. не только в большевистской печати. Многие отдельные издания были посвящены тогда революции 18 марта. Популярностью пользовалась в России (в 1905—1906 г. она выдержала девять изданий) книга Проспера Лиссагарэ «История Коммуны 1871 года», которую, как мы уже говорили, изучал Ленин. Едва ли тогда было известно, какое активное участие в пропаганде этой книги в свое время принял Маркс.

Лиссагарэ — демократ, журналист, участник Парижской Коммуны, эмигрировавший в Лондон, где сблизился с Марксом и его семьей. В декабре 1871 г. дочь Маркса Женни писала из Лондона в Ганновер другу Маркса и Энгельса Людвигу Кугельману, что наибольшую ценность из всей вышедшей литературы о Коммуне представляет работа Лиссагарэ «Восемь майских дней на баррикадах»⁴¹. В дальнейшем автор продолжал свои занятия и к середине 1870-х годов закончил монографию «История Коммуны 1871 года», которая печаталась на французском языке в Брюсселе в 1876 г. Маркс считал полезным издать эту работу и на немецком языке. 23 сентября 1876 г. он писал немецкому социал-демократу, издателю социалистической литературы в Брауншвейге Вильгельму Бракке, что это «первая достоверная история Коммуны. Лиссагарэ не только использовал все печатные источники, но и располагает недоступными для всех других материалами, не говоря уже о том, что он был большей частью очевидцем описываемых им событий». И дальше: «Я предлагаю Вам взять на себя издание этой важной для нашей партии и интересной для всей читающей немецкой публики работы»⁴².

«Пролетарий», 17 (4) июля 1905 г., № 8; см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 366—367.

⁴⁰ Там же; В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 11, стр. 132.

⁴¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 560.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 157—158.

Бракке ответил, что у него есть обязательства об издании книги о Коммуне Б. Беккера. Маркс тогда еще раз указал на преимущества работы Лиссагарэ: «Книга Беккера — это в лучшем случае составленная с точки зрения немецкой критики компиляция материалов о Коммуне, которые в Париже доступны всякому.

Книга же Лиссагарэ написана участником изображаемых событий (она поэтому приближается по характеру к мемуарам), причем автор сверх того располагал множеством никому другому не доступных рукописей главных действующих лиц драмы и т. д.

Между той и другой книгой мыслима лишь та связь, что сочинение Лиссагарэ окажется для Беккера новым источником, с которым он не сможет не считаться и который, быть может, заставит его внести значительные изменения в свою уже готовую рукопись»⁴³.

Аргументация Маркса подействовала. Бракке начал готовить немецкое издание книги Лиссагарэ. Был переведен ее первый лист, который был послан на проверку Марксу. «Проба» оказалась неудовлетворительной⁴⁴. Начались поиски другого переводчика. Решено было привлечь Изольду Курц. Проверку качества перевода взял на себя опять Маркс, который, найдя много погрешностей в переводе, счел все же, что И. Курц может справиться с этой работой.

По ходу подготовки нового издания Лиссагарэ сделал ряд изменений и добавлений во введении, которые Маркс нашел «очень важными», и просил Бракке их непременно учесть⁴⁵. Маркс просматривал и корректуру книги⁴⁶, которая в 1878 г., наконец, вышла на немецком языке. Затем дочь Маркса Элеонора в 1886 г. перевела ее на английский. В России одно из многочисленных изданий вышло в свет в 1906 г. под редакцией А. В. Луначарского.

Популярность книги Лиссагарэ вполне объяснима. В пору революционного подъема в России особенно ин-

тересно было узнать о том, как происходило социальное движение во Франции, завершившееся победой революции, победой трудящихся. Мыслится, что такие исторические события могли привлечь и передовую интеллигенцию и сознательных рабочих. Книга знакомила с нарастанием роли пролетариата в общественной борьбе, возникновением Интернационала. В 1864 г. впервые в Европе состоялся конгресс «Соединенных штатов труда». На нем «могучий исследователь» Карл Маркс, «изгнанный из Германии, изгнанный из Франции, дал движению гордый лозунг: „Освобождение рабочих — дело самих рабочих“»⁴⁷.

Рассказывалось в книге об интернациональных чувствах французских и немецких рабочих, выступавших против войны, излагалась история возникновения революции 4 сентября 1870 г., рисовалась постыдная роль французской буржуазии, предавшей интересы французского народа.

Наиболее полно и впечатляюще представлена в монографии Лиссагарэ сама Парижская Коммуна. Перед читателем предстает яркая картина провозглашения Коммуны, создания нового государственного аппарата, смелая, самоотверженная борьба с версальцами, проходившая за апокалипсическими образами коммунаров, рассказывается об их делах, успехах и неудачах. Мы слышим суровый голос автора: «Центральный комитет совершил большую ошибку, позволив бежать версальской армии. Коммуна совершила ошибку в сто раз более грубую; все серьезные восстания начинали тем, что овладевали нервом неприятеля — кассой. Одна только Коммуна отказалась от этого...»⁴⁸

Двадцать седьмая глава книги — «Париж накануне смерти — Версаль» — начинается с воспоминаний автора о последних днях Коммуны, о последних днях героического Парижа. «Кто жил твоей жизнью, твоей мировой душой, кто волновался на твоих бульварах и рыдал в твоих предместьях, кто усмехался заре твоих революций и несколько недель спустя стоял за твоими баррикадами, тот, кто слышал на твоих мостовых голоса мучеников свободы и приветствовал твои улицы, на которых

⁴³ К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 159—160; письмо К. Маркса В. Бракке от 30 сентября 1876 г.

⁴⁴ См. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 172.

⁴⁵ См. там же, стр. 195; письмо К. Маркса В. Бракке от 14 февраля 1877 г.

⁴⁶ См. там же, стр. 203, 206—208; письма К- Маркса В. Бракке от 11 и 21 апреля 1877 г.

» Э. Лиссагарэ. История Коммуны 1871 года. СПб., 1906, стр. 8.

⁴⁸ Там же, стр. 164.

отразилась история всего человечества, и тот не оценит тебя вполне, великий Париж революции, если не посмотрит на тебя со стороны. Иностранцы, с презрительной складкой на губах, говорят: „Посмотрите на этого сумасшедшего“, — но в то же время боязливо оглядываются на своих пролетариев, которые побросали молотки и наблюдают над борьбой: они трепещут, как бы ты не напомнил и им о суверенитете труда. Весь мир внимательно следил за жизнью возмущившегося Парижа, многие приехали из Америки созерцать зрелище, небывалое в истории: величайший город континента в руках пролетариев»⁴⁹.

С волнением читаются страницы книги, посвященные описанию храбрости коммунаров, их преданности революционному делу, их безграничному мужеству. «Один из членов Коммуны, Лефранс,— рассказывает Лиссагарэ,— осматривает госпиталь доктора Демарке, расспрашивает его о состоянии раненых. „Я не разделяю ваших идей,— отвечает доктор,— я не могу желать вам победы, но я никогда не видел раненых, сохраняющих больше спокойствия и хладнокровия в продолжение операции. Я приписываю эту храбрость глубине и энергии их убеждений“. Большая часть больных спрашивает, когда они вновь могут вернуться в ряды. Молодой человек 18-ти лет, которому была ампутирована правая рука, поднимает другую с восклицанием: „У меня еще осталась эта на службу Коммуне!“... Вот, мой друг, те пьяные животные, из которых, по словам Версаля, состоит армия Коммуны»⁵⁰.

Из книги Лиссагарэ русский читатель мог узнать об отношении международного пролетариата к делу Коммуны. Он мог узнать о том, что в немецком рейхстаге Август Бебель, а в Англии в палате общин Томми Уолли⁵¹ возмущались террором версальцев и защищали парижских коммунаров, что в Испании с трибуны кортесов Гарсиа Лопец заявил: «Мы изумляемся этой великой революции, о которой никто не может теперь здраво судить». Говорилось и о том, что рабочие Лон-

дона и Брюсселя, Берлина и Лейпцига, Женевы и Цюриха на огромных собраниях заявляли о своей солидарности с Парижской Коммуной и клеймили ее убийц. «Все социалистические газеты прославляли борьбу побежденных. Великий голос Интернационала рассказывал об их подвигах в красноречивом адресе и завещал память о них рабочим всего мира»⁵². Этими словами Лиссагарэ оценивал работу Маркса «Гражданская война во Франции».

«НА ЭТОМ ФУНДАМЕНТЕ МЫ ДОЛЖНЫ СТРОИТЬ ДАЛЬШЕ»

В 1907 г. в Петербурге издательством «Новая дума» была выпущена брошюра «К. Маркс. Письма к Л. Кугельману. Под редакцией и с предисловием Н. Ленина». Российским марксистам, говорилось в предисловии, «расслабленным скептицизмом, отупленным педантизмом, склонным к покаянным речам, быстро устающим от революции», следовало бы поучиться у вождя мирового пролетариата вере в революционное движение рабочего класса, поучиться умению Маркса сохранять твердость духа, не допускать «малодушного хныканья после временных неудач революции»⁵³.

В связи с этим Ленин обращает внимание читателей на оценку Марксом Парижской Коммуны, представлявшей собой «венец писем к Кугельману». Такое обращение к прошлому понадобилось Ленину для того, чтобы еще раз обнажить малодушие Плеханова, заявившего после декабрьского вооруженного восстания 1905 г.: «Не надо было братья за оружие». При этом Плеханов, как указал Ленин, сравнивал свое отношение к декабрьскому вооруженному восстанию с позицией Маркса, который «тоже, дескать, тормозил революцию в 1870 году»⁵⁴.

С большой политической силой Ленин показал несостоятельность этой аналогии. За месяц до высшего подъема революционной волны Плеханов не предостерегал

⁴⁹ Э. Лиссагарэ. Указ. соч., стр. 244.

⁵⁰ Там же, стр. 249.

⁵¹ Томми Уолли — английский рабочий-литейщик, основатель одной из секций Интернационала, член Британского федерального совета.

⁵² Э. Лиссагарэ. Указ. соч., стр. 330.

⁵³ В. И. Ленин. Поли, собр. соч., т. 14, стр. 374—375.

⁵⁴ Там же, стр. 375.

пролетариат от революционных действий, а призывал «учиться владеть оружием и вооружаться». Когда же борьба пролетариата вспыхнула, он выступил в роли кающегося интеллигента: «Не нужно было братья за оружие»⁵⁵.

А как же Маркс? За полгода до Коммуны в сентябре 1870 г. он предостерегал французских рабочих, что «восстание будет *безумием*». Маркс, таким образом, умел, по словам Ленина, «не задним числом, а за много месяцев сказать: „Не надо братья за оружие!“. Когда же, несмотря на этот призыв, в марте 1871 г. произошла революция, Маркс не стал говорить, что «не надо было братья за оружие». Под влиянием обстоятельств он изменил свою позицию. «12-го апреля 1871 года Маркс пишет *восторженное* письмо Кугельману, — письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего.

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении»⁵⁶.

Обратимся к этому письму Маркса, так высоко оцененному Лениным. Письмо Маркса в весьма лаконичной форме раскрывает основную сущность Коммуны, ее значение и ошибки. Значение: революция 18 марта не перешла, как это было до сих пор, «бюрократически-военную машину» «из одних рук в другие», а сломала ее. Такой шаг является предварительным условием «всякой действительной народной революции на континенте». Это буквально приводит Маркса в восхищение: «Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! ...История не знает еще примера подобного героизма!»⁵⁷.

Ошибки: если коммунары окажутся побежденными, то виной будет их «великодушье», «совестливость», «честность». После бегства реакционной части национальной гвардии из Парижа следовало сразу идти на

Версаль. Этого сделано не было. Момент был упущен. Так была допущена первая ошибка. Затем последовала вторая — «Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря „честности“, доведенной до мнительности!». Маркс в середине апреля 1871 г. допускал, что восстание коммунаров может быть «подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества». Померкнет ли от этого значение Парижской Коммуны? Вовсе нет. Она и тогда явится «славнейшим подвигом нашей партии...»⁵⁸.

«Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке *исторической инициативы* русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!» — восклицает Ленин⁵⁹. Он обращает далее внимание на то, что Маркс анализирует технические вопросы восстания — «*надо было сейчас же идти на Версаль...*» Маркс упрекает ЦК национальной гвардии за то, что он слишком рано сложил свои полномочия. Следовательно, основоположник научного коммунизма, предостерегая вожаков от преждевременного восстания, относится к пролетариату, «штурмуемому небу», как практический советчик, стремясь поднять движение на «*высшую ступень*», несмотря на ошибочные теории Бланки и Прудона⁶⁰.

Обобщая высказывания Маркса в письмах к Кугельману о революционном Париже, Ленин пишет в своем предисловии: «Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантизмом. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс героически, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю»⁶¹.

Таким образом, политическая злободневность ленинского текста заключалась в том, что марксисты Рос-

⁵⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 14, стр. 376.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 172.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 14, стр. 337.

⁶⁰ См. там же, стр. 377—378.

⁶¹ Там же, стр. 378—379.

сии должны уяснить себе: в истории бывают моменты, когда борьба народных масс «даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе»⁶².

Предисловие к «Письмам к Л. Кугельману» Ленин закончил словами: «Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен „штурмовать небо“»⁶³.

Спустя год, Ленин в польском журнале «Pizegld Socjaldemokratyczny» еще раз подтвердил эту мысль: «Если Маркс, за полгода до Коммуны сказавший, что восстание будет безумием, сумел дать тем не менее оценку этого „безумия“ как величайшего массового движения пролетариата XIX века, то в тысячу раз с большим правом русские социал-демократы должны нести теперь в массы убеждение в том, что декабрьская борьба была самым необходимым, самым законным, самым великим пролетарским движением после Коммуны»⁶⁴.

...18 марта 1908 г. в Женеве, в клубе «Международного рабочего союза» немцы, швейцарцы, шведы, датчане, австрийцы, итальянцы, русские собрались на митинг, посвященный трем датам: 25-летию со дня смерти К.- Маркса, 60-летию революции 1848 г. и 37-й годовщине Парижской Коммуны. От имени РСДРП с речью о революции 18 марта 1871 г. выступил Ленин⁶⁵. Он отметил, что эпоха кануна русской революции 1905—1907 гг. имеет некоторое сходство со временем наполеоновского ига во Франции. И во Франции и в России

⁶² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 14, стр. 379.

⁶³ Там же.

⁶⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 17, стр. 48—49. В связи с оценкой писем Маркса к Кугельману следует привести такой факт. 27 февраля 1908 г. Ленин из Женевы писал на остров Капри А. В. Луначарскому: «Затем хотелось бы нам очень заказать Вам к 3-му (23) номеру „Пролетария“ (юбилейному) статейку о *Парижской Коммуне*. Может быть у Вас есть новая книга Jaures и Dubreuil;— хотя вряд ли сии господа могли верно оценить Коммуну. Вот письма Маркса к Кугельману, о коих мы не раз с Вами беседовали, безусловно следует помянуть паки и процитировать в поучение оппортунистам» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 47, стр. 146). А. В. Луначарский сообщил Ленину, что написать эту статью не сможет (см. там же, стр. 346).

⁶⁵ Запись этого доклада Ленина была опубликована в «Заграничной газете», 23 марта 1908 г., № 2, под названием «Уроки Коммуны» (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 451—454).

деспотический режим довел страны «до ужасов экономического разорения и национального унижения». Но в России происходил долгий процесс назревания революции, так как социальное развитие страны не создало условий для массового движения. В дореволюционный период происходили лишь изолированные, хотя и полные героизма, нападения на правительство, которые «разбивались о равнодушие народных масс». И только социал-демократия сумела воспитать массы «до высших форм борьбы — массовых выступлений и гражданской вооруженной войны». Она сумела рассеять «общенациональные» и «патриотические» заблуждения молодого русского пролетариата, приступить к подготовке и проведению вооруженного восстания. Освободившись от «общенациональных» иллюзий, пролетариат сосредоточил свои силы в Советах рабочих и солдатских депутатов. «И несмотря на все различие,— отмечал Ленин,— в целях и задачах, поставленных перед русской революцией, сравнительно с французской 1871 года, русский пролетариат должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, которому начало дала Парижская Коммуна,— к гражданской войне»⁶⁶.

Учитывая уроки Коммуны, пролетариат России понимал, что нельзя отказываться от мирных средств борьбы, но при этом надо помнить, что «классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны». В кульминационные периоды социального движения бывают моменты, «когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании». Выступление Ленина заканчивалось полными оптимизма словами: «Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса подавлены — будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат»⁶⁷.

Сопоставление Парижской Коммуны и революции 1905—1907 гг. Ленин неоднократно проводил и во вре-

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 454.

⁶⁷ Там же..

мя империалистической войны, и в эпоху второй буржуазно-демократической революции в России, и в канун Великой Октябрьской социалистической революции, и в первые годы Советской власти. Опыт 1871 и 1905 гг. постоянно учитывался при самых крутых переломах истории.

После возникновения империалистической войны, когда социалисты всех стран вырабатывали тактику революционной борьбы, тактику борьбы рабочих против своих правительств, Ленин напомнил Манифест, принятый в 1912 г. Базельским конгрессом, в котором говорилось, что воюющие правительства боятся «пролетарской революции». Базельский Манифест, отмечал далее Ленин, «указывает с полнейшей определенностью на пример Коммуны 1871 г. и октября — декабря 1905 г., т. е. ни пример революции и гражданской войны»⁶⁸. Так писал Ленин летом 1915 г.

Прошло менее двух лет. Война обострила социальные противоречия в России. И вновь вождь мирового пролетариата высказывает эту же мысль, но уже более определенно: история русской революции 1905—1907 гг., как и история Парижской Коммуны, дают непреложный урок — «милитаризм никогда и ни в коем случае не может быть побежден и уничтожен каким-либо иным способом, как только победоносной борьбой одной части народной армии против другой ее части»⁶⁹. Эти слова были произнесены Лениным в Цюрихе 9(22) января 1917 г. в докладе о революции 1905—1907 гг. Так накануне второй буржуазно-демократической революции в России было предсказано начало этой «победоносной борьбы».

Февральская революция, свержение самодержавия в России поставили перед РСДРП новые задачи. С переходом от буржуазно-демократической революции к социалистической возникла проблема организации рабочего государства.

14(27) марта 1917 г. Ленин вновь выступил в Цюрихе перед швейцарскими рабочими и вновь изложил основную задачу момента. Он заявил, что для совершения революционного переворота необходимо государст-

во. Что же это будет за государство? Следовал обоснованный и целенаправленный ответ: «*непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих. Это то государство, какое нам требуется*». И опять Ленин далее ссылается на исторический опыт: «Таким государством по существу была Коммуна 1871 г. и *Советы рабочих депутатов* 1905 и 1917 годов. На этом фундаменте мы должны строить дальше»⁷⁰.

Приехав в апреле 1917 г. в Россию, Ленин продолжает высказывать свои взгляды на ход развития революции. Он призывает пролетариат и беднейшее крестьянство идти «от „двоевластия" к *полновластию* Советов рабочих депутатов» и доказывает, что «это и есть коммуна в смысле Маркса, в смысле опыта 1871 г.»⁷¹

В канун Великой Октябрьской социалистической революции Ленин пишет свою знаменитую работу «Государство и революция». В ней рассмотрение опыта Парижской Коммуны и революции 1905—1907 гг. занимает одно из центральных мест.

Открываем третью главу этой книги: «Государство и революция. Опыт Парижской Коммуны 1871 года. Анализ Маркса». Именно из взглядов Маркса исходит Ленин при изучении вопроса о государстве: рабочий класс не должен ограничиваться «простым захватом» государства, а «должен *разбить, сломать* „готовую государственную машину"»⁷².

Обращается внимание на то, что разрушение бюрократической государственной машины является, по Марксу, «предварительным условием всякой действительной *народной* революции»⁷³. Такой «действительной народной» революцией была буржуазная революция 1905—1907 гг. в России: масса народа, самые глубокие «общественные низы» своими требованиями, своими попытками построить новое общество наложили глубокий отпечаток на ход революционной борьбы.

«Народная» революция втягивала в движение пролетариат и крестьянство, которых давила и эксплуатировала «бюрократически-военная государственная маши-

⁷⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 31, стр. 76—77.

⁷¹ Там же, стр. 123.

⁷² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, стр. 37.

⁷³ Там же, стр. 39.

⁶⁸ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 26, стр. 319.

⁶⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 319.

на». Отсюда Ленин делал вывод: «Разбить эту машину, сломать ее — таков действительный интерес „народа“, большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково „предварительное условие“ свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера»⁷⁴.

Дело Парижской Коммуны продолжила Великая Октябрьская социалистическая революция, республика Советов. Партия коммунистов во главе с Лениным, учитывая опыт Парижской Коммуны, создала могучее Советское государство.

⁷⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 33, стр. 39—40.